

63.3(2)622

С52

ПРАВДА О ВОЙНЕ

О.С. Смыслов

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

О.С. СМЫСЛОВ

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62
С52

Смыслов, О.С.

С52 Житейская правда войны / О.С. Смыслов. — М.: Вече, 2014. — 320 с. — (Вся правда о войне).

ISBN 978-5-4444-1292-3

Знак информационной продукции 16+

Новая книга О.С. Смыслова — попытка заглянуть сквозь призму истории в годы Великой Отечественной войны и посмотреть на ее житейскую правду. Она потому и житейская, что в ней присутствуют точно такие же ситуации и проявляются точно такие же человеческие качества и эмоции, как и в мирной жизни. В книге двенадцать историй, но каждая из них, по сути, документальна. В этих историях нет вымышленных персонажей, а все факты основаны на свидетельствах очевидцев и документах. Каждая история — это рассказ о нелегких военных годах, о судьбах военнослужащих. Среди героев книги — солдаты и офицеры, асы-истребители, политработники и генералы.

**УДК 93
ББК 63.3(2)62**

ISBN 978-5-4444-1292-3

© Смыслов О.С., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОТ АВТОРА

Если открыть словарь Ожегова, то слово «житейский» там имеет следующее значение: «обыденный, свойственный повседневной жизни». В толковом словаре русского языка Кузнецова «житейский» означает: «связанный с жизнью, с действительностью; жизненный. Житейский опыт, расчет. Житейская мудрость. Житейские наблюдения».

«Правда» по Далю, точнее и не скажешь, — «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость».

«Война», как известно, это вооруженная борьба, боевые действия...

Эта книга — всего лишь попытка заглянуть сквозь призму истории в годы Великой Отечественной войны и посмотреть на ее житейскую правду. В книге всего двенадцать историй, но каждая из них, по сути, документальна. В ней нет вымышленных персонажей, а все факты основаны на свидетельствах очевидцев и документах.

Житейская правда войны потому и житейская, что в ней присутствуют точно такие же ситуации и проявляются точно такие же человеческие качества, как и в мирной жизни. Но ведь все это происходит на войне, где, как известно, есть место для подвига... Однако и там воевали самые обыкновенные люди, и неважно, кем они были. Важно другое. Несмотря на жуткие и поистине не человеческие испытания, которые не только закаляли,

но и достаточно сильно сплывали людей, человек все равно оставался самим собой. Командир стрелкового полка мог запросто струсить, а потом по букве закона стать Героем Советского Союза. Угодивший не по своей вине в штрафную роту солдат получал счастливый билет на долгую жизнь. Легендарный летчик-истребитель, сбивший немало самолетов противника, погибал не в воздушном бою, а в пьяном угаре самоубийцей. Командир авиаполка из-за банальной зависти пытался отдать под трибунал лучшего летчика полка, а потом, когда это не удалось, всю оставшуюся жизнь с гордостью рассказывал и писал, что именно он воспитал национального героя.

На войне было все, что должно и не должно было быть там: любовь, мечты, литературные таланты, бездарные военачальники, несправедливые расстрелы и полное исчезновение сотен тысяч бойцов и командиров как без вести пропавших. Собственно, такова и есть ее житейская правда, сотканная из противоречий, но дающая мудрость.

СОГЛАСНО ДИРЕКТИВЕ СТАВКИ

«ЗА ФОРСИРОВАНИЕ»

В 1943 году И. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, приказал разработать критерии награждения командиров за успешное форсирование рек. А вскоре вышла и соответствующая директива Ставки ВГК за № 30178:

«9 сентября 1943 г. 02.00 м.

В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград.

Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных рекам Десна и Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск. В связи с этим Ставка Верховного командования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам.

1. Командующих армиями — к ордену Суворова I степени.
 2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова II степени.
 3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова III степени.
- За форсирование такой реки, как Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудностям форсирования, названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным Советам фронтов и армий в течение суток с момента получения настоящей директивы ознакомить с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве...»¹

ФОРСИРОВАТЬ ДНЕПР

Итак, Днепр — третья по величине река в Европе после Волги и Дуная. Ее правый берег намного выше и круче, чем левый. Переправа такой реки, ширина которой в низовьях могла достигать трех километров, дело непростое, и особенно, когда на той стороне закрепился за преградами и в специальных сооружениях сильный противник.

После Курской битвы Гитлер приказал своим войскам стоять на Днепре насмерть и отдал приказ о строительстве Восточного вала. Советское командование в свою очередь приняло решение форсировать Днепр с ходу по всему участку фронта, что, безусловно, вело к огромным потерям, но в таком случае у противника не оставалось времени на укрепление своей обороны и возможности перегруппировать свои силы и средства...

Изрядно поредевшие в предыдущих боях части 38-й стрелковой дивизии в двадцатых числах сентября 1943 года остановились буквально в трех километрах от Днепра. Из села под названием Городище очень хорошо был виден его противоположный берег, на котором тесно жались друг к другу украинские хатки

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

села Григоровка. Именно там и предстояло захватить плацдарм 48-му полку этого соединения.

Незадолго до этого недавно назначенный командиром дивизии полковник Богданов на привале собрал офицеров полка и кратко рассказал о предстоящих действиях:

— Наша задача состоит в том, чтобы форсировать реку с ходу, не ожидая прибытия табельных переправочных средств. Нужно действовать быстро, использовать фактор неожиданности, не дать противнику опомниться. — И в конце лишь добавил: — Учтите, на этом участке правый берег довольно крутой и, как сообщают разведчики, сильно укреплен².

Позднее комдив отдаст командованию полка следующий устный приказ: «форсировать Днепр, захватить высоту севернее села Григоровка, затем совместно с другими частями овладеть им, закрепиться и удержать плацдарм до переправы на правый берег главных сил дивизии»³.

И командование не на шутку растерялось. В своих воспоминаниях помощник начальника штаба по оперативной работе старший лейтенант Лебединцев объяснит почему: «Видимо, угнетали их и сложность задачи, и отсутствие переправочных средств.

Советские саперы строят переправу через Днепр северо-восточнее Киева

К тому же в полку к тому времени был только один батальон из трех положенных по штату. Командовал им старший лейтенант Тихон Ламко. В саперном взводе налицо имелось всего лишь три человека: лейтенант, сержант и ездовой с повозкой, на которой везли саперные мины»⁴.

Командир полка майор Кузминов, как видно из его мемуаров, больше всего переживал за недавно прибывшее в полк пополнение: «Я лежал на плащ-палатке, смотрел в небо, видневшееся в просветах между верхушками деревьев, и снова, в который уже раз, задавал себе одни и те же вопросы.

Беспокоило меня и недавно прибывшее в полк пополнение — молодые солдаты, прошедшие ускоренный курс обучения и еще не нюхавшие пороху»⁵.

Но судя по всему, переживал он больше всего за взятие и удержание плацдарма на том берегу. Михаилу Яковлевичу попросту не хватало ни знаний, ни боевого командирского опыта. Тридцать три года от роду (1910 г.р.). Крестьянское происхождение. За спиной начальная средняя школа, после которой плотничал. В Красной Армии с 1932 года, а в 1938-м окончил курсы младших лейтенантов при Бакинском пехотном училище. На фронте с января 1942 года как исполняющий должность начальника штаба стрелкового полка. До этого старший адъютант отдельного батальона охраны Управления фронта, командир отдельной роты охраны. В июле 1942-го Кузминова назначают командиром батальона охраны штаба фронта. И только в мае 1943-го заместителем командира 48-го стрелкового полка. В должности командира полка он утвержден накануне событий: 15 сентября 1943 года. А 23 сентября ему присваивают звание майора⁶.

С молодым пополнением и переправочными средствами все было куда проще. Как утверждает А.З. Лебединцев, полковой инженер лейтенант Ф. Чирва буквально загорелся выполнением задачи: «Грядущее форсирование настолько раззадорило полкового инженера, что он забыл об обеде и со своими двумя помощниками немедленно принялся обходить дворы Городища,

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

выясняя, у кого есть спрятанные рыбацкие лодки. Селяне их затопили в заводях, чтобы немцы не уничтожили. Когда набралось восемь “посудин”, Чирва построил владельцев в шеренгу, зачитал текст военной присяги и заставил это сделать всех стоявших в строю. Потом они поставили свои подписи в блокноте лейтенанта, и тот поздравил “рекрутов” с зачислением в саперы 48-го стрелкового полка. В заключение Чирва сказал, что самым главным оружием новобранцев, которых даже не переодели в красноармейское обмундирование, будут их собственные лодки и весла на время переправы. С наступлением темноты плавсредства перевезли на повозках к берегу реки и замаскировали в кустах»⁷.

НОЧЬ БЫЛА УДИВИТЕЛЬНО ТЕПЛАЯ

В сентябре 1943 года девятнадцатилетнего лейтенанта Зайцева назначили в 48-й стрелковый полк командиром взвода пешей разведки. Именно его взводу первым удалось переправиться на другой берег Днепра. Вот как это было: «Ровно в час ночи 23 сентября 1943 года на шести небольших лодках мы отчалили от левого берега Днепра и, преодолевая течение, направились к противоположному берегу, где затаился враг. Мы — это взвод разведки, усиленный саперами и автоматчиками, всего тридцать человек. У нас два пулемета, у каждого — автомат, нож, дюжина гранат, максимально возможный запас патронов.

Ночь была удивительно теплая. От реки поднимался седой туман, словно Днепр хотел прикрыть от вражьих глаз своих освободителей. Противник мог обнаружить нас только на слух, и мы молили судьбу, чтобы туман не рассеялся, пока не достигнем правого берега.

Изредка над нами вспыхивали ракеты, но толщу тумана они не пробивали и, померцав в небе бледными звездочками, гасли и падали в воду. А вода казалась черной, тяжелой и вязкой, как застывающий битум.

А.Н. Зайцев

С юга и севера доносился гул боев. Потом уже я узнал подробности. Севернее нас, в районе населенного пункта Великий Букрин, на сутки раньше преодолели Днепр 12 бойцов во главе с командиром роты лейтенантом А. Алексеевым из 69-й механизированной бригады 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко. Партизаны отряда имени В.И. Чапаева, которым командовал И.К. Примак, помогли танкистам высадиться на участок берега, где гитлеровцев не было. 22 сентября с раннего утра там разго-

релся жестокий бой с подошедшими туда войсками противника.

Слева, немного южнее села Григоровка, на полсутки раньше высадилась четверка отважных бойцов из 51-й гвардейской танковой бригады — комсомольцы-автоматчики гвардии рядовые Н. Петухов, В. Сысолятин, И. Семенов и В. Иванов. Сопровождал их партизан А. Шаповалов. Смельчаки захватили маленький плацдарм и героически защищали его, пока не подоспела помощь.

А на нашем участке стояла тишина, тревожная и напряженная, таящая в себе множество неожиданностей. Кто-то нечаянно стукнул веслом о борт лодки, и я невольно вздрогнул. Кто-то неумело опустил весло в воду — раздался всплеск, будто рыба, резвясь, ударила хвостом по волне. Тут же, прошипев позмеиному, зажглась над нами ракета. Я ждал и думал: “Вот-вот обрушится на реку шквал огня. Закипит вода от пуль и снарядов. И кто-то из нас не доплывет до того берега. Хорошо, если только кто-то. А если всех накроют? Тогда не будет плацдарма, не будет выполнена задача. И снова первыми придется идти другим. И бу-

дут новые жертвы. Нет, уж лучше пусть кто-то из нас не доплывет. Пусть даже я... В случае чего меня заменит сержант Николай Новиков, храбрый, смелый разведчик”

Отогнал назойливые мысли, но все еще было беспокойно: вдруг фашисты ловушку готовят? Только ступим ногой на берег — ударят в упор.

Пересекли середину реки. Ребята нажали на весла, и они слегка заскрипели. Так и захотелось крикнуть: “Да тише вы, черти!”

На веслах были местные жители, хозяева лодок, добровольно вызвавшиеся помочь в форсировании Днепра. Одним из них был Иван Дмитриевич Боровик. Ему предстояло принять боевое крещение на родной реке, а потом уже стать бойцом саперного подразделения. Впоследствии опыт, полученный на Днестре, пригодился ему также при форсировании Молдовы в Румынии и Тисы в Венгрии. Иван Дмитриевич храбро сражался до светлого Дня Победы и вернулся домой, в село Городище, с орденами Красного Знамени и Красной Звезды. А в ту ночь он еще не был бойцом Красной Армии, но шел вместе с нами в пекло.

...У берега шапка тумана оказалась тоньше. Сквозь нее виднелись темные мрачные кручи.

От резкого толчка мы чуть не вылетели из лодки. Оказалось, что ткнулись в песчаный нанос. Вышли точно — к устью широкого и глубокого оврага, с северной стороны господствующей над всей окружающей местностью высоты. Это место мы выбрали для высадки накануне, когда вели наблюдение за вражеским берегом.

Одна за другой подошли остальные лодки. Осторожно, стараясь как можно меньше шуметь, я ступил в воду. Разведчики поспешили за мной. Так и хотелось крикнуть: “Вперед, ребята, за мной, ура!”, взорвать зловещую тишину и сразу покончить с гнетущей неясностью... Но надо было продвигаться вперед осторожно, как можно дольше оставаясь незамеченными.

Вот и берег. Меня опередили саперы. Показал им направленные движения — вверх по оврагу, по самой кромке ручья. Обернулся к Новикову, шепнул:

— Передай: идти гуськом, интервал десять шагов.

Стали медленно продвигаться следом за саперами. У ног бурлил ручей.

Подумал: “Будь наверху мы, а здесь фрицы — устроил бы я им в этом овраге западню...”

Саперы остановились и, когда я подошел, шепотом доложили: впереди обнаружена тропа. Значит, совсем близко и траншея гитлеровцев. Она находится в сотне метров от уреза воды и флангом выходит в овраг. Накануне со своего берега мы видели здесь над оврагом дежурного немецкого пулеметчика...

Я положил руку на плечо Новикову и шепнул:

— Давай!

Он исчез в темноте. За ним скрылся и рядовой Сулимов. Через минуту и мы, низко пригнувшись к земле, двинулись к траншее. А там уже шла горячая схватка. Помог Новикову справиться с дюжимо гитлеровцем.

— Товарищ лейтенант, он нам еще пригодится, — сказал Новиков.

И не ошибся: пленный сообщил важные сведения.

Между тем мой отряд выбрался из оврага и залег плотной цепью, ожидая дальнейших указаний. Я оставил на месте схватки одного разведчика с пулеметом, остальным приказал обойти траншею с тыла и по сигналу забросать врага гранатами. Сам же, взяв с собой Новикова, стал продвигаться, прошел несколько шагов, выбирая позицию, с которой удобнее вести огонь вдоль траншеи.

Минуты через три или четыре впереди, куда направились разведчики, раздался чей-то вопль. В тот же миг тишину разорвали разрывы гранат и треск автоматов и пулеметов.

Уже потом выяснилось, что моих ребят обнаружил вражеский офицер. Его хотели взять тихо, но он закричал и всполошил всех.

Мы с Новиковым бросились на помощь завязавшим бой разведчикам. За изгибом траншеи услышали чужую речь. Новиков

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

бросил туда гранату, а я, едва прогремел взрыв и просвистели осколки, открыл огонь из автомата.

Кто-то из фашистов тоже бросил гранату, но Новиков поймал ее на лету и метнул назад. Я бросил гранату туда же. Два взрыва прогремели почти одновременно. Мы пробежали еще немного вперед и увидели на пулеметной площадке клубок тел. Два гитлеровца напали на нашего автоматчика. В руке одного из них мелькнул нож. И опять Новиков продемонстрировал свою блестящую реакцию: удар ноги — и нож отлетел в сторону. Я схватил одного из гитлеровцев за воротник, приподнял и ударил финкой. Наш боец вскочил, воскликнул:

— Спасибо, братцы!

И тут же перезарядил автомат.

— Сейчас я им покажу! — прибавил он и побежал по траншее.

Минут через пятнадцать бой кончился. Только осветительные ракеты все время взвивались над нашими головами. Видимо, противник пытался определить наши силы.

Пользуясь затишьем, я проверил личный состав. Убитых нет. Двое легко ранены.

Достал ракетницу и подал сигнал командиру полка о том, что все в порядке — плацдарм на правом берегу Днепра захвачен.

Примерно через час гитлеровцы обрушили на нас интенсивный огонь из всех видов оружия. Затем предприняли контратаку, которую мы легко отбили, хотя, к сожалению, потеряли двух человек.

Поняв, что просто так нас не взять, враг произвел еще один сильный огневой налет, а потом бросил большую группу пехоты, стремясь во что бы то ни стало сбросить нас в реку. За этой атакой последовала другая, но мы уже крепко вгрызлись в землю.

Наверное, мысли каждого выразил Николай Новиков. Когда была отбита очередная атака, он, вытирая рукавом пот с лица, сказал:

— Нет, сволочуги фашистские, и не надейтесь: теперь нас отсюда не вышибить! Лично для меня земли за Днепром нет. Пусть уж лучше здесь будет моя могила.

Солдаты и сержанты дрались героически. Смертью храбрых погибли Иван Смолокуренько, Василий Бойко, Григорий Шевяков, Степан Звонарев. Раненые оставались, сражаясь, пока были силы.

После каждой вражеской атаки нас оставалось меньше и меньше... Я переходил по траншее от одного к другому, заставляя как можно чаще менять позиции. Да и сам вел огонь из пулемета с разных позиций, чтобы фашисты думали, будто нас больше, чем на самом деле.

Дважды фашистам удавалось ворваться в траншею. И тогда завязывались жестокие рукопашные схватки. На войне, пожалуй, нет ничего страшнее рукопашной, когда ты в самой гуще неприятеля, когда мелькают бешеные глаза, оскаленные рты, перекошенные злобой и болью лица врагов, когда с хрустом вонзаются в тела штыки, а на головы обрушиваются приклады...

Но труднее всего драться врукопашную в узкой тесноте траншей... В один из ожесточенных моментов схватки я едва успел увернуться от удара прикладом, чуть оступился — и тут же сверху всей тяжестью навалился на меня здоровенный фашист. Я упал на дно траншеи, лицом вниз. Автомат подо мной. Фриц стал выкручивать мне левую руку, но правую с ножом я вытянул вперед. Фашист пытался дотянуться до ножа. Щекой почувствовал его потную противную морду. Он сопел, дышал на меня чем-то до тошноты вонючим. Я изловчился, собрал все силы и вонзил в горло врага нож. А вокруг продолжалась яростная схватка. Выбраться из-под груды убитых уже не было сил. Будто издали услышал отчаянный крик Новикова:

— Зайцев! Где Зайцев? Лейтенант, вы где?

— Я здесь... Здесь я... Здесь... — еле выдавил из себя.

Новиков разбросал трупы, склонился надо мной и тут же испуганно отшатнулся, увидев, что все лицо в крови.

— Лейтенант, что с вами?

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

— Помоги подняться, — попросил я.

Он помог стереть кровь и долго всматривался в лицо, все еще не веря, что я жив и стою на собственных ногах, совершенно целехонький, без единой царапины.

— Зайцев! Ты живой, живой! — закричал он радостно.

Немного погодя произошла еще одна схватка. Я увидел, как в сотне метров от меня четверо гитлеровцев ворвались в траншею. По лязгу металла, по крикам определил — началась рукопашная. Побежал туда. Новиков, как всегда, следом, одного меня не оставлял. И все началось снова... Вот где особенно ярко проявилось правило — сам погибай, но товарища выручай. Впрочем, с одной очень важной добавкой — самому-то надо не погибнуть, а победить! В какой-то момент мы оказались перед наведенным на нас автоматом. Тут же кто-то из разведчиков с бруствера прыгнул на врага и этим спас нам жизнь.

Я побежал по траншее туда, где скрылись враги, и столкнулся с одним из них на повороте, да так, что переносицей сильно ударился о его каску. У меня искры из глаз посыпались, а гитлеровец, воспользовавшись этим, успел навести свой автомат... Вынуть пистолет из кобуры, выдернуть нож из чехла или гранату из кармана я уже не мог. Но фашист почему-то медлил, наверное, ждал, когда я выпрямлюсь, чтобы с наслаждением прошить очередь сверху донизу. Поднялся я во весь рост, крикнул:

— Ну, стреляй же, гад!..

И тут очередь сзади, у самого уха, оглушила меня и обожгла щеку. Фашист рухнул как подкошенный, успев нажать на спусковой крючок. Его автомат прогрохотал, выпустив трассу в ночное небо. Я обернулся и увидел разгоряченное лицо Новикова. Обнял его без слов и снова побежал вперед...

Из тридцати воинов полка, первыми форсировавших Днепр, в живых осталось двенадцать — двенадцать иссеченных осколками, насквозь прокопченных порохом, обожженных и контуженных, но не отдавших врагу ни одного из девятисот метров захваченной траншеи»⁸.

ПАРАШЮТНЫЙ ДЕСАНТ

После ухода Зайцева роты 48-го стрелкового полка укрылись на берегу вместе с лодками в зарослях кустарника. Лебединцев фиксирует: «Весь день мы вели наблюдение за противоположным берегом. Передвижений врага не наблюдалось. Позже выяснилось, что потрепанные германские части были отведены на удаление 15—20 км от русла реки. Немцы никак не ожидали, что русские с ходу решатся форсировать Днепр на подручных средствах, поэтому не организовали оборонительного рубежа на выгодном возвышающемся берегу. Это был их большой тактический просчет»⁹.

И действительно, по донесениям воздушной разведки, влучине Днепра, между Ржищевом и Каневом, значительных сил противника не имелось, как и не было создано прочной обороны. В таких условиях, с целью развития достижения успеха и расширения букринского плацдарма, командование Воронежского фронта принимает решение высадить в районе города Канева воздушный десант в составе 3 воздушно-десантных бригад. В ночь с 25 на 26 сентября транспортные самолеты совершили 296 вылетов, при этом 13 машин с десантниками вернулись на свои аэродромы, не найдя района высадки, два самолета высадили десантников в глубоком тылу противника. Еще один — в собственном тылу, а один сбросил парашютистов прямо в Днепр. Словом, Каневская воздушно-десантная операция провалилась прежде всего из-за грубых организационных ошибок и отсутствия у офицеров, все того же опыта руководства боевыми частями¹⁰.

Один из участников той операции, С. Мучкаев, напишет в конце девяностых об этом следующее: «...в ночь на 25 сентября 1943 года была произведена выброска Днепровского десанта в количестве около 5000 человек, в числе которых были наша 3-я ГВДБ в полном составе 3050 человек и 5-я ГВДБ (1525 человек). С рассветом десантирование 5-й бригады было прекращено

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

из-за отсутствия всякой связи с десантировавшимися и топлива для самолетов.

Немцы не давали возможности нашим самолетам выбросить бойцов в заданных районах, они теряли ориентировку и выбрасывали парашютистов на боевые порядки гитлеровцев и в холодные воды Днепра. Десантники оказались разбросанными на территории 30—100 км вместо 10—15 км. Собрать их вместе оказалось невозможным. Но они в этой обстановке смертельного риска все-таки начали действовать разрозненными отрядами и группами совместно с партизанами.

А. З. Лебединцев

Позднее основные группы десантников большими усилиями были объединены в бригаду численностью более 1 тысячи человек под командованием командира 5-й ГВДБ Сидорчука. Диверсионные группы взрывали мосты, уничтожали средства связи, транспорт, совершали внезапные и дерзкие налеты на гарнизоны фашистов»¹¹.

По утверждению Лебединцева, советский парашютный десант был выброшен именно в те районы, где приводили себя в порядок немцы. Далее он обращает внимание на следующий факт: «Почти все наши десантники были уничтожены ими. Но вместе с тем войска противника были задействованы там и не смогли выдвинуться к берегу, чтобы помешать форсированию. Кстати, трофейные парашюты немцы использовали в качестве обивочного материала в своих землянках — от просыпающегося грунта, что мы не раз наблюдали после их отхода»¹².

СОЗДАНИЕ... БУКРИНСКОГО ПЛАЦДАРМА

Когда стемнело, полковой инженер и командир батальона руководили погрузкой первой роты. Огневого сопротивления не было, и глубоким оврагом бойцы начали выдвижение к высоте 244.5. На этой высоте противник уже успел организовать свой опорный пункт в нескольких километрах от берега реки¹³.

Вторым рейсом, со второй ротой батальона Ламко, на тот берег переправился и ПНШ Лебединцев: «Было за полночь, стрельбы почти не велось. Только редкие очереди трассирующих пуль прочерчивали туман над поверхностью реки да одиночные ракеты мерцали в тумане. Слышался скрип уключин и всплеск воды от весел.

Много за ту ночь появилось у гребцов кровавых мозолей на ладонях, но еще больше проявили они храбрости, скользя на своих утлых лодочках между разрывами снарядов мин и бомб в светлое время. Вот кто постоянно проявлял героизм, по значению сродни пехотной атаке!..

Вот и противоположный берег. Лодка носом ткнулась в прибрежный песок, и мы быстро выскакиваем на берег прямо в расщелину оврага, по дну которого протекал небольшой ручеек. Увлекаю связистов влево, и на четвереньках карабкаемся по крутому склону вверх. Вот и встали на ноги, осторожно продолжаем путь. Показались строения, заходим в крайнюю хату, жители в погребе. Зажгли трофейную плошку, завесили окна и начали устанавливать телефоны и развешивать радиосвязь. До смерти я не забуду позывные тех дней по радио: «Гектар, Гектар, я Авиатор, даю настройку: раз, два, три и т.д.» А телефонисты со штабом дивизии переключались: «Бокал, Бокал, я Сосна. Сосна слушает» Это нельзя забыть! Вспоминалось мне это много раз на встречах с радисткой Раей с Кубани, телефонистками Явдохой из города Ромны и Надей из Тульской области. Последние появились пару месяцев спустя, а до них были только Рая и Маша. Я вывел всех посыльных и связистов во двор. Здесь ту-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

мана не было и видимость была лучше. Хата стояла почти под обрывом, который возвышался над ней почти до крыши. Я указал Митрюшкину размер щели, и связисты сразу приступили к ее отрывке, работая посменно и вычерпывая землю стальными шлемами. Через час появились начальник штаба и командир полка. Кузминов с телефонистами пошел на КНП, который ему оборудовали те же телефонисты за селом примерно посредине расстояния между батальоном и штабом полка»¹⁴.

Как вспоминает командир взвода разведки Зайцев, наконец подошла большая группа батальона Ламко: «Перед ней стояла задача: расширить плацдарм, захватить господствующую высоту. Не случайно это нелегкое дело Кузминов доверил именно Ламко, опытному командиру, беспредельно храброму, но расчетливому, хладнокровному, всегда действовавшему с умом.

Когда пехотинцы влились в нашу траншею, мы встретили их криком “ура!”. А они наше “ура” подхватили, и этот боевой клич мощно прозвучал над высотой как предупреждение гитлеровцам о том, что пора убираться восвояси, ибо очень скоро последует суровая расплата.

Вскоре прибыл комбат. Мы посоветовались, как действовать дальше. Выслушали предложения сержантов, учли данные, полученные нами от пленных. Выходило, что наиболее слабое место в обороне гитлеровцев было на южных склонах, спускающихся к окраине Григоровки. Фашистам, сидевшим на высоте, никакая опасность со стороны села не грозила. Все внимание они сосредоточили на нашей траншее.

— Вот оттуда мы и начнем их теревить, — сказал Ламко. — Один взвод пойдет по оврагу в обход высоты справа, наделает шуму — пусть фрицы думают, что основной удар мы нанесем оттуда. А на вершину пойдем в лоб.

Я предложил комбату остатками моего отряда попытаться с левого фланга обойти высоту и ударить по обороняющимся с тыла. Он согласился, дал на усиление нескольких бойцов, поделился боеприпасами. Договорились о сигналах и взаимодей-

ствии. Затем я собрал свой пополненный отряд, разъяснил задачу, и мы отправились по траншее на левый фланг.

К тому времени небо на востоке уже начинало светлеть, но над землей еще висела густая тьма, а в овражках и лощинах, в распадах и низинах клубился серый туман. Мы передвигались то попластунски, то на четвереньках, а где можно было — короткими бросками, используя естественные укрытия на местности.

У северной стороны высоты уже вовсю «шумел» один из взводов 1-го батальона. Видимо, все силы противник сосредоточил на ее гребне, на восточных и северных скатах. Это обстоятельство значительно облегчило наши действия. Скрытно, ничем себя не обнаруживая, бесшумно ликвидируя встречающихся на пути фашистских солдат, нам удалось по ходам сообщения и траншеям подняться почти до половины высоты. Конечно, времени на подобное “восхождение” ушло немало, и у Ламко, видимо, не хватило терпения. Он поднял подразделение в лобовую атаку. Минут на пять позже и мы с криком “ура!”, пустив в ход гранаты, стреляя из автоматов и пулеметов, бросились на врага. Внезапный удар с тыла был для гитлеровцев неожиданным и ошеломляющим...

Восход солнца мы встретили на вершине высоты. Перед нами открылась величественная картина общего форсирования Днепра. К сожалению, полюбоваться ею как следует не пришлось — из глубины обороны гитлеровцы открыли массированный артиллерийский и минометный огонь по реке и по нашей теперь уже высоте.

— Стреляйте, гады, стреляйте, — приговаривал Новиков, засекая огневые средства противника и нанося их на схему. — Насыпят вам перцу наши артиллеристы.

Захватив высоту, мы лишили гитлеровцев возможности визуально наблюдать за рекой примерно на пятикилометровом участке, а к полудню была освобождена Григоровка. Скоро весь полк переправился на правый берег, а вслед за ним подразделения 51-й гвардейской танковой и 69-й гвардейской механизирован-

ной бригад. Началось создание знаменитого букринского плацдарма, сыгравшего значительную роль в сокрушении пресловутого Восточного вала»¹⁵.

Глазами старшего лейтенанта Лебединцева картина на том берегу Днепра обретает несколько иные тона. Но это уже работа штаба полка на плацдарме: «Мой прямой начальник Ершов был, прямо скажем, в каком-то трансе. Вызвано это было, скорее всего, страхом и безысходностью нашего положения на плацдарме, тогда как я воспрянул духом после удачной переправы и руководил всеми делами штаба. Только начало светать, я увидел, что в огороде нашего дома разместились минометная батарея 120-мм калибра, но не нашего полка. Эти “самовары” принадлежали мотобригаде 3-й гвардейской танковой армии. Я попросил их переместить позиции дальше от штаба полка, но минометчики стояли на своем, утверждая, что позиции заняли раньше нас и никуда не уйдут. Я просил, чтобы Ершов употребил свою майорскую власть, но он только рукой махнул.

Утро обещало ясный день. В чистом небе первыми появились над нами четыре “мессера” Увидев батарею, они сбросили на нее и на хату по два контейнера с мелкими бомбами. Мы еще до этого все свалились в щель в несколько слоев. Я был верхним и заметил в простенке хаты солдата-связиста, которому не хватило места. Он до бомбежки ощипывал убитую утку. А у стенки, прижавшись к ней спиной, стояла фельдшер, лейтенант медицины, молдаванка Оля Дейкун. <...>

Основной удар мелких бомб пришелся по минометной батарее на “нашем” огороде, где были несколько человек убитых и раненых. Ольга бросилась туда оказывать помощь пострадавшим. Связисты принялись копать на возвышении яму для тела своего товарища. <...>

Начальник штаба укрывался под лавкой в хате и разразился бранью за то, что я выбрал именно эту хату. Он впервые с самого начала боев дивизии решил сам лично выбрать место командного пункта и, захватив всех людей штаба, пошел в овраг искать

Ю-87

подходящее место, оставив меня и радистку Раю Хабачек поддерживать связь до того времени, пока он не возьмет связь на себя. Минут через пять после их ухода появилась новая волна вражеских бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88. Это были фронтовые пикировщики, близко знакомые нам, пехотинцам. Они нанесли точные удары по целям, и пришлось им теперь в основном по скоплениям штабов, служб тыла и медучреждениям, облюбовавшим себе спасение во множестве промоин крутых обрывов большого оврага. Были сброшены несколько бомб и по минбатарее. Теперь она практически перестала существовать. Бомбежку я перенес под лавкой, а радистка с испуга забралась в подпечье русской печи и теперь никак не могла вылезть, задевая своими ягодицами и рыдая от страха и темноты. Я предложил ей лечь там плашмя и высунуть ноги; ухватившись за них, я извлек ее всю в курином помете и пыли. Зазуммерил телефон. Это майор разрешил нам двигаться по проводу на новое место. Взгромоздил ей на плечи приемопередатчик, а себе упаковку питания и

телефонный аппарат, и через пять минут мы увидели своих, сидящих в промоинах. Теперь, после второй бомбежки, начальник штаба ругал себя за неудачный выбор места, видя вокруг огромное скопление тыловых служб, и повелел мне с Митрюшкиным найти новое место, более укрытое, замаскированное и отдельное от других обитателей. Почти по отвесному скату оврага на четвереньках мы выбрались севернее, пробежали метров сто пятьдесят вдоль обрывистого берега Днепра и обнаружили именно то, что и было необходимо. Здесь были такие же промоины, но не обозначенные на карте и поросшие терновником, хорошо маскировавшим предполагаемое расположение КП.

Сержант остался с автоматом охранять место, а я вернулся, чтобы привести к нему всех. Впервые Ершов похвалил меня за удачный выбор. Связисты принялись устанавливать связь, а я распределять промоины службам штаба. Громко объявил всем, чтобы не нарушали кусты, и указал, где отрывать котлован землянки. Из всех ПНШ только я один находился при начальнике. Остальные, переправлявшиеся другими рейсами, видимо, блуждали в поисках нас, и я послал на берег к месту причала Митрюшкина, чтобы он указывал место штаба и КНП Кузминова. Только к обеду был доставлен нам поваром Петровичем завтрак на лодке. Петрович был пожилой кубанский казак из станицы Гулькевичи под Армавиром. Он дрожал от пережитого страха после разрывов вокруг лодки и извинялся, что остыли в ведре каша, а в термосе чай. Уже с наступлением темноты он привез нам обед и ужин одновременно. Как мы обрадовались полному ведру жареных окуней, которых он собрал с поверхности реки, возвращаясь на свой берег после завтрака. От разрывов снарядов, мин и авиабомб на реке гибло много рыбы и она всплывала на поверхность и уносилась вниз по течению. Ее даже было видно в бинокль из нашего штаба. Начальник связи капитан Лукьянов часто смотрел в бинокль на противоположный берег, где заправлял переправой полковой инженер Чирва. Рыбу тогда как грибы в лесу собирали многие переправлявшиеся. Ее несло течением

также с Щучинской и Зарубинской переправ, которые подвергались бомбежке не менее нашей.

Мы имели свою телефонную связь с находящимся впереди комбатом Ламко и командиром полка. Постоянно была связь с командиром и штабом дивизии, находившимся все еще на левом берегу. Из трех стрелковых полков дивизии только линия по дну реки, наведенная нашим начальником направления связи (ННС) младшим лейтенантом Оленичем И.И., служила безотказно по одной простой причине — она не имела ни одного срыва под водой на протяжении километра и была проложена немецким трофейным кабелем в полихлорвиниловой изоляции. На нашем берегу вынуждены были подключиться к ней и другие два полка, а когда и штаб дивизии переправился на плацдарм, то эта же линия служила проводной связью со штабами 40-й и 27-й армий.

Вот за нее и получил Героя Иван Иванович по моей рекомендации. Хотя этого высокого отличия он вполне заслуживал и за другие дела, часто прикрывая ручным пулеметом КНП Кузминова. Он был истинный Герой, скромный и малоизвестный в дивизии...

К вечеру начальнику штаба захотелось иметь данные о положении рот от непосредственного свидетеля и он послал меня в боевые порядки. Шагал я с посыльным «по проводу». Первоначально я навестил командира полка на КНП, там с ним находился начальник артиллерии, командир поддерживающего артдивизиона капитан Багрянцев и начальник разведки полка старший лейтенант Борисов»¹⁶.

КНП КУЗМИНОВА

Командир взвода разведки лейтенант Зайцев также быстро нашел КНП (командно-наблюдательный пункт) командира полка: «Во второй половине дня майор Кузминов обосновался со своим командным пунктом на западных скатах захваченной нами высоты, чуть ниже ее вершины. Я кратко доложил ему о выполнении задачи.

— Спасибо, Зайцев! — взволнованно сказал командир полка. — Ты большое дело сделал! Ну а сейчас — разведка, разведка, разведка! Непрерывная, самая достоверная и точная. — И добавил: — Я должен знать, что думает и замышляет противник...

Уходя с командного пункта, я мысленно повторял слова: “Разведка, разведка, разведка! Знать, что думает и замышляет противник”»¹⁷.

С КНП командира полка, как отметит Александр Захарович Лебединцев, открывалась панорама почти всего Букринского плацдарма: «Справа от КНП возвышалась самая высокая точка с отметкой 244.5. Ее пока еще удерживали немцы, но Ламко вел бой за захват этой высоты с тригонометрическим пунктом. Нанеся на карту точное положение КНП и положение противника, мы переместились в батальон. Своего друга я нашел в верховье того самого огромного оврага, который отсюда брал свое начало. Комбат обедал и ужинал одновременно и пригласил меня к котелку с рыбой из того же водоема, только с батальонной кухни, предложив мне “для храбрости” спиртика в кружке, в которой плавало и пшено. Разводить было нечем, и я выпил со всеми градусами. Мы располагались на восточных скатах высоты, а немцы с западных вели обстрел минами через высоту и я, впервые за всю войну, мог наблюдать мгновенное падение и взрыв мин на поверхности земли. Позже мне такое не приходилось наблюдать до самого конца войны. (Вылеты мин из ствола видел много раз, как и полет реактивных снарядов из катюш и установок “БМ-31”).

Той ночью батальон овладел вершиной высоты. 26 сентября он весь день вел бой за Колесище и высоту 209.7, продвинувшись на несколько километров в южном направлении. 27 сентября батальон атакует высоту 209.7, но противник оказывает упорное сопротивление огнем артиллерии и ударами авиации. За день боя 20 человек убитых и раненых. Недостаток боеприпасов в ротах и батареях. Очень сильным обстрелам и бомбежкам подвергается наша переправа. На следующий день продвинуться не

удалось ввиду сильного вражеского огня. Разведка отмечает сосредоточение вражеской пехоты и танков.

В ночь с 28 на 29 сентября по приказу свыше происходила перегруппировка войск. Наш полк, передав свой участок, должен был до рассвета принять другой от 337-й стрелковой дивизии. Эту ночь я провел в батальоне, так как при передаче и приеме позиций вышестоящие штабы, чтобы перестраховаться, требовали оформлять прием и передачу по акту, с указанием переданных инженерных сооружений. Это была практически невыполнимая задача в ночное время и в весьма короткие сроки. Но у нас всегда и все было на пределе человеческих возможностей. Ершов в этом отношении был просто деспотом, требуя акты и схемы не от батальонов, а лично от меня. До рассвета батальон успел только занять чужие окопы, ничего не зная ни о соседях, ни о противнике. Перед рассветом я вернулся в наш штаб. Все спали, кроме дежурного. Я попросил его доложить Ершову о моем возвращении и мгновенно уснул в одной из промоин.

В моем боевом донесении, сохранившемся в архиве, не были указаны часы, когда именно началась вражеская артиллерийская подготовка. Видимо, через несколько минут после того, как я уснул мертвецким сном, я услышал сплошной грохот разрывов снарядов и мин. Земля буквально содрогалась. Зарево разрывов покрыло равномерно всю занимаемую войсками площадь на плацдарме. Такого я с декабря 1941 года еще не переживал. Дежурный бегал, выкрикивая мою фамилию. Я зашел в котлован, прикрытый сверху обычной плащ-палаткой. Ершов с обезумевшими от страха глазами не спросил меня ничего о смене, а сразу заорал: почему нет связи с батальоном и с командиром полка и что творится вокруг?

Доказывать, что я не начальник связи и что не я спал, а он дрыхнул всю ночь, было бесполезным, и я крикнул: “Что еще вам от меня нужно?” Хотя и сам понимал глупость моего вопроса. Но это привело его в чувство, и он спокойнее сказал: “Нужно срочно бежать на КНП к Кузминову и уточнить, где батальон, а

по дороге исправить связь”. Я понимал, на что он меня посылает и куда придется идти через сплошной шквал разрывов. И мы пошли по проводу, сращивая перебои провода от разрывов. Вот и верховье большого оврага, поднимаемся на пригорок, где был окопчик КНП. Младший лейтенант связист Оленич вел огонь из ручного пулемета короткими очередями, Кузминов и Бикетов стреляли из карабинов связистов, которые набивали запасные диски к РПД. Увидев меня, Кузминов закричал: “Саша, как ты прорвался через эту стену огня и что вообще сейчас творится?” Телефонист только сообщил о прибытии в штаб, как провод снова перебило разрывом. Со штабом дивизии у командира тоже не было связи, как ее не было, видимо, ни у кого в таком аду. Впереди КНП танконедоступный овраг, откуда были слышны две команды: “форверст” и “фойер”. Но вражеская пехота тоже не лезла под пулеметный огонь. Я доложил о вчерашней смене боевых порядков и о той неразберихе, которая там творилась, что и привело к прорыву нашей обороны, видимо, на три-четыре километра. Командиру еще позавчера нужно было сменить свой КНП, но он почему-то не сделал этого. Ну и часовая артиллерийская обработка всей площади плацдарма позволила врагу вклиниться в наши боевые порядки. Массированность огня противника начала уменьшаться. Уже рассвело, но везде стоял дым и пыль, точно дымовая завеса.

Очнулся от своих дум Кузминов и решил послать меня с докладом об обстановке к командиру дивизии. Хотя он не знал, где наш батальон и что с полковой артиллерией. Он просил передать, что свой КНП они с начальником артиллерии не покинут и будут отстреливаться до последнего патрона. Он просит командира дивизии открыть огонь артиллерии по этому скату. Говоря возвышенными словами, он вызывал огонь на себя, но, не имея связи, делал это через меня. Только вылез я из окопа, как рядом раздался взрыв снаряда, и меня снова бросило в окоп. Я почувствовал боль в области колена левой ноги. Штанина была разорвана, показалась кровь. Я вспомнил, что в командирской сумке у меня почти год

хранится перевязочный пакет, я разорвал прорезиненный чехол и стал накладывать повязку сверху брючины. Встал на ноги и с облегчением подумал, что кость цела. Вдогонку Кузминов крикнул мне, что его адрес записан в книге. Я знал, что его супруга Мария Леонтьевна с сыном и дочерью проживают в Сухуми. Спускались мы вниз к реке, где у самого берега должен был располагаться командир дивизии с оперативной группой штаба. Через полчаса мы были у берега, где, заложив руки за спину, ходил по песку командир дивизии полковник Богданов. В стороне стоял начальник оперативного отделения штаба дивизии майор Петров и пытался дозвониться куда-то по телефону. Здесь же были начальник разведки майор Чередник и дивинженер Эшенбах»¹⁸.

А КАК ЖЕ С ВЫЗОВОМ ОГНЯ НА СЕБЯ?

Командир полка Михаил Яковлевич Кузминов в своих мемуарах достаточно подробно описывает события, произошедшие в тот день, хотя и путает дату, называя 26 сентября вместо 29-го: «...бой севернее Григоровки достиг наивысшего напряжения. Стремясь во что бы то ни стало сбить нас с занимаемых позиций и ликвидировать плацдарм, фашисты яростно лезли на высоту, где был оборудован полковой наблюдательный пункт. Нас оставалось все меньше и меньше. Кончались и боеприпасы: на каждое орудие было по 4—5 снарядов. На винтовку — по 5—7 патронов, на автомат — не более половины диска, а к станковым пулеметам, которых на высоте было всего два, — где-то около половины ленты. Фашисты непрерывно бомбили переправу, и доставка боеприпасов задерживалась. Положение становилось критическим.

Около пяти часов вечера противник предпринял мощную атаку. Вражеские танки, обгоняя пехоту, которую мы заставили залечь, ворвались в боевые порядки полка и начали утюжить наши окопы. Один из них переполз через наблюдательный пункт, оборудованный в траншее, и, остановившись метрах в семи позади

нас, открыл беглый огонь по переправе. Через реку в это время переправлялось подкрепление во главе с лейтенантом Н.Ф. Медведевым. Понимая, что наш успех на правом берегу во многом зависит от свежих сил, Медведев, несмотря на яростный обстрел, ловко маневрировал между фонтанами разрывов, руководя переправой наспех сколоченных из бревен и досок плотиков. Все же фашистскому танку удалось расстроить переправу. Так нужное нам пополнение задержалось.

В связи с прорывом к нам в тыл вражеского танка все те, кто находился на моем наблюдательном пункте, оказались в отчаянном положении.

Мы с майором Бикетовым (оба к тому времени были ранены) прижались к стенкам траншеи. Лейтенант Оленич, скрипя зубами, смотрел в остановившийся позади нас вражеский танк. Хоть зубами грызи этот “тигр”: у нас не было ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью. А вражеская пехота, подгоняемая командами офицеров, опять устремилась на высоту, все ближе подбираясь к полковому НП.

Что делать? Ведь если фашисты возьмут высоту, они легко прорвутся в Григоровку, и весь плацдарм будет под угрозой ликвидации. После недолгих размышлений я приказал Бикетову вызвать огонь по нашему наблюдательному пункту. Майор внимательно посмотрел на меня и дал условный сигнал. С НП артиллеристов запросили:

— Где ваш “первый”? — так условно именовался командир полка.

Я взял микрофон у майора Бикетова и сказал:

— Нахожусь у края «ленты» (условное название Днепра). Прошу немедленно открыть огонь по высоте.

— Понятно! — ответил артиллерийский наблюдатель. И вслед за этим все вокруг загрело, загрохотало, в небо полетели комья земли. Высоту окутали дым с пылью, закрывшие небо. Мы с Бикетовым лежали на дне траншеи, тесно прижавшись друг к другу.

Вражеский танк, пятясь назад, переполз через нас, привалив землей сержанта Николая Семенова. Если бы фашисты знали, что в траншее расположен наш НП, где находились два майора, лейтенант и три солдата-связиста, они, конечно же, нас живыми не оставили. Достаточно было водителю вражеского танка развернуть машину над нами, «поерзать» на месте, и мы оказались бы заживо погребенными.

Но теперь фашистам было не до этого. Наша артиллерия и катюши накрыли высоту, расстроили боевые порядки танков. Не менее десятка бронированных машин вспыхнуло, и теперь они огромными кострами догорали на склонах. Спасаясь от мелких залпов, гитлеровцы бросились наутек, оставляя на высоте убитых и раненых.

Вдруг мы услышали громкое «ура!» Это наши бойцы уже поднимались на высоту. О том, что мы вызвали огонь на себя, в штабе полка, располагавшегося возле Днепра у обрыва, никто не знал. Когда наша артиллерия начала бить по высоте, начальник штаба майор Ершов и мой заместитель по политической части майор Гордаций пришли к мнению, что на НП никого не осталось. Решили, что мы погибли, и, чтобы спасти плацдарм, подняли по тревоге офицеров штаба полка, саперов, минометчиков, даже легкораненых и повели их в атаку на высоту. К этому времени подоспело и пополнение, доставленное через Днепр лейтенантом Медведевым»¹⁹.

Когда Михаил Яковлевич Кузминов писал свои мемуары, вряд ли он думал о том, что бывший ПНШ по оперативной работе старший лейтенант Лебединцев тоже возьмется за написание воспоминаний. Но если и думал, то уж точно не предполагал, какую правду напишет его подчиненный: «Я доложил комдиву о просьбе Кузминова, и он потребовал указать его место на карте и на местности. Потом он спросил, где наш штаб. Я ответил, что здесь же на пригорке в промоинах, и он отпустил меня, наказав: немедленно на том берегу собирайте всех способных держать оружие и переправляйте их сюда. Увидев

здесь нашего офицера связи лейтенанта Медведева, я взял его с собой. Начальник штаба обрадовался моему возвращению, и я передал приказ комдива. Ершов тут же поставил задачу Медведеву переправиться на тот берег, провести там тотальную мобилизацию и доставить всех на наш берег. В связи с продвижением противника теперь вся территория плацдарма простреливалась не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем.

После обеда Медведев доставил сюда из тылов всех и моего писаря в том числе. Оказалось человек двадцать. Убедившись, что я могу ходить, Ершов, опять же, поручил мне идти с отрядом на КНП командира и найти его живого или мертвого. Как ни странно, на месте КНП оказались только связисты. Один из них был убит и один ранен. Я спросил о судьбе командира полка, и Оленич сказал, что оба майора ушли к соседям для поддержания связи и не вернулись. Связь снова была наведена, и я доложил Ершову и в штаб дивизии майору Петрову о том, что командир был жив и где-то у соседей. На его КНП двадцать солдат под командованием Медведева.

Начальник штаба полка хотел послать меня на поиски Кузминова, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена, и он приказал мне вернуться на командный пункт. Ужасная тревога немного улеглась. Возвращаясь назад, я видел нескольких раненых, один из них даже песню пел. Я подумал, что, кроме ранения, он еще контужен. Но он на полном серьезе объяснил мне причину своего веселья — теперь на месяц как минимум попадет в госпиталь, где отмоется, отоспится и, может, приударит за санитаркой. Было и такое...

К вечеру на КНП появился адъютант, старший батальона старший лейтенант Николенко, который сообщил о том, что батальон отошел на свои прежние позиции на высоте 244.5. С ним остатки роты автоматчиков и разведчики под командованием Зайцева. А командир батальона старший лейтенант Ламко отправлен в полевой госпиталь тяжело контуженым»²⁰.

В итоговом боевом донесении штаба 48-го стрелкового полка за 29 сентября 1943 года ПНШ Лебединцев (он его переписал спустя годы в ЦАМО) докладывал: «Роты, не успев принять новые районы обороны, приступили к отражению начавшегося наступления противника. Это был самый ожесточенный день. Окончились боеприпасы, контужен командир батальона, в командование вступил адъютант старший Николенко, погиб один из ротных командиров. Пехоту поддерживали рота автоматчиков полка и взвод пеших разведчиков. Отвагу проявили связисты сержант Перевозчиков и рядовой связист Лыткин. Пал смертью героя командир роты автоматчиков лейтенант Бахтин. Получили ранения начальник разведки старший лейтенант Беличенко, ПНШ-6 капитан Зернюк, парторг полка капитан Новожилов, пропагандист полка капитан Носов. На переправе тяжело ранен полковой инженер Чирва. Комбатом назначен капитан Лихолай из полкового резерва».

Последующие дни боевых действий на плацдарме Александр Захарович описал благодаря своим детальным выпискам в архиве Министерства обороны: «30 сентября противник предпринимал неоднократные попытки продолжить свое наступление, но все они нами были отражены с юго-восточных скатов высоты 244.5. 1 октября продолжалась только артиллерийская перестрелка, без активных действий пехоты. Ночью подразделения полка были сменены вторым батальоном 22-й гвардейской мотострелковой бригады и выведены на южную окраину Григоровки. Противник, видимо, обнаружил сосредоточение нашей пехоты и танков в колхозном саду и нанес очень сильный, массированный артиллерийский налет по этому району. Командный пункт нашего полка временно разместился в подземном хранилище для зимнего содержания ульев пчел. Этот подвал имел до полутора метров земляной насыпи. После обстрела я насчитал три прямых попадания крупного калибра, но даже они (слава советским колхозникам!) не смогли разрушить надежное перекрытие. Противнику удалось попасть и поджечь два наших танка. В этот артолет по-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

гиб начальник связи полка капитан Лукьянов, а при переправе был убит ПНШ-4. Таким образом, за двое суток в штабе полка из шести помощников начальника штаба полка остался я один. Но даже это нисколько не смущало начальника штаба полка, и он продолжал каждую ночь посылать меня на передний край для уточнения положения и проверки бдительности несения боевой службы и дежурства в ночное время. Мы в ротах бывали подчас чаще, чем батальонный командир и его адъютант старший (начальник штаба). А на мне постоянно лежали обязанности в организации смен боевых позиций и частых перегруппировок в обороне.

4 октября отбиты две ночные атаки противника на переднем крае. За два дня боев потеряли убитыми и ранеными 28 человек. К 12 часам в полку остался всего 21 человек так называемых «активных штыков», то есть два отделения из 91 стрелкового отделения, положенного по штату в полку. Такого я не встречал ни в одной из армий, ни в одной из войн, которые мне приходилось изучать.

Два последующих дня активных действий почти не велось. 9 октября мы были выведены с переднего края для получения пополнения. Через сутки мы снова заняли свои позиции в обороне. 12 числа после 40-минутной артподготовки и бомбоштурмовых ударов авиации в 7 часов 40 минут части дивизии перешли в атаку на самом левом фланге нашего плацдарма. Наступали вместе с соединениями 27-й армии, которая была введена из второго эшелона Воронежского фронта и брошена на расширение Букринского плацдарма с 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями. Но противник сосредоточил на этом участке семь пехотных, танковую и мотомеханизированную дивизии, которые стояли насмерть, не допуская расширения этого плацдарма. Первая атака не дала результатов, так как удалось только сблизиться, но не прорвать оборону врага. В 14 часов, после повторного арналета, наши части прорвали несколько траншей и продвинулись от трех до пяти километров и снова были оста-

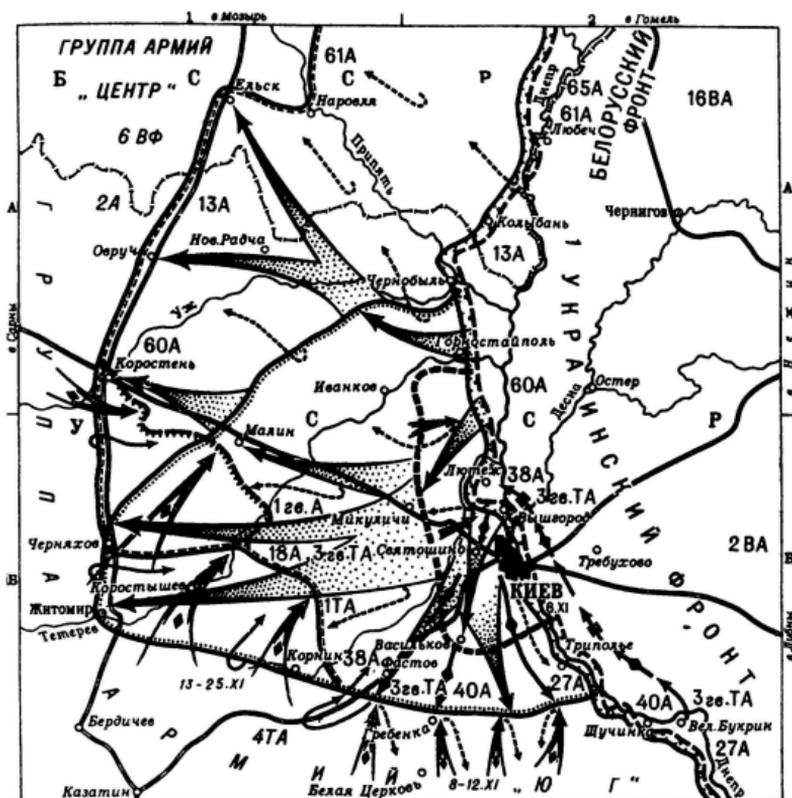
новлены на рубеже Бучак, Иваньков на заранее подготовленном противником рубеже. Много было потеряно танков и личного состава. Теперешняя дистанция соприкосновения составляла 25—30 метров и позволяла немцам добрасывать свои ручные гранаты прямо в наши траншеи, а наши, из-за коротких рукояток для броска, снова не долетали, как и в боях под Сумами. Командный пункт полка переместился в ночь на 13 октября в овраг в лесном массиве южнее Григоровки полтора километра. Потери за эти два дня боев в полку составили убитыми 19, ранеными 132 и пропал без вести 21 человек (чаще всего оказывались в плену). Призванные до Днепра в армию снова сдавались в плен, теперь уже без окружения и отступления. Каждый день мы делаем попытки продвижения, но все они безуспешные. Я по-прежнему в штабе один из всех шести помощников. Некому даже дежурить по штабу».

Что же касается командира полка, то он вместе с начальником артиллерии нашелся не сразу, но зато в совершенно полном здравии. Вот как об этом свидетельствует А.З. Лебединцев: «Во время одной из послевоенных встреч однополчан в Григоровке бывший командир штабного взвода связи Бережной рассказал мне, что когда Кузминов и Бикетов вернулись после двухсуточной отлучки из полка во время наступления немцев на плацдарм, их вызвал командир дивизии полковник Богданов на свой КНП на берегу реки и спросил, где они были? Кузминов сказал, что искали связь с соседом. Тогда комдив нанес ему пощечину, сказав при этом: “А как же с вызовом огня на себя? Искупить кровью!”»²¹.

Лейтенант Зайцев до конца своей жизни не забудет, как однажды командир дивизии полковник Богданов вызвал к себе на командный пункт группу наиболее отличившихся офицеров: «Тепло поблагодарив за мужество, проявленное при форсировании, он сказал:

— Вы совершили подвиг. Но впереди бои не менее жестокие. Враг будет пытаться сбросить нас в Днепр. Мы не должны

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

КИЕВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1943 г.

←←←←← Перегруппировка пехоты, танков и артиллерии с Букринского на Лютеский плацдарм (с 25.X по 3.XI) ——— Положение немецко-фашистских и советских войск на 3.XI ←←←←← Наступление советских войск	----- Положение войск на 6.XI ----- Положение войск на 12.XI →→→→→ Контрудары и отступление немецко-фашистских войск ----- Положение войск на 25.XI ----- Изменение линии фронта к концу декабря

Киевская наступательная операция

допустить этого. Под фашистским сапогом еще стонет древний Киев — столица Украины. Освободить его, очистить от оккупантов — наша с вами святая и почетнейшая задача.

Командир дивизии зачитал представления к награждению орденами на некоторых из присутствовавших офицеров. Я не ду-

мал, что совершил что-либо особенное, поэтому для меня были неожиданностью слова комдива:

— Вас, лейтенант Зайцев, представляю к ордену Красного Знамени!

— Служу Советскому Союзу! — ответил я взволнованно.

Недолго длилась встреча. Времени я тогда не засекал, но, наверное, заняла она не более десяти минут. А запомнилась на всю жизнь. Я и теперь не перестаю удивляться, как могли и как умели наши командиры в сложнейшей боевой обстановке выкраивать время для того, чтобы встретиться с отличившимися, вызвать их к себе или найти их в окопе, в блиндаже, на самой передовой линии сражения, побеседовать по-отечески, сказать теплое командирское спасибо. Конечно, сражаясь с врагом, мы не думали о наградах и славе, не ради них проливали кровь и совершали подвиги. Нет. Беспредельная, горячая любовь к Родине и святая, жгучая ненависть к врагу — вот два главных великих чувства, которые поднимали и вели нас в бой. И все-таки кому же не хочется, чтобы старший товарищ, командир или начальник, отметил успех в ратном труде? Душевная благодарность, а тем более награда придают воину сил, вдохновляют, зовут к новым боевым свершениям.

На встрече у командира дивизии присутствовало всего лишь пятнадцать — двадцать солдат, сержантов и офицеров из различных подразделений. Однако это не означало, что, кроме них, никто не заслуживал такого почета. В память мою врезались слова полковника Богданова:

— Чтобы встретиться со всеми отличившимися и лично поблагодарить их за проявленные отвагу и мужество, я должен был бы пригласить сюда всех без исключения воинов дивизии. Но, к сожалению, сделать так не позволяет обстановка. Я должен был бы назвать здесь всех, кто действовал храбро и умело, кто пролил кровь и не пощадил в бою своей жизни, но для этого требуется очень много времени.

Затем он попросил нас передать его сердечное спасибо своим сослуживцам»²².

Командира полка майора Кузминова среди присутствующих не было.

ПРИНЯЛИСЬ ДЕЛИТЬ НАГРАДЫ

Через два дня после форсирования Днепра, свидетельствует Александр Захарович, поступили устные указания о представлении всех офицеров к орденам, а солдат и сержантов к орденам и медалям. Вот как это происходило: «Оформлением занимались писари и делопроизводители у ПНШ по учету, которые обычно вели списки живых и убитых, совершенно не владея ни военными терминами, ни лексикой, поэтому писали, что на ум взбредет. В саперном батальоне были представлены четыре человека — командир роты и три сапера — к званию Героя Советского Союза. Фантазия писаря дошла только до того, что он сумел, не повторяясь, записать в качестве подвига затыкание пробоин в лодках: у одного — портянками; у другого — бельем; а у третьего — обмундированием, и приписал всем фантастическое количество перевезенного через Днепр личного состава, вооружения, боеприпасов и воинских грузов. Дальше фантазия писарей не пошла, а командирам, подписывавшим эти представления, не было времени уточнять и тем более корректировать или исправлять их, так как некоторые командиры не могли сами написать донесения или расписки, а то и письма близким, поручая это писарям. С мая 1943 года и по февраль 1944 года я нашел в архивах только одну записку из трех строк, написанную собственноручно начальником штаба полка майором Ершовым, и ни слова, написанного всеми командирами нашего полка. Даже нет исправлений их рукой. В минуты затишья на переднем крае Кузминов обычно брал папку с представлениями, читал фамилию, смотрел, на какой орден воин представлялся, держал совет с начальником артиллерии, решал: “Дадим!” — и ставил свою подпись после согласия майора Бикетова. Однажды, когда нас вывели на сутки для получения пополнения, Кузминов оказался

в штабе дивизии, а там был получен приказ о том, что на дивизию выделена наградная норма на Героев Советского Союза в количестве 50 человек. Комдив решил в стрелковых полках сделать по десять героев, а остальные 20 отдать саперам, артиллеристам, связистам, противотанкистам и другим службам. <...>

Принялись делить награды на “военном совете” полка, состоявшем из командира, замполита, начальника штаба и начальника артиллерии. Присутствовал и я во время этого разговора. Сидят командиры и смотрят друг на друга. В это время никто из офицеров штаба еще не был представлен даже к обычным орденам. Молчание затягивалось, и я сказал: “Что тут гадать, представлять надо Ламко, Чирву, Зайцева, командира роты лейтенанта Мехеева М.В. и представленных из батальона: младшего лейтенанта Жуйкова Ф.И., вступившего в командование батальоном адъютанта старшего Николенко В.А.; командира пулеметного расчета старшину Телефанова; пулеметчика Карпенко; командира батареи 76-мм орудий старшего лейтенанта Косенкова и командира орудия старшину Осина” Все сразу согласились, хотя Николенко написал представление сам на себя и у него в нем ничего не соответствовало статуту ГСС. После этого я позвонил в штаб дивизии и просил начальника связи дивизии оформить представление на Героя нашему начальнику направления телефонной связи младшему лейтенанту Оленичу И.И. Он обещал сделать»²³.

Однако все оказалось гораздо сложнее, о чем и свидетельствует бывший помощник начальника штаба полка: «Примерно через неделю я докладывал по телефону обстановку на переднем крае начальнику оперативного отделения штаба дивизии майору Петрову В.И., моему непосредственному “патрону” в вышестоящем штабе. В конце он поздравил меня с орденом Отечественной войны 2-й степени, которым был награжден и он сам, и некоторые наши офицеры, тоже представлявшиеся на Красную Звезду. В этом же приказе вместо Героя получали такой же орден Николенко и Осин. А Жуйков, Зайцев, Карпенко,

Косенков и Ламко награждались орденами Красного Знамени. Во всей дивизии вместо разрядки в 50 человек героизм получили только 16, а все остальные получили ордена Красного Знамени или даже ордена Отечественной войны 2-й степени. А произошло вот что.

Первоначально 22 и 23 сентября форсировали Днепр в его большой излучине соединения 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий. Это был первый на этой реке плацдарм, названный, как и два населенных пункта — Большой и Малый Букрин — “Букринским”. В 40-й армии две дивизии форсировали Днепр в районе Ходоров (253 и 337 сд), 161-я в районе Зарубинцы и наша, 38-я, в районе Григоровки. Мотострелковые части 3-й гвардейской армии высаживались только в двух последних населенных пунктах, и произошло невольное перемешивание боевых порядков. После первого, самого значительного контрудара противника 29 сентября на плацдарм был введен второй эшелон Воронежского фронта — 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта Трофименко. Ее соединения в самом форсировании участия не принимали, а переправлялись по наплавному мосту и на парамах уже без воздействия огня противника. Поэтому в первоначальную разрядку на героические звания они не вошли. Эта армия вводилась в центре оперативного построения и отрезала 38-ю дивизию на самом левом фланге плацдарма от главных сил 40-й армии. В связи с этим наша дивизия была переподчинена 27-й армии. Такое происходило часто.

Оформили представления на 50 человек к званию Героя по распоряжению командующего 40-й армией генерал-полковника Москаленко К.С., а представлять их в Верховный Совет пришлось уже через командующего и штаб 27-й армии, на которую разрядка на Героев, естественно, не выделялась, а соблазн был велик. Вот и решил командарм Трофименко за счет нашего лимита прославить и своих людей, тем более что и у него многие отличились, но уже не за форсирование, а за бои по расширению плацдарма. Сейчас очень трудно подсчитать, сколько получено

Героев в 27-й армии, но они безусловно есть, в том числе и за счет Героев нашей дивизии»²⁴.

Первыми кандидатами на присвоение звания Героя Советского Союза в 48-м стрелковом полку были однозначно названы полковой инженер Ф.Т. Чирва и командир батальона Т.Ф. Ламко. Они действительно заслужили это высокое звание. Тем не менее комбата наградили орденом Красного Знамени, а представление на инженера и вовсе пропало. Как указывает Лебединцев, начальник штаба полка Ершов таким образом отомстил инженеру из-за неразделенной любви²⁵. Капитана Федора Тимофеевича Чирву к ордену Красного Знамени представит очередной командир полка только в октябре 1944 года. В наградном листе будет совершенно справедливо написано: «Во время форсирования реки ДНЕПР товарищ ЧИРВА с отделением сапер и с небольшой группой стрелков непосредственным руководством под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника сумел переправить на подручных средствах весь полк с артиллерией и минометами. При этом товарищ Чирва был тяжело ранен в грудь...»²⁶

Как мы помним, лейтенант Зайцев со своим взводом разведчиков самым первым переправился через Днепр и не меньше других заслужил звание Героя. Однако его не получил, о чем свидетельствуют два наградных листа, оформленных в октябре 1943-го.

На первом стоит дата 19 октября: «Лейтенант Зайцев за период боевых действий полка во время форсирования реки Днепр и при расширении плацдарма правобережья, командуя работой автоматчиков 48 стрелкового полка первым со своей ротой переправился на правый берег и закрепился на нем. В одну из атак, превосходящими силами противника Зайцев воодушевил личным примером своих бойцов и повел роту в контратаку, уничтожив 115 немецких солдат и офицеров и занял высоту.

В дни расширения правобережного плацдарма Зайцев несколько раз водил роту в атаку, уничтожая живую силу и технику противника и имея успех.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Представляю к правительственной награде ордену Красной Звезды...»²⁷

На втором стоит дата 25 октября: «Командир взвода пеших разведчиков лейтенант Зайцев с 24 по 25 сентября 1943 г., получив приказ на разведку обороны противника на правом берегу Днепра, на переплавных средствах, поделанных из подручного материала, пользуясь вечерними сумерками, под сильным огнем противника первым форсировал реку без потерь. Точно установил передний край обороны и расположение огневых точек противника.

29 сентября 1943 г. противник силами до батальона, пользуясь сплошным туманом, перейдя в контратаку на стык 48 стрелкового полка и 165 стрелкового полка 61 стрелковой дивизии, вклинился в нашу оборону. Лейтенант Зайцев со своим взводом сильным огнем из винтовок и автоматов задержал часть наступающего противника, перешел в контратаку и уничтожил до роты немецких солдат, чем сорвал наступление немцев и дал возможность другим подразделениям удержаться на занятых рубежах правобережья.

Представляю к высшей правительственной награде, званию — Герой Советского Союза...»²⁸ Но вместо Героя Зайцева наградили орденом Красного Знамени.

Начальнику артиллерии 48-го стрелкового полка майору Бикетову повезло тогда больше всех. Как свидетельствует А.З. Лебединцев, Бикетов «остался на том берегу переправлять свои орудия и минометы и сделал это весьма удачно, так как попался на глаза командующему артиллерией 40-й армии полковнику Бобровникову, который поинтересовался, кто руководит переправой орудий, и Иван Владимирович скромно назвал, разумеется, свою фамилию и должность. Адьютант записал, и в тот же день было оформлено представление на Героя, даже без уведомления прямого начальника Бикетова — командира нашего полка. Уже 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя. Это был первый из указов на Героев за Днепр»²⁹.

Александра Захаровича Лебединцева я лично знал не один год и хочу сказать, что этот умный и интереснейший человек написал в своих воспоминаниях сущую правду. Нравится она кому-то или нет. Я также твердо знаю, что, как прекрасный штабной офицер с академическим образованием и солидным боевым опытом, он даже некоторые мелкие детали, о которых писал в своей книге, уточнял в архиве МО СССР. Какие-то данные ему удалось узнать в период службы в Главной инспекции Министерства обороны СССР.

Поэтому попытки некоторых недоверчивых обывателей обвинить Александра Захаровича во лжи я считаю голословными. Мне доподлинно известно, что настоящий ветеран Великой Отечественной войны, окопник, пехотинец, полковник в отставке Лебединцев до конца своих дней хотел только одного: писать и говорить правду. Чем успешно и занимался последние десятилетия своей жизни.

Но вернемся к начальнику артиллерии. Как и утверждает Александр Захарович, наградной лист на майора Бикетова действительно был подписан в тот же день в сентябре 1943 года командующим артиллерией 40-й армии гвардии полковником Бобровниковым. Вот его текст: «С выходом наших частей на р. Днепр майор БИКЕТОВ в ночь на 24 сентября 1943 года под сильным артиллерийским огнем противника, собрав подручные средства переправы, организовал переправу средств артиллерии на правый берег р. Днепр.

Сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника затруднял организацию переправы. Майор Бикетов личным примером, отвагой и бесстрашием, находясь в воде, воодушевлял личный состав и руководил переправой, в результате в течение ночи было переправлено 2 76-мм орудия ПА, 8 45-мм орудий, 10 82-мм минометов, транспортные средства. Чем обеспечил захват на правом берегу р. Днепр плацдарма, немедленно вступил в бой с подошедшими немецкими частями, прикрывая дальнейшую переправу наших частей в районе Григорьевка (так в документе) ...»³⁰

Командир полка майор Кузминов больше всех попадал под ту самую директиву Ставки, подписанную Верховным Сталиным. В результате даже об оставлении КНП пришлось забыть. Да и командир дивизии Богданов скорее всего никому об этом наверху так и не успел рассказать. На том, что называется, и порешили 25 октября 1943 года: «Командир 48 стрелкового полка майор КУЗЬМИНОВ (так в документе), полком, преследуя противника, к вечеру 24.9.43 г. основной частью полка подошел к реке Днепр, на участке Григоровка, несмотря на сильное воздействие авиации противника и сильный артиллерийский и минометный огонь, с правого берега реки Днепр, майор КУЗЬМИНОВ, при полном отсутствии табельных переправочных средств, организовал форсирование полком реки Днепр используя подручные средства, рыбацьи лодки, бочки, построил два плота и с помощью всего этого всю пехоту полка со стрелковым вооружением и минометами переправил на правый берег реки ДНЕПР и с боем овладел высотой южнее Григоровка. В дальнейшем ведя бой по расширению плацдарма овладел высотой 209.7 и выполняя приказ командования прочно удерживает достигнутый рубеж...»³¹ Далее, как обычно «...За успешное форсирование реки ДНЕПР и проявленные при этом мужество и героизм...»³²

Почему 25 октября, а не раньше? Да потому, что командира 38-й стрелковой дивизии полковника Богданова сняли с должности 29 сентября 1943 года. Иначе майор Кузминов вряд ли стал бы Героем! Сняли комдива вроде как за пленение штаба и роты связи 29-го стрелкового полка его соединения.

Примечательно, что самого полковника Богданова за Днепр представили к ордену Ленина аж 19 ноября 1943 года: «Дивизия полковника Богданова стремительно преследуя противника к 22 сентября подошла к реке Днепр и одной из первых в ночь на 25 сентября 1943 г. на подручных средствах переправилась на правый берег Днепра и 25.09.43 г. заняла с. Григоровка.

29 сентября 1943 г. части дивизии отразили контратаку крупных сил противника, уничтожив при этом до батальона пехоты

Памятный снимок 1945 г. Сидят: майор В.И. Петров (начальник оперативного отдела), подполковник М.Я. Кузминов (командир 48-го стрелкового полка), капитан Т.Ф. Ламко (комбат 48-го стрелкового полка). Стоят: капитан А.З. Лебединцев (ПНШ-1 48-го стрелкового полка) и рядовой А.Д. Нестеренко

противника. В последующих боях дивизия, руководимая полковником Богдановым, показала образцы мужества и отваги...»³³

Командир 295-го стрелкового полка 183-й стрелковой дивизии 52-го стрелкового корпуса полковник Александр Владимирович Богданов погиб в бою 5 апреля 1944 года³⁴.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ЭТО СВЯТОЕ

Сегодня уже мало кто вспомнит документальную повесть Артема Боровика «Спрятанная война». Она посвящалась завершающему этапу вывода советских войск из Афганистана. В этой повести много лиц, но среди них мне до сих пор запомнился образ комбата капитана Ушакова. Артем Боровик очень колоритно передал глубину души этого офицера:

«— Б-беден тот, — сказал Ушаков, бросив в кружку пару кусков сахара, — кто видит снег только белым, море синим, а траву

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

зеленой. И журналист это тоже должен понимать. Иначе про эту в-войну писать нельзя. Иначе — фальшь и ложь... Сколько мне приходилось читать о сражениях, которых и в помине не было, а о реальных боях — молчок. Сколько трусов мы провозгласили героями, а и впрямь храбро воевавших людей газеты игнорировали. “Чирик” (штабист) ходит весь в орденах, а солдат...

Ушаков махнул рукой. Через мгновение язык пламени в печке метнулся в сторону.

— Вот случай был, — комбат поставил вылизанную хлебом сковородку на пол. — На заставе. Пошел один боец в к-кусты по н-нужде. В этот миг ударила безоткатка и заставу накрыло. Все погибли. Но тот, в кустах, выжил. Случай был подан позже наверх так, будто парень один отстреливался в окружении и победил.

— И что же? — спросил я.

— Героем сделали. Другой эпизод. Ротный вез на БТРе проверяющего из Союза. Подъехали к пе-персиковой роде. Проверяющий сказал: “Эх, вот бы персиков набрать домой!” Ротный оказался смышленным: остановил машину, прыгнул, но неудачно — на мину. Оторвало обе ноги. Проверяющий, чувствуя свою вину, сделал все, чтобы ротного представили к Герою... Ты не думай, я не з-завидую. Боже меня упаси. Я п-просто хочу сказать, что Герой Советского Союза — это святое...»³⁵

И я хотел сказать о том же самом... Герой Советского Союза, Герой России... это всегда должно быть святое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103. Л. 271—272.

² Кузминов М.Я. О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах... Киев, 1983.

³ Там же.

Лебединцев А. Страда Букринского плацдарма // НВО № 43, 2006.

- ⁵ Кузминов М.Я. Там же.
- ⁶ ЦАМО РФ. УПК на Кузьмина Михаила Яковлевича.
- ⁷ Лебединцев А. Там же.
- ⁸ Зайцев А.Н. На острие красных стрел. М., 1988.
- ⁹ Лебединцев А. Там же.
- ¹⁰ Гончаров В. Днепровская десантная операция. Десанты Великой Отечественной войны. Сборник. М., 2008.
- ¹¹ Мучкаев С. Днепровский десант. Известия Калмыкии, 08.08.1998 г.
- ¹² Лебединцев А. Там же.
- ¹³ Лебединцев А. Там же.
- ¹⁴ Лебединцев А. Отцы-командиры. М., 2004.
- ¹⁵ Зайцев А.Н. Там же.
- ¹⁶ Лебединцев А. Там же.
- ¹⁷ Зайцев А.Н. Там же.
- ¹⁸ Лебединцев А. Там же.
- ¹⁹ Кузминов М.Я. Там же.
- ²⁰ Лебединцев А. Там же.
- ²¹ Лебединцев А. там же.
- ²² Зайцев А.Н. Там же.
- ²³ Лебединцев А. Там же.
- ²⁴ Лебединцев А. Там же.
- ²⁵ Лебединцев А. Там же.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 413. Л. 43.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1108. Л. 23.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1103. Л. 227.
- ²⁹ Лебединцев А. Там же.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 5. Л. 224.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 25. Л. 126.
- ³² Там же.
- ³³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 47. Л. 168.
ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 322. Л. 244.
- ³⁵ Боровик А. Спрятанная война. М., 1992.

СУДЬБА СОЛДАТА

ЭТО БЫЛО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО

Основным уроком войны Семен Львович Ария называет ужасное несчастье: «Полная ломка и жизни, и быта, и счастья. Война приносит только несчастье. То, что я остался жить, — это чистая случайность. Абсолютно чистая! И абсолютная случайность! И уже одного этого достаточно, чтобы считать — лучше бы этого опыта войны у меня не было совсем и никогда».

Известнейший российский адвокат знает, о чем говорит, ибо Бог сохранил его вопреки всем смертям. При этом бывший танкист и разведчик судит о прошлом предельно трезво: «Мужское население моего года рождения было выбито войной поголовно. И то обстоятельство, что я остался жив, не явилось результатом каких-то усилий с моей стороны.

Я ничего не избегал. Но судьба все время создавала обстоятельства, которые способствовали сохранению моей жизни. Я верю, что это было предопределено».

Семен Львович честно признается, о чем постоянно думал на войне: «...скоро я буду убит или мне удастся выжить?.. Страх смерти сопровождал неотступно. Он был или четко выраженным, или в подсознании держался. Он мог быть неосознанным, этот страх, но был всегда. Вот этим отличалась жизнь после по-

беды. Ушел страх смерти. Он ушел из подсознания. На войне есть людские массы, цель которых — убить тебя. А в мирных условиях ни у кого таких целей нет».

Думалось там и о Боге: «До войны этого чувства не было. Появилось там, на войне. Появилось само собой.

Вообще должен вам сказать... Это мысль, к которой я пришел уже теперь. Я считаю, то обстоятельство, что у любого человеческого племени на любой части земного шара неизбежно появлялась вера в существование высшей силы, высшего существа и потребность молиться, — не могло быть объяснено никакими иными обстоятельствами, кроме существования этой силы. В противном случае это носило бы избирательный, отдельный характер. У одних это высшее существо появилось бы, у других — нет. А ведь это появилось у любого человеческого племени. Это оказалось генетически заложено в душу. Кем?

В этом я нахожу одно из доказательств существования Бога. Но это я понял уже сейчас. А тогда, на войне, у меня появилось просто ощущение того, что есть Нечто, что предопределяет пути, и от этого Нечто зависит для меня исход.

Я не могу это отнести к какому-то определенному временному моменту. Но с тех пор как я попал на передовую, где уже господствовала смерть, с этого момента возникло религиозное чувство».

На вопрос: «Чего вы на войне боялись, помимо собственной смерти и смерти близких?» — блестящий интеллеktуал отвечает, ничуть не задумываясь: «Увечья боялся. Больше смерти боялся увечья. Потому что на фронте бывали такие увечья, относительно которых можно было заранее предвидеть, что вся дальнейшая жизнь будет пыткой».

И все же самым страшным на фронте Семен Львович называет атаку: «...это тяжелейшее испытание. Ты знаешь, что в тебя могут попасть, а ты вынужден идти навстречу — это ужасно! Подняться было трудно, и сознание того, что, скорее всего, не вернешься, тоже тяжело. Минометный обстрел ужасен был и пу-

леметы. Там всего хватало. Трассирующий огонь, когда начинает сверху, и видишь, только светящаяся полоса все ниже, ниже к тебе опускается, вот сейчас она до твоего уровня дойдет и тебя разрежет пополам».

Но, конечно же, страшнее смерти не было ничего: «Там смерть витала ежедневно, ежечасно и со всех сторон. Можно было спокойно сидеть, чай пить, и на тебя сваливался шальной снаряд. Привыкнуть к этому было совершенно невозможно. Это не значит, что был безостановочный мандраж, что все сидели, ходили и оглядывались. Просто смерть прилетала или не прилетала. Страшно было, когда были массированные авиационные налеты. Там люди сходили с ума от страха. Ощущение было такое, что каждая бомба летит тебе прямо в голову. Это было ужасно! По небу плывет эта армада, сотни две или три самолетов, и сыплют градом бомбы, и все они воют. Ужас! Помню, Некрасов такой был — он почти рехнулся. Когда кончился авиационный налет, его никак не могли отыскать. Потом нашли в каком-то окопе. Так он отказывался выходить! А какой ужас был в его глазах!...»

Поэтому в надежде уберечь себя от смерти, наверное, очень многие, если не все (мы точно не знаем), носили и крестики, и талисманы. Но были и люди, каким-то особым чутьем предчувствующие смертельную опасность. Семен Львович хорошо помнит одного такого солдата: «Например, в нашем подразделении был такой Кондрат Хубулава, грузин, мордатый такой. Вот я с ним все ходил, он раза два меня от смерти спасал, ну и себя, соответственно. Первый раз нас посылали куда-то установить связь со стрелковым полком. Вот мы с ним идем по ходам сообщения, а он мне говорит: “Дальше не пойдем”. Я говорю: “Почему?” “Не пойдем, постоим здесь!” Мы остановились, и через несколько секунд прямо в траншею за поворотом упал снаряд! То есть нас там должно было убить! Второй раз мы стояли с ним во время бомбежки в разрушенном доме. Он мне сказал: “Выйдем отсюда и перейдем в другой угол” Мы перешли — в тот угол, где мы

были, ухнула бомба. Вот такие вот странные вещи происходили. Предчувствие... Я этим не обладал».

К слову сказать, грузин Хубулава Кондрат Михайлович (1917 г.р.) к 40-летию Победы был награжден орденом Отечественной войны I степени (06.11.1985 г.). И кто знает, может быть, ангел-хранитель его бережет до сих пор.

ДЕЗЕРТИРОВАЛ ИЗ ТЫЛА НА ФРОНТ

«Военный Трибунал 151-й стрелковой дивизии

17 марта 1943 г.

СПРАВКА

Выдана старшему сержанту Ария Семену Львовичу в том, что с него за проявленное мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, определением Военного трибунала 151 сд от 17 марта 1943 г. снята судимость.

Председатель военного трибунала 151 сд.

Военный юрист 3 ранга

Сорокин».

С таким документом старший сержант Ария направился во 2-й запасной стрелковый полк, дислоцирующийся в городе Азове. Надо сказать, что отправился пешком, прямо с передовой из 683-й отдельной штрафной роты 151-й стрелковой дивизии Южного фронта.

«Практически это на фронте, но немножко в тылу, — рассказывает Семен Львович. — Ростовская область, на море. И я пошел пешком в этот город Азов. Сколько я шел, не помню, ну, три или четыре дня. Быстро добрался. Настроение было другое...

И вот я прибыл в Азов, у меня посмотрели мою трудовую книжку, что я — механик-водитель танка Т-34. И зачислили кандидатом в танковое училище, на пятимесячное обучение. Там готовили командиров танков. А я не хотел быть ни командиром

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

танка, ни офицером... Потому что уже знал: командир танка тянет такую же лямку, как и любой рядовой солдат-танкист, но он еще и отвечает за все...

В это время приехала машина с “купцами” “Купцами” называли приехавших с передовой представителей тех частей, которые набирали себе солдат. Я увидел у них на машине огромный гвардейский знак. И понял, что это какая-то приличная часть — гвардейские части всегда были приличные.

Ну, они, кого надо, отобрали, составили списки и собрались уезжать. И тогда я схватил свой вещмешок, кинул через борт, залез туда к ним и уехал с этой машиной, куда они, — на фронт. Без списка, без “ничего”.

“Слушайте, ну мне же было двадцать лет, сами понимаете... Я был отчаянный мальчишка”.

“Ну, вот я решил уехать на передовую, на фронт. Мне надоело сидеть в том Азове, два месяца ничего не делать... Я решил: уеду на фронт, к чертям! Мне это училище совершенно не нужно.

Мы проехали километров двести, наверное, или сто, я сейчас не помню. Они остановились, и те офицеры, которые приезжали за нами, начали делать переключку.

T-34

И я оказался лишним. Они мне говорят: “А ты откуда взялся?” Я говорю: “Мне там надоело сидеть запасным, я хочу на фронт”. Они говорят: “Ну, что с тобой делать — непонятно, ехать двести километров назад, это ж черт знает что...” Потом они у меня спрашивают: “А что ты умеешь делать?” Мол, могу я им пригодиться или нет... Я говорю: “А что вам нужно? Я могу, например, водить любую механику, кроме самолета...” Они меня спрашивают: “А с мотоциклом ты знаком?” Я говорю, “Да, я могу водить мотоцикл, у меня есть опыт” А я в школе в десятом классе проходил практику — езда на мотоцикле... А у них, как выяснилось, был в полку мотоцикл, который доставлял им головную боль, никто на нем ездить не умел, и они его возили в грузовике... Я говорю: “Мотоцикл водить могу”. Они: “Ну, хорошо, если не врешь, то ты нам тогдагодишься, но если ты нам соврал, то мы не поленимся тебя обратно отвезти хоть за триста километров”

Когда мы в полк приехали, мне первым делом предъявили этот мотоцикл, я продемонстрировал, что знаком с этим делом, и меня оставили в этом полку. Это был 51-й гвардейский Краснознаменный минометный полк. И в нем я воевал до самого конца войны». Словом, Семен Львович, даже пройдя мясорубку штрафной роты, дезертировал, но дезертировал, и это примечательно, из тыла на фронт. Важная деталь в его биографии. Судьбоносная.

Старший сержант Ария родился в семье инженера металлургического завода Льва Семеновича, в городе Енакиеве Донецкой области. Позже семья переехала в Харьков, где и прошло детство Семена Львовича. В Харькове он окончил среднюю школу, там же его призвали в армию, в сороковом году.

«В тридцать девятом году вышел закон: кто закончил среднюю школу и к моменту призыва имел семнадцать лет и девять месяцев — призывается в армию, — вспоминает С.Л. Ария. — И вот я был призван в армию и уехал служить в Новосибирский институт военных инженеров транспорта.

Это была срочная служба в армии. То есть институт считался срочной службой. Студенты днем сидели на лекциях, а кончались лекции, и начиналась военная подготовка. Я был и студент, и солдат-срочник. Оттуда и попал на войну». В 19-й отдельный запасной танковый полк... Но не сразу. Из Новосибирска весь курс Семена Львовича мобилизовали, погрузили в эшелон и отправили под Москву. Однако до фронта студенты так и не доехали. Эшелон разбомбили, Ария был контужен и попал в госпиталь.

А в это время 19-й отдельный запасной танковый полк, который дислоцировался до войны недалеко от Харькова, рядышком с паровозостроительным заводом, выпускающим Т-34, в июле вошел в состав действующей армии и принял свой первый бой. В августе, после переформирования, полк вывели с Юго-Западного фронта и отправили на Урал в Нижний Тагил, где он снова оказался рядышком с Харьковским паровозостроительным заводом.

С.Л. Ария продолжает свой рассказ: «После госпиталя меня направили в 19-й учебный танковый полк, располагавшийся в Нижнем Тагиле. Полк состоял из батальонов, каждый из которых готовил танкистов определенной специальности: в одном готовили командиров танка, в другом — башнеров (заряжающих) и т.д. Я попал в батальон, готовивший механиков-водителей.

Обучение производилось на натуре: стояли танки, нас обучали вождению, связи с командиром, устройству, обслуживанию двигателя. Надо сказать, что в зимних условиях завести двигатель танка было очень тяжело. Для этого нужно было часа за два до выезда его прогреть, то есть подсунуть под танк противень величиной чуть меньше танка, в этот противень налить дизельное топливо и поджечь. Часа через полтора танк, который, как и мы, был весь в копоти, начинали заводить.

От экипажа требовалась взаимозаменяемость. На самом деле никакой взаимозаменяемости не было — очень уж краткое обучение было, но несколько раз я выстрелил из орудия. Также нас отводили на полигон, сажали в танк, заставляли преодолевать препятствия, менять трак (это была очень тяжелая операция — ремонт

гусеницы). В эти два или три месяца, что длилось обучение, мы участвовали и в сборке танков на главном конвейере завода. <...>

После учебы всех погрузили в эшелон вместе с Т-34 и отправили на фронт. На фронт нас отправили через Среднюю Азию. Перевозили на пароме из Красноводска на Кавказ, через Каспийское море. По дороге с нашего танка ветром сдуло брезент. А, надо сказать, что без брезента в танке было туго. Брезент был крайне необходим: им накрывались, когда ложились спать, на нем садились покушать, если грузились в эшелон, им нужно было танк сверху накрыть, иначе внутри было бы полно воды. Это были танки военного времени. На верхнем люке вообще не было никаких прокладок, а на люке механика-водителя были какие-то прокладки, но они не держали воду. Так что без брезента было худо. Так вот мне пришлось украсть на складе парус, но об этом особенно рассказывать нечего, это же эпизод не боевой, а скорее из области военно-хозяйственной.

Мы вышли на Северный Кавказ и участвовали в боях за Моздок в составе 2-й танковой бригады. Потом нас перебросили в 225-й танковый полк, который участвовал в боях в районе Минеральных Вод и далее на Кубани».

ТАНКА НЕТ

От чего же отказался механик-водитель танка Т-34 старший сержант Ария, когда не поехал в танковое училище? Об этом можно узнать из воспоминаний другого танкиста, известного писателя Даниила Гранина. Правда, у него была своя война...

В начале 1943 года Гранин стал лейтенантом, имел боевые награды, воевал на Ленинградском фронте. Но случилась самая настоящая оказия... Однако все по порядку: «Зимой 1941—1942 годов я стал чувствовать себя ветераном, знал, куда упадет мина, как растопить печь в землянке, как постелить накат, чтобы песок не сыпался, и прочие тонкости солдатской жизни. Прожаривал белье от вшей, не дожидаясь вошебойки.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Но появилось и другое — ощущение того, что везуха фронтовая кончается. Из наших ополченцев осталось в батальоне трое, всех остальных убило или забрал госпиталь. Смертный срок службы подходил к пределу, по теории вероятности пуля должна была меня найти, трещит моя авоська. Надо было сообразить какой-то зигзаг. Все больше донимала голодуха, постоянный недоед, все время думаешь о жратве, чем бы брюхо набить. Унизительная жизнь изгоняла все другие мысли.

Поэтому, когда предложили поехать на курсы в танковое училище в Ульяновск, я не стал отказываться. Добирался туда с мечтой поесть — хлеб и картошку. Жареную. Два продукта — к ним сводилось понятие “еда”».

И вот старший лейтенант Гранин прибыл в Ульяновское танковое училище: «Нас набралась целая рота, все боевые офицеры с разных фронтов. Изучать мы должны были новую машину “ИС” Жизнь вдруг повернулась. Казарма, двухэтажная кровать. Надо аккуратно заправлять койку. Побудка. Завтрак. Классы. Строевая. Вечером можно в город.

*Колонна советских тяжелых танков ИС-2
в ожидании команды на марш*

Гонял нас старшина. Зверюга. Ему сласть была орать на офицеров, чтобы ножку давали, чтобы пели походную. “Плохо поете. Кругом! Вы у меня будете топать, мать вашу, пока не запоете в один голос!”

А город был сказочный. Бульвар с цветущим жасмином. Шли мужчины в галстуках, бежали школьники с портфелями, было полно молодых женщин в летних платьицах, завитые, румяные... Откуда столько невоюющих мужиков? Они курили папиросы. Можно было ехать на автобусе. Из булочной пахло настоящим печеным хлебом, я зашел туда. Все полки были уставлены буханками и батонами.

Жизнь вдруг стала обновкой. Окна здесь были чистые, без бумажных крестов, продавали газеты, цветы, семечки, боже ты мой, другая планета. Ходить в город можно было хоть каждый вечер, на танцы и даже домой к девицам. Почти каждую неделю мы дрались с летним училищем. У них было прозвище “вентиляторы” из-за пропеллера на погонах. <...>

По окончании курсов нас отправили в Горький. Там практиковались на танкодроме: танки уступом справа, уступом слева. Стрельба с остановками, без остановок, на ходу, из пушки 122-миллиметровой, из пулеметов. По танкам противника, по фанерным домам. Заправка. Ночевка на земле. На снегу. Постелить лапник, укрыться шинелью — это “полевые” условия, как будто мы не нахлебались ими сполна, настоящими, а не учебными.

Когда сформировали нашу танковую бригаду, то отправили нас за машинами в Челябинск на танковый завод. Сформировали — это значило назначили трех командиров взводов, в каждом взводе три машины, а меня командиром роты: во-первых, капитан, а они старлей, а еще результаты стрельбы сказались.

В Челябинске завод никак не походил на завод — сборочный цех, где мы работали, достраивался, стен не было, была крыша, мостовой кран и кирпичный брандмауэр, где стояли отопительные батареи, задувал снег, детали машин обрастали инеем. Мы должны были помогать сборщикам. Детали тяжеленные, и к ним

не прикоснись, обожгут морозом так, что руки липнут. Сборщики — подростки-ремесленники, бледные, слабосильные, и женщины, укутанные платками...

Командиры взводов подобрались удачные. Васильчук, старший из всех, Вася Фролов, самый молодой из нас, очкарик, работал корректором в издательстве. Сдружились сразу. У каждого во взводе три машины, всего девять, у всех пушки нешуточные — 122 миллиметра, двигатели на дизтопливе. Отличная машина. Я поместился добавочным в башне у Фролова, я выбрал его как самого худенького, чтоб не было нам тесно. Экипаж — четыре человека, а командир роты куда-то должен был приткнуться пятым. Место для командира роты было как бы предусмотрено, добавили триплекс, и все, так что было тесновато. У меня было свое сиденье, своя радиосвязь.

И в Челябинске, и в Горьком во дворе стояло несколько подбитых машин, их приволокли для изучения, зрелище было жуткое — машины были горелые, пробитые броней, искореженные неизвестным нам способом, какие-то команды отскоблили внутри горелое мясо, но все равно внутри воняло. У человечины свой отвратительный запах. Вид этих подбитых машин не вдохновлял».

В Горьком рота капитана Гранина погрузилась в эшелон и отправилась на фронт. А дальше судьба благоволила будущему известному писателю...

Механик-водитель Ария на войне на собственной шкуре познал роль танкиста и, видимо не сильно хотел стать офицером и командиром танка. У него была своя логика. Так недостатками Т-34 он называет полное отсутствие заботы о комфорте экипажа: «Я лазил в американские и английские танки. Там экипаж находился в человеческих условиях: танки изнутри были окрашены светлой краской, сиденья были полумягкие с подлокотниками. На Т-34 ничего этого не было. Забота об экипаже ограничивалась только самым примитивным».

Вооружение Т-34 Семен Львович называет недостаточным: «Два пулемета, стоявшие на Т-34, не обеспечивали круговой сек-

тор обстрела. Правда, можно было поворачивать назад башню, но это уже целая морока».

Личного оружия тогда у них не было, поэтому механик-водитель при необходимости снимал пулемет с турели и тащил на себе.

Семену Львовичу хорошо запомнились встречи Т-34 с противотанковой артиллерией, с пулеметами и с зенитными орудиями противника. В 1942-м в их полку так сожгли 12 танков. Прекрасно помнит он и о том, как спасались танкисты: «Шансы 50 на 50. Если снаряд попадал внутрь танка, то там уже разносило всех в клочья, а если это была касательная пробоина, или снаряд попадал в моторное отделение, и танк загорался, тогда начинали выскакивать. Потери были огромные, это очень редкое явление, чтобы кто-то из танкистов прошел всю войну и остался жив. Там были потери почти такие же, как в истребительной авиации». Самым уязвимым местом у Т-34 была боковая броня...

В общем, танк в бою живет считанные минуты, а безвозвратные потери танковой роты составляли от 30 до 40 процентов. Если танкист выжил в подбитом танке, то машину нужно было покинуть не просто быстро, а молниеносно, пока не рванет боекомплект или немцы не расстреляют в упор. Шансы выжить у танкистов были у всех разные, но иногда сторали целыми экипажами. Война не разбирала ни званий, ни военно-учетных специальностей, ни возрастов. В ее горниле не было рая...

Зимой 1943-го танковая колонна Т-34 входила в станицу Лёвокумскую. Позади оставались бои за Моздок, где танковая бригада, в которой служил Семен Львович Ария, понесла тяжелейшие потери. Отступая, немцы взорвали мост через реку Куму, и перед советскими танкистами оказалась бревенчатая переправа, совсем недавно наведенная своими саперами...

Что-то подобное произошло однажды и у капитана Гранина: «Где-то в Эстонии танки, дойдя до реки, уперлись в деревянный мост, на вид хлипкий. Морозов шел впереди, он попятился, разогнался и буквально перелетел, мост вздрогнуть не успел, за Мо-

розовым также на полной скорости помчались остальные. Чуть помедленнее, и грохнулись бы. Потом Морозов объяснил: он бы, конечно, остановился, осмотреть мост, прикинуть, выдержит ли такую махину, все же 46 тонн. Думаю, осторожно этот мост не переехать. Многое тогда решали лихостью». И им тогда повезло. А вот танку Семена Ария не совсем: «Недоверчиво осмотрев ее, наш комбат спросил у саперного начальника:

— А танк пройдет? Двадцать пять тонн?

— Не сомневайся! — ответил тот. — Гвардейская работа!
Но — по одному.

Первый танк медленно и осторожно прополз по играющему настилу, второй столь же осторожно въехал, слегка отступив от осевой линии, добрался до середины и вдруг начал у всех на глазах двигаться не через реку, а вдоль нее, а затем вместе с мостом боком рухнул в поток, оставив на поверхности лишь ведущую “звездочку” гусеницы. Экипаж был не без труда выловлен из ледяной воды, за водителем пришлось нырять. Наш танк был третьим.

После энергичного мата-перемата с саперами и угроз расстрелом комбат привел откуда-то местного деда, взявшегося указать брод. Усадив деда на свой “виллис” и разъяснив мне всю меру ответственности как головного, комбат велел нам следовать за ним.

— Не особо разгоняйся, но и не отставай, — сказал он. — Если что не так, я тебе фонариком посигналю.

И мы двинулись полевыми дорогами вдоль реки. А между тем окончательно стемнело. Фар у нас не было с первого же боя, а даже если бы они и были — светить нельзя в опасении авиации. Поэтому во тьме, слегка разбавленной неверным лунным светом из-за туч, не видя дороги, я следовал только за прыгающим синим огоньком командирского “козлика”. Колонна шла за мной.

Так проехали километров с десять. Как стало понятно впоследствии, комбат попросту прохлопал ничтожный мосток через овраг и проскочил его, не остановившись и не просигналив,

вследствие чего наш танк подлетел к нему на доброй скорости и со всей своей могучей многотонной инерцией. Мосток рухнул враз и не задумываясь. Танк с ходу ударился лобовой броней в скат оврага, перевернулся и кверху лапами сполз на дно.

Оглушенный ударом, я обнаружил себя погребенным под грудой выпавших из “чемоданов” 76-миллиметровых снарядов вперемежку с пулеметными дисками, инструментами, консервами, трофейными продуктами, пилой, топором и прочим танковым имуществом. Тонкими струйками сверху лилась кислота из перевернутых аккумуляторов. Все освещалось зеленым зловещим светом сигнала их разрядки.

Сам я был цел, но хорошо помят. Моей первой мыслью было: я раздавил экипаж... Дело в том, что на марше экипаж, как правило, сидит не в утробе машины, а на трансмиссии — на теплом месте позади башни, укрывшись брезентом. Однако оказалось, что все живы, — их швырнуло при повороте, как из катапульты, вперед на землю. Теперь командир, лейтенант Куц, кричал откуда-то снаружи:

— Ария! Ты живой?

— Вроде, — отвечал я. — А как ребята?

Затем я выбрался через донный (но ставший потолочным) “десантный” люк и осмотрелся. Зрелище было впечатляющее. Танк стоял на башне, задрал гусеницы. Ствол пушки торчал снизу, от земли. Ни разу за всю войну я не встречал более танка в такой противоестественной позиции. Мы молча взирали на своего поверженного боевого друга.

Комбат возник тут же, как черт из табакерки. Он объяснил мне по-русски все, что обо мне думает, и приказал:

— Оставляю для буксира одну машину. К утру чтоб мне вытащить наверх, привести в порядок и следовать за нами. Не делаете — расстреляю!»

За дело экипаж взялся лихо: за ночь вырыли дорогу наверх, с помощью буксира танк поставили на место, разгрузили от завала внутри и, наконец, с божьей помощью завели. Через час «на

перекур» Т-34 рванул за колонной, а к середине дня, преодолев брод, догнал ее.

На первом привале обнаружилась течь в маслопроводе. Кое-как, с помощью подручных средств, устранили. Еще через пятьдесят километров после краткой остановки машина больше не завелась. Вызванный специалист поставил диагноз скоро: «Нужно менять движок, для этого нужен стационар. Сидите пока здесь, я доложу, завтра пришлю буксир». Колонна ушла, а экипаж остался. Смертельно уставший механик-водитель хорошо запомнил, как в припорошенной снегом степи мела поземка. Вокруг ни деревца, ни кустика и только вдалеке два сарая.

О том, что приключилось дальше, Семен Львович рассказывает с юмором. Но это сегодня. А тогда явно было не до смеха: «Сидеть в ледяном танке невозможно. Попытались соорудить подобие шалаша, набросив брезент на пушку. Внутри для видимости тепла зажгли ведро с соляжкой. Кое-как поели. Через пару часов нас было не узнать от копоти.

— Так, — подвел итог лейтенант, — не подыхать же здесь. Идем ночевать туда, — он махнул рукой на черневшие вдали сараи. — Труба там есть, значит, есть печка. Солома тоже наверхняка осталась. У машины оставляем пост. Тебе нужно отоспаться (он кивнул мне). Поэтому ты первым и отстоишь полтора часа — и я пришлю смену. Зато потом всю ночь будешь кемарить.

И я остался у танка с ручным пулеметом на плече. Во тьме мучительно тянулось время. Взад — вперед. Взад — вперед. Прислоняться нельзя — смыкаются веки. Но ни через полтора, ни через два часа смена не появилась. Сморенные усталостью, они, видимо, спали каменно. Дал очередь из пулемета — никакого эффекта. Нужно было что-то делать, иначе я просто замерз бы насмерть. Да и ноги уже не держали.

Я запер танк и, спотыкаясь, побрел по заснеженной стерне в сторону сараев. С трудом разбудив спавшего на соломе лейтенанта, сказал ему, что так не делают. Был поднят со своего ложа

утревшийся, плохо соображавший Рылин и выпровожен с пулеметом за дверь. Не раздеваясь, я рухнул на его место и тотчас провалился в сон.

Рылин постоял на холодном ветру — и нарушил присягу...

На рассвете мы вышли из сарая, браня проспавшего свою смену Верещагина. Глянули на дорогу — танка нет. Нет танка. Украл. Рылина тоже нет. Нашли его в соседнем сарае, где он мирно спал, обняв пулемет. Когда ему обрисовали ситуацию, он как ужаленный выскочил наружу проверить. А убедившись, сообщил, что, оказывается, придя ночью на место и обнаружив полную пропажу объекта охраны, вернулся и лег досыпать. На естественный вопрос, почему всех тут же не поднял по тревоге и почему завалился в другой сарай, объяснил, что не хотел беспокоить.

Эта версия, несмотря на полную ее абсурдность, полностью снимала с него немалую вину. Поэтому он стоял на своем твердо и врал нагло, глядя нам троим в глаза. Поскольку опровергнуть эту чушь было, кроме логики, нечем, крайним для битвы оказывался я, бросивший свой пост часовой. И лейтенант Куц — как командир, отвечающий за все.

С тем и побрели мы по широкому кубанскому шляху, по мерзлым его колеям, с чувством обреченности и без вещей.

Протопав в полном молчании километров десять, мы добрались до околицы обширной станицы, где и обнаружили следы своего злосчастного танка. Оказалось, что шустрые ремонтники, приехав ночью и найдя танк без охраны, открыли его своим ключом, а затем и уволокли на буксире. Конечно, они видели полевой стан и понимали, где экипаж, но решили немного пошутить...

Эта шутка в сочетании с упорной ложью нашего боевого товарища и друга Рылина обошлась нам дорого. Комбриг за все наши дела приказал отдать лейтенанта Куца и меня под трибунал и судить по всей строгости законов военного времени, что после недолгого следствия и было сделано».

А БОЙ КОНЧИЛСЯ ТАК

Всего пятнадцать минут понадобилось трибуналу стрелковой дивизии в составе трех офицеров, чтобы осудить командира танка, лейтенанта Куца и механика-водителя, старшего сержанта Ария «именем Союза Советских Социалистических Республик» к семи годам исправительно-трудовых лагерей, что заменялось в годы войны одному — штрафным батальоном, а другому — штрафной ротой. Куцу, как старшему, выдали документы на двоих и еще на одного осужденного, мордатого старшину. Все аккуратно было уложено в конверт, запечатанный сургучом, который они должны были доставить в отдел комплектования штаба армии. Втроем они и двинулись в путь искупать вину кровью.

Путь был не близким, не простым и голодным. Но в одной станции путников пожалели две старухи, позволив сварить каши, дали по стакану молока и разрешили переночевать. Утром штрафники снова отправились в дорогу. Почти у самого последнего дома Ария решил сходить «подумать до ветру». Лейтенант и старшина остались ждать. А когда механик-водитель вернулся, то никого не нашел. Его командир и незнакомый солдат исчезли вместе с трибунальским пакетом. Он до сих пор не знает, что произошло в тот момент...

И снова дорога через Дон к Ростову... Все же он нашел то, что требовалось найти законопослушному солдату, где его принял старший лейтенант Леонов, командир взвода штрафной роты.

«В три часа ночи “взводный Леонов, еще не убитый”, велел всем поняться на бруствер и без единого звука двигаться вперед.

— Никаких разговоров. Огонь только после сближения и только по моей команде. С Богом, ребята, мы их одолеем!

И старлей Леонов повел своих бойцов вниз по полю.

Было уже начало марта, снег сел, и нога не проваливалась в него. Мы удачно, незамеченными, прошли большую часть своего пути. Но шорох множества ног все равно звучал в тишине, и за сотню метров от реки мы были обнаружены».

С немецких позиций взлетели осветительные ракеты. По полю хлынули зеленые и красные струи очередей. («Мы залегли и начали отвечать, целясь туда, где были истоки этих струй. Но наш редкий ружейный огонь был несравним в этой скорострельной лавиной, методично обрабатывавшей свою ниву. В редкие промежутки между очередями мы по команде взводного вскакивали и успевали сделать несколько прыжков вперед, чтобы снова пасть в снег, спасаясь от очередного светящегося веера».)

«Взводный Леонов, еще не убитый», все поднимал и поднимал их, своих бойцов, в бессмысленные и безнадежные атакующие броски. Ария все время был рядом с взводным. Следовал за ним по пятам, откликался на все его крики и стрелял, стрелял туда, куда велел взводный Леонов. Семен уже было совсем поверил в том бою в свою неуязвимость, прыгнул вперед без взводного Леонова, и тогда тот закричал: «Стой! Там мины!»

...Потом атака захлебнулась. Она не могла не захлебнуться. Позже Ария узнал: приказ штрафникам о рукопашной схватке и о взятии той немецкой позиции перед Вареновкой был «для балды». Подлинная цель: разведка боем. («Ценой атаки вызвать на себя и засечь огонь пулеметных гнезд и других оборонительных узлов противника. Нас обманули, нам не сказали даже о минном поле у реки. В этом обмане по долгу службы участвовал и наш грешный взводный. Грешный и святой».)

Но об этом Ария узнал... позже. А бой кончился так. Немцы почему-то не стали прошивать контрольными очередями поле, на котором неподвижно лежали штрафники. Близился губительный рассвет. И тогда «старлей Леонов, все еще не убитый», почти шепотом передал по цепи: «Отходим ползком. Ни звука». Из того боя не вернулись девять бойцов. Около трети их взвода.

Прошло два дня. Арию вызвали к командиру роты. Командир сказал: на вас подано представление о снятии судимости, от меня благодарность. Ария должен был тотчас же направиться в распоряжение начштаба полка. Попросил разрешения проститься с бойцами и командиром взвода. Капитан Васенин потемнел

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

лицом и вышел из блиндажа. «Нет больше старшего лейтенанта Леонова, — сказал тихо писарь в углу, — расстрелян по приказу командира дивизии». — «За что?» — «За самовольный отход с поля боя. Без приказа взвод отвел», — читаем у З. Ерошок.

Всего три недели довелось нашему герою повоевать в «шурочке», а затем Ария направился в штаб полка с представлением на снятие судимости... И это, безусловно, только благодаря старшему лейтенанту Леонову, уже на тот момент расстрелянному...

А ведь бывало иначе.... Герой Советского Союза В. Карпов сам прошел штрафную роту и напишет, как его «штрафную роту послали в атаку без артиллерийской подготовки, без поддержки танками. Капитан Старовойтов скомандовал: “Вперед!” — и остался в траншее. Только младший лейтенант, с медалью на груди, пошел с бойцами. Костя шел со мной рядом. Штрафники перебивали колючую проволоку прикладами, а немцы били их прицельным огнем. Уцелевшие от губительного пулеметного огня все же влетели в немецкую траншею. Был я в той рукопашной, стрелял направо и налево по зеленым немецким мундирам. Немцы убежали из первой траншеи. Но вскоре страшный, как обвал, налет артиллерии обрушился на траншею и перемешал штрафников с землей. Подошли три танка и стали добивать из пулеметов тех, кто уцелел. Остались в живых из четырех взводов девять человек — те, кто добежал назад в свою траншею. Правду сказал тот старый мудрый солдат: “Всех завтра перебьют”, он такое, наверное, видел не раз.

В.В. Карпов в годы войны

Но закон есть закон — искупать вину полагалось кровью. Позднее штрафные роты посылали в общем наступлении на самом трудном участке, там, где на штабной карте было острое стрелы, показывающей направление главного удара. Но первые “шурочки” погибали бессмысленно, слова приказа “искупить кровью” понимали и исполняли буквально. Штрафников посылали в бой без артиллерийской и какой-либо другой поддержки.

Девять уцелевших, усталых и вымазанных в земле и копоти предстали пред светлые очи начальства.

— Вообще-то вы, м..., траншею немцев захватили, но не удержали. Ждите следующую штрафную роту, через пару дней прибудет. Вольем вас туда, — сказал ротный».

ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ

Всю вторую половину войны гвардии старший сержант Ария был разведчиком минометной артиллерии. Когда спустя несколько месяцев мотоцикл расстреляли на ходу, его определили в дивизион.

Семену Львовичу приходилось выбирать на высоты, оборудовать пункты наблюдения, ставить стереотрубу и наблюдать за противником. То есть, как разведчик, он занимался наведением, засекал углы, готовил данные и передавал их командиру, который сидел с планшетом и по шаблону выполнял непростые тригонометрические расчеты для стрельбы катюш.

На войне, как на войне. А 8 мая 1945 года произошло нечто... В Австрийских Альпах: «И вот мы сидим на НП (наблюдательном пункте), наблюдаем за передним краем, за противником. Кто-то вдруг говорит: впечатление такое, что народ драпает с передовой. С передовой начался массовый отход солдат в тыл. А это признак немецкого наступления... Мы решили разузнать, что происходит. Ну, наши спустились вниз — мы ж на горке сидели, на НП — так вот, спустились вниз, на шоссе, и спросили: “Вы чего топаете в обратном направлении?” А там, на

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

шоссе, нам сказали: “Все! Войне капут! Впереди американцы, а не немцы!”

...Это было счастье — конец войны! Война кончилась, и мы остались живы!»

Примечательно, что награжденный медалью «За отвагу» Семен Львович и об этом говорит с некоторой долей иронии: «...награждение за конкретные эпизоды достаточно редко практиковалось на фронте. Особенно в артиллерийских частях. Невозможно ведь привязать данное конкретное лицо к особенно удачному попаданию снаряда. Значит, если человек участвовал в боевых действиях, проявил там достаточную настойчивость, смелость, то надо начинать сочинять в наградном листке. То, что там писалось конкретно, на самом деле это все фантазии. Я вот был на хорошем счету в полку, поэтому на какой-то стадии меня внесли в наградной список. Потом начали сочинять: “В боях за такой-то квартал проявил мужество, пренебрегая смертельной опасностью...” Вот такое народное творчество».

И все же он остался жив и до сих пор счастлив...

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Ария С.* Про войну. СПб, 2005.
2. *Гранин Д.* Все было не совсем так. М., 2010.
3. *Гранин Д.* Мой лейтенант. М., 2012.
4. *Драбкин А.В.* Я дрался на Т-34. Книга 1. М., 2005.
5. *Ерошок З.* Свидетельские показания старшего сержанта, разведчика Семена Арии // Новая газета, № 48, 7 мая 2010 года.
6. *Карпов В.* Большая жизнь. М., 2009.
7. *Пудовкин С.* Отдельный учебный полк // Тагилка, № 8 от 22.04.2010; № 9 от 06.05.2010 г.

КОМАНДИРОВКА С ФРОНТА

ВЫЗОВ В МОСКВУ

В январе 1944 года помощника командира 9-го гвардейского истребительного авиаполка (асов) по воздушно-стрелковой службе гвардии капитана Ковачевича вызвали с фронта в Москву к главнокомандующему ВВС. С Центрального аэродрома Аркадий Федорович напрямик направился в штаб. Но, как оказалось, маршал авиации Новиков находился на Ленинградском фронте, на операции по снятию блокады. Порученцы доложили главному о прибытии, но тот приказал его ждать.

Молодого летчика-истребителя разместили на период ожидания в одноместном номере гостиницы Центрального дома Красной Армии. Белая постель, тишина, покой, талоны на питание. Но самое главное — полная свобода до возвращения маршала! После фронта, после воздушных боев с 1941 года эта командировка напоминала что-то волшебное и невероятное. Да и с фронта шли вести вполне даже ничего.

Черная тарелка-радио от Совинформбюро в тот день сообщала: «Войска БЕЛОРУССКОГО фронта в результате умелого обходного манёвра сегодня, 14 января, овладели областным центром Белорусской ССР городом МОЗЫРЬ, городом и крупным железнодорожным узлом КАЛИНКОВИЧИ, а также с боями заняли более 40 других населённых пунктов, среди которых

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

крупные населённые пункты ГОРБОВИЧИ, РУДНЯ ГОРБОВИЧСКАЯ, БОБРЫ, КОЗИНКИ, БОРИСКОВИЧИ, ЗАГОРИНЫ, КОСТЮКОВИЧИ, ЖАХОВИЧИ, СКРЫГАЛОВО, БЕСЕДКИ и железнодорожные станции КЛИНСК, КАЧУРЫ, КОЗИНКИ.

Западнее и юго-западнее САРНЫ наши войска продолжали наступление и овладели районным центром Ровенской области СТЕПАНЬ, а также заняли более 30 других населённых пунктов.

Западнее и юго-западнее НОВОГРАД-ВОЛЫНСКИЙ наши войска вели наступательные бои, в ходе которых заняли несколько населённых пунктов.

Восточнее ВИННИЦЫ наши войска продолжали успешно отбивать контратаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике».

Да, но это там, на фронте... А он здесь, в тылу, в столице, где обычная московская сутолока. Но Москва почти мирная.

С кремлевских стен смыывают маскировку, начисто протирают песочком все государственные здания в центре. На афишах гастрологи, премьеры, концерты, лекции. У театров очереди. И весь день падает густой белый снег. Тепло. Осыпанные снегом, спуют москвичи и москвички. А он с каким-то удивлением смотрит на всю эту совсем мирную, далекую от фронта жизнь, и не перестает удивляться. Боже, как ему повезло оказаться здесь и сейчас!

На капитане шапка-ушанка из серого меха цигейковой овчины, двубортная шинель из шинельного сукна темно-серого цвета, а на ногах сапоги... Он молод, высок, красив. Вот только шинель скрывает боевые награды. Но это поправимо.

ИЗ БИОГРАФИИ

Аркадий Федорович Ковачевич «пришел в полк в конце 1942 г., будучи уже известным летчиком, зарекомендовавшим себя в боях под Москвой, одержавшим 9 личных и 6 групповых побед. Боевое крещение он принял в составе 27-го истребительно-авиационного полка, входившего в ВВС МВО, куда

Герои Советского Союза 9-го ГИАП.

*Слева направо: Александр Карасев, Владимир Лавриненков,
Иван Королев, Аркадий Ковачевич, Анатолий Морозов,
Алексей Алелюхин, Амет-Хан Султан, Иван Борисов, Павел Головачев*

был направлен сразу после окончания летной школы. Свою первую победу лейтенант Ковачевич одержал в небе Ржева 12 октября 1941 г. — на пикировании разогнав свой МиГ-3, длинной очередью сбил Ме-109. К концу осени 41-го на его счету были 4 личные и 3 групповые победы. Ковачевича назначили командиром. В марте 1942 г., в условиях позиционной войны, когда противник настойчиво пытался разведать с воздуха позиции советских войск, он столь же настойчиво барражировал в зонах ожидания, совершая по несколько вылетов в день. Дважды ему удалось перехватить и сбить дальний разведчик Ю-88. Летом 27-й истребительно-авиационный полк был выведен из системы ПВО Москвы и направлен во фронтовую авиацию, где в составе Брянского, а затем Воронежского фронтов его летчики участвовали в боях на дальних подступах к Сталинграду. Здесь, в тяжелых боях, Ковачевич одержал свои очередные победы, особенно значимые в условиях наращивания противником сил: 23 августа сбил Хе-111, 3 сентября — Ю-88, 9 сентября — вновь Хе-111 и 12 — “раму”, записанную как победа в группе. В конце ноября решением командующего 8 ВА ее лучшие воздушные бойцы, и

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

среди них Ковачевич, были собраны в составе 9-го гвардейского истребительно-авиационного полка, действовавшего в составе сил Сталинградского фронта. Ковачевич был назначен комэском и скоро подтвердил свою репутацию классного летчика уже на Як-1, сбив Ме-109 (14 декабря), а через 4 дня уничтожив над Сталинградом До-217 — универсальную двухмоторную машину, использовавшуюся и как бомбардировщик, и как разведчик, и как истребитель, оснащавшуюся телевизионной и радиолокационной станциями. В январе 1943 г., при блокировании окруженной армии Паулюса, он сбил 2 транспортных Ю-52.

1 мая 1943 г. за 356 боевых вылетов, 58 воздушных боев, 13 лично и 6 в группе сбитых самолетов противника гвардии ст. лейтенанту Ковачевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом—осенью он принимал участие в боях на реке Молочной в освобождении Донбасса, сражался в Запорожье и под Мелитополем. Его эскадрилья "синих" (по цвету окраски капотов самолетов) становится одной из сильнейших в ВВС — Лавриенков, Головачев, Твеленев... Да и сам комэск неустанно пополняет свой личный счет. В августе, после перевооружения на "кобры", он оценил мощь вооружения заокеанского истребителя, сбив в одном вылете Ме-109 и Ю-87. А через несколько дней в долгой, изматывающей дуэли на высоте более 8000 метров он "достал" Хе-111.

2 октября 1943 г. над Мелитополем Ковачевич попал под типичный удар аса—"охотника": его самолет был сбит атакой сверху, почти с отвесного пикирования. Летчик спасся с парашютом и через 2 дня вновь поднял боевую машину в воздух. Второй и последний случай, когда он был вынужден покинуть самолет в воздухе. Первый раз это произошло осенью 41-го, когда его МиГ-3 был сбит зенитным огнем.

В ходе боев за Крым Ковачевич был назначен помощником командира полка по ВВС, а позднее и заместителем командира 9-го гвардейского истребительно-авиационного полка».

Аркадий Федорович родился 3 мая 1919 г. в поселке Новомиргород Елизаветградского уезда Херсонской губернии. Окончил 3 курса Кировоградского техникума механизации сельского хозяйства, аэроклуб, а в 1938 г. — Одесскую военную авиационную школу.

«ХОДИЛ В ТЕАТРЫ»

Капитану Ковачевичу не просто повезло, а скорее посчастливилось даже... Весной и летом 1943 года из эвакуации (из Ташкента, Свердловска, Куйбышева, Челябинска, Омска, Иркутска, Чимкента и Алма-Аты) в Москву вернулись столичные театры и сразу же начали работать.

«К уже имевшимся спектаклям о героическом подвиге народа, — сообщается в одной из книг о культурной жизни Москвы, — высоких качествах советских людей прибавлялись другие, по-новому раскрывавшие героическую народную тему. К ним относятся психологический, лирический спектакль Театра им. Ленинского комсомола “Так и будет” К. Симонова о том, как люди возвращаются с фронта, а также патетический, построенный в форме лирико-публицистической многоэпизодной оратории спектакль “Сыновья трех рек” В. Гусева в Театре драмы, поставленный Н. Охлопковым с присущей ему склонностью к аллегориям, символам и эффектной фееричности».

Словом, в те январские дни на афишах выбор огромный: гастролли эквилибристов Буслаевых, премьера в Государственном еврейском театре, в Малом — «Пигмалион», во МХАТе — «Царь Федор». В московских кинотеатрах шли американские фильмы: «Полярная звезда», «Джордж из Динки-джаза», «Серенада Солнечной долины», «Сестра его дворецкого».

Приехать с фронта на считанные дни и ничего этого не увидеть? И Аркадий Федорович рьяно взялся за дело. Каждый день он ходил в театры, посетил цирк и оперетту.

ИЗ БИОГРАФИИ

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Командира авиаэскадрильи 9 Гвардейского Краснознаменного ИАП гвардии старшего лейтенанта Ковачевич Аркадия Федоровича

На звание “Герой Советского Союза”

1. Год рождения 1919 год май м-ц
2. Национальность Украинец
3. Соцположение Учащийся.
4. Партийность член ВКП(б) с 1941 года.
5. С какого времени в РККА Декабрь м-ц 1937 год.
6. Участие в гражданской войне Не участвовал. В Отечественной войне с 22.6.41 г.
7. Ранения и контузии Не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что За героизм и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками в 1941 году и 1942 году.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что награжден орденами “Красная Звезда” в 1941 году и “Красное Знамя” в 1942 году...

1. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ...

Тов. Ковачевич участвует в Отечественной войне с 22 июня 1941 года. За период боевых действий с немецкими захватчиками произвел 356 боевых самолетовылетов, провел 58 воздушных боев, сбил лично 13 самолетов противника и в групповом бою 6 самолетов противника. Из них: после последней правительственной награды участвуя на Сталинградском фронте произвел 65 боевых самолетовылетов, провел 28 воздушных боев, сбил лично 6 самолетов противника и в групповом бою 3 самолета противника.

23.8.1942 г. В групповом бою в районе г. Сталинграда сбил HE-111.

27.8.1942 г. лично сбил в районе г. Сталинграда МЕ-109.

7.9.1942 года лично сбил в районе г. Сталинграда Ю-88.

9.9.1942 года в групповом бою сбил НЕ-111.

12.9.1942 года в групповом бою сбил Фокке-Вульф 108.

13.9.1942 г. лично сбил Ю-87.

14.9.1942 г. лично сбил в районе Бузиловка Сталинградской обл. МЕ-109.

19.12.1942 г. лично сбил юго-западнее Громославка До-215.

На все сбитые самолеты противника имеются подтверждения. До прихода в полк командовал эскадрильей. Его эскадрилья на Сталинградском фронте произвела 96 боевых самолетовывлетов, провела 43 воздушных боя и сбила 15 самолетов пр-ка.

Тов. Ковачевич личным примером воспитывает своих летчиков. Волевой, требовательный к себе и подчиненным командир. В настоящее время назначен командиром эскадрильи.

За мужество и героизм проявленный в боях с немецкими оккупантами при защите г. Сталинграда достоин высшей правительственной награды Званию Героя Советского Союза.

Командир 9 ГИАП

Герой Советского Союза

Гвардии подполковник /Шестаков/

«2» февраля 1943 г.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩИХ НАЧАЛЬНИКОВ

Достоин Правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза с вручением Ордена ЛЕНИНА и медали Золотая Звезда.

Командир 268 ИАД

ПОЛКОВНИК /СИДНЕВ/

«7» февраля 1943 г.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ОКРУГА

За Мужество и Героизм, проявленное в боях за Сталинград достоин высшей награды правительств. зв. Героя Сов. Союза

КОМАНДУЮЩИЙ 8 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ /ХРЮКИН/

«11» февраля 1943 г.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАГРАДНОЙ КОМИССИИ НКО СССР

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали “Золотая Звезда” Указ от 1.05.43 г.»

МОСКВА

В Штабе ВВС Аркадию Федоровичу выдали специальные талоны на питание в ресторане гостиницы «Москва». И каждый божий день он приезжал туда в одно и то же время — на завтрак, обед и ужин. Правда, от ужина чаще всего отказывался из-за посещения театра, но несколько раз приходил.

Гостиница «Москва»... Ею «гордились, считали ее украшением города, — напишет известный писатель Эдуард Хруцкий. — Вспомните фильм Григория Александрова “Цирк”:- Любовь Орлова живет в роскошном номере люкс, окна которого выходят на Красную площадь и Кремль. Звучит в номере белый рояль, ветер шевелит легкие занавески, а за окнами радость строящегося социализма.

А вот коварный американский импресарио пытается сорвать номер “Полет в стратосферу” Он угощает нашу наивную героиню лучшими конфетами и тортами. И делает это в “Птичьем полете”, знаменитом кафе на тринадцатом этаже гостиницы “Москва”

Много лет эта гостиница была символом столицы. Продавались конфеты в коробках в виде макета гостиницы, парфюмерные наборы, а в знаменитой кондитерской в Столешниковом переулке на витрине красовался торт в виде знаменитого отеля.

И даже когда кинооператоры снимали прифронтовую Москву, то танки обязательно шли мимо знаменитой гостиницы, мимо нее шагали полки ополченцев, ехали конные патрули. “Москва” стала символом военной Москвы».

В годы войны в ней селили генералов, приехавших с фронта, работников органов госбезопасности и внутренних дел, командиров партизанских отрядов, известных военных корреспондентов и творческий состав фронтовых киностудий. По рассказу Константина Симонова, в гостинице всегда была горячая вода, всегда работали телефоны и никогда не выключали электричество. И это в годы войны!

Что же касается ресторана, то мнение Э. Хрущого в нашем случае немаловажно: «Ах, ресторан, ресторан! Москвичи, привыкшие к уюту “Националя”, роскоши “Метрополя” и “Гранд-Отеля”, презрительно именовали этот огромный зал конюшней. Но, как его ни называй, в тяжелом 42-м году в этом огромном зале, отделанном мрамором, собирались люди, чьи имена вошли в нашу историю. Кроме пищи, которая полагалась по талонам, за деньги, причем немалые, можно было заказать вареную или жареную картошку, селедочку, горбушу, соленые огурцы, консервированное мясо и котлеты. И, конечно, водку и ликер...

Гостиница «Москва»

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Вся эта услада стоила больших денег, но у фронтовиков они были. В те годы не приходилось устраивать демонстрации из-за “боевых”, положено — получи.

Конечно, этот оазис жратвы и выпивки манил к себе московских гулявых людей, в основном артистов вернувшихся в Москву театров.

Войти в гостиницу без пропуска было невозможно. У дверей стояли строгие автоматчики из полка НКВД».

Итак, ресторан гостиницы «Москва», январь 1944 года, ужин по талонам... Как мне рассказывал сам Аркадий Федорович, там тогда питались в основном работники Госплана, который находился напротив. Кормили хорошо, по заказу. Единственное неудобство — приходилось приезжать туда пораньше, чтобы скорее добраться до своей гостиницы до наступления комендантского часа. Ужин по талонам заканчивался в 21.00.

Буквально в первый же день капитан Ковачевич попал на ужин. Летчик-ас одет в шерстяную гимнастерку защитного цвета. На груди с левой стороны Золотая Звезда и чуть ниже ордена: Ленина и Красного Знамени, медаль «За оборону Сталинграда», справа орден Красной Звезды и знак «Гвардия». Одним словом, настоящий герой! Тут же подбегает официант и услужливо спрашивает:

— Товарищ капитан, вас куда?

— Мне куда-нибудь за столик, чтоб я тут не светился.

— Все будет в ажуре, не переживайте, — и официант проводит его до нужного места, где принимает заказ.

Когда он уходит, за столик вдруг подсаживается неизвестный пехотный капитан и сразу же спрашивает:

— Можно с вами?

— Пожалуйста, — отвечает Ковачевич и смотрит на него с явным подозрением.

— Вот, возьмите, — пехотный капитан протягивает удостоверение оперуполномоченного СМЕРШа.

— А почему не на фронте? — следует закономерный вопрос.

— Я после ранения возвращаюсь. И сейчас, пока мне место ищут, попросили взять под контроль этот объект.

За ужином два капитана разговорились. Аркадий Федорович говорил неохотно, но разговор поддержал. Зато смершевец, явно скучавший по общению с фронтовиками, говорил не умолкая:

— С началом войны все рестораны в Москве, кроме тех, что были при гостиницах высшего разряда — «Гранд-Отель», «Националь» и «Москва», — закрыли. Например, в «Астории» организовали столовую для работников Моссовета, райкома партии и других важных учреждений. Теперь с этого месяца в Москве работают коммерческие рестораны. Цены, сами понимаете, в них чудовищные, но столичная жизнь бурлит. Ту же «Асторию» облюбовали, так скажем, генералы блатного мира. Все при деньгах. Там же трутся иностранцы из военных миссий Польши и Франции. А еще английские журналисты.

Но вот на часах уже около 21.00, ужин по талонам заканчивается, и Ковачевич прощается со смершевцем:

— Спасибо за компанию, а мне пора возвращаться в гостиницу.

— Ну, подождите, — уговаривает тот, — посидите со мной, пожалуйста, я вам покажу такое зрелище, которое вы никогда не видели и никогда не увидите!

— Но поймите же, скоро начнется комендантский час и у меня будут проблемы, — возражает Ковачевич.

— Не переживайте, мы все решим!

И Аркадий Федорович, озадаченный неизвестным действием, остался.

Дальше как в сказке: уходят люди, и происходит смена декораций. Через минут десять зажигаются люстры, а был полумрак, и открывается на всю ширь сцена. Появляются новые люди, в основном молодежь, и играет оркестр. Какая-то певичка поет знаменитое танго Оскара Строка «Скажите, почему?». Ресторан уже забит золотой молодежью столицы. Ковачевич внимательно слушает комментарии смершевца:

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

— Вот это сын..., а этот сын... Все имеют бронь, а должны быть на фронте.

В гостиницу Аркадий Федорович вернулся до полуночи. Офицер СМЕРШа, как и обещал, выписал ему пропуск. Добирался на попутках. А потом долго думал об этом московском вечере.

ИЗ БИОГРАФИИ

Герой Советского Союза гвардии майор Ковачевич А.Ф.

Осмотрительность истребителя

«Если не видишь противника, не считай, что его нет».

«Мне хочется затронуть вопрос чрезвычайно важный для каждого летчика, а в особенности летчика-истребителя, при всяких условиях: при выполнении боевого задания над полем боя, в тылу у противника и при полете над своей территорией. Это вопрос об осмотрительности.

Значение осмотрительности в воздушном бою определяется следующим: тот, кто первым обнаружил противника, почти на 50 процентов решил исход боя в свою пользу. Он может занять исходное положение, выгодное для атаки, достигнет внезапности и, в крайнем случае, примет все меры к тому, чтобы сорвать атаку противника, не быть атакованным и в свою очередь стать атакующим.

Два примера из моей боевой работы в период Великой Отечественной войны показывают значение осмотрительности в бою.

Сентябрь 1942 г. Бои под Сталинградом носили ожесточенный характер. Истребительная авиация немцев в этот период господствовала в воздухе как над полем боя, так и в нашем тылу. Каждый вылет сопровождался воздушным боем или даже рядом воздушных боев.

Возвращаясь с разведки на самолетах Ла-5 со своим напарником лейтенантом Чиликиным, я заметил над Сталинградом 68 Ме-109, которые в свою очередь также обнаружили нас.

Уклониться от боя не удалось, пришлось вступать в бой. Первая атака немцев не была для нас неожиданной, развернувшись на 180°, мы встретили атакующих в лоб.

После 34 минут боя мой напарник неожиданно ушел на посадку и я остался один против группы истребителей. Я знал, что продолжать бой, хоть и оборонительный, я обязательно должен, в противном случае меня собьют, как только я попытаюсь выйти из боя.

Бой длился около 50 минут. В течение этого времени многочисленные атаки немцев я сводил на нет своевременным маневром своего самолета. В любой момент я видел, где находятся истребители противника, своевременно разглядывал их замысел, уходя из-под атаки каждого из них всевозможными маневрами.

В итоге немцы оставили меня и ушли, расстреляв, по-видимому, все боеприпасы. Я произвел посадку на свой аэродром без единой пробоины.

Второй случай, который привел к иному результату, произошел в октябре 1943 г. над р. Молочная (4-й Украинский фронт).

Я во главе восьми “Аэрокобр” вылетел на прикрытие наземных войск. Боевой порядок был построен в два эшелона: ударная группа — 4 самолета, в которой находился я, и прикрывающая группа — вторая четверка, следовавшая сзади, слева и выше.

Истребители активности не проявляли. Патрулирование происходило на исходе дня. Надеясь на бездействие истребителей противника, мы ослабили осмотрительность, и лишь удар сзади дал мне знать, что я атакован.

Оглянувшись, я увидел пару Ме-109, которая выходила из атаки. Мой самолет загорелся, и мне пришлось оставить его, выпрыгнув с парашютом.

В последующем оказалось, что моя группа также увидела эту пару Ме-109 только после того, как я был сбит.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

В чем же причина того, что я был сбит без боя? Очевидно, что недопустимое ослабление внимания, отсутствие осмотрительности у меня и всей нашей группы позволили противнику атаковать самолет внезапно.

Отсюда вывод: если не видишь противника, не считай, что его нет. Считай, что он всегда есть, но ты его не обнаружил.

Мы знаем целый ряд случаев, когда наши самолеты были атакованы и сбиты истребителями противника уже над своей территорией, при производстве посадки на аэродром.

Я считаю, что каждый командир, обучая летчика-истребителя, наряду с отработкой техники пилотирования должен больше обращать внимания на развитие осмотрительности.

Летный состав должен твердо помнить, что даже наличие новейших радиолокационных средств обнаружения, устанавливаемых на самолетах-истребителях, ни в коей мере не исключает, а лишь дополняет непрерывное наблюдение за воздухом. Отличная осмотрительность значительно сокращает ничем не оправдываемые потери летного состава и материальной части».

ЧТО Я БУДУ РАССКАЗЫВАТЬ

«Когда я летел обратно на фронт, — вспоминал Аркадий Федорович, — я думал о том, что я буду рассказывать своим друзьям?»

Для него это оказалось самым тяжелым воспоминанием о той командировке в Москву, иначе он не поведал бы мне эту историю в очередную годовщину Великой Победы.

К сожалению, я забыл спросить генерала, не хотелось ли ему тогда достать пистолет? Помните «Отпуск по ранению» В. Кондратьева, когда лейтенант Володька попадает в московский ресторан, все тех же военных лет: «Несовместимость этого с тем, что все еще стояло перед внутренним взором, — изрытого воронками поля, шатающихся от усталости и голода бойцов в грязных шинелях, бродящих от шалаша к шалашу в поисках щепотки махры, вони от тухлой конины, незахороненных трупов, —

была так разительна, так неправдоподобна, так чудовищна, что у Володьки рука невольно полезла в задний карман бридж — ему захотелось вытащить “вальтер” и начать палить по всему этому великолепию — по люстрам, по стеклам, по этому вишневому ковру, чтоб продырявить его пулями, услышать звон битого стекла... Только это, наверное, смогло бы успокоить его сейчас, но Сергей, внимательно наблюдавший за ним, взял его под руку...

— Пойдем... Сейчас выпьешь, и все пройдет...»

Нет, Аркадию Федоровичу не хотелось достать свой пистолет. Я это знаю. Он был слишком сильным и выдержанным человеком. Однако внутри он переживал эту картину всю жизнь. И там, на фронте, в своем гвардейском полку асов, он не рассказал эту историю. Почему? А вы подумайте...

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Бодрихин Н.* Советские асы. М., 1998 г.
2. Военная одежда Вооруженных сил СССР и России (1917—1990-е годы). М., 1999.
3. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941—1965). Культурная жизнь Москвы в годы войны. М., 1967.
4. *Кондратьев В.* Привет с фронта. М., 1995.
5. *Пантелеев А.И.* Январь 1944. Из старого путевого дневника. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. М., 1984.
6. *Смыслов О.С.* Защитники Русского неба. М., 2010.
7. Сто сталинских соколов. М., 2005.
8. *Хруцкий Э.* Москва уголовная. М., 2002.
9. *Хруцкий Э.* Тайны уставшего города. М., 2003.
10. *Хруцкий Э.* Тени в переулке. М., 2006.
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 21. Л. 65, 65 об., 66.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕГЕНДАРНОГО АСА

БЫЛ ОСУЖДЕН УСЛОВНО НА 8 ЛЕТ

Избинский Иван Иванович родился в 1915 году в городе Николаеве. В Красной Армии с 1935 года. Выпускник Качинской военной авиационной школы летчиков. До начала войны проходил службу в строевых частях ВВС. С августа 1941 года в действующей армии.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта авиации С.Ф. Долгушина, в самом начале войны Ивана Избинского судили за то, что он в Воронеже «коменданту города ухо отгрыз по пьянке». Другие источники указывают: Избинский был осужден условно на 8 лет «за поступки, дискредитирующие звание военнослужащего». Однако в боях искупил свою вину, и судимость была снята...

434-й истребительный авиационный полк, в котором начал свою боевую работу лейтенант Избинский, был сформирован 20 июля 1941 г. на базе второго запасного авиационного полка. Место дислокации — станция Сейма Горьковской области. Новая часть была укомплектована летчиками и техниками расформированных частей, уже побывавшими в боях и направленными на переформирование.

С 25 июля по 25 августа 1941 года в полку изучали новую матчасть: истребитель ЛаГГ-3 и мотор М-105. Например, на за-

нения по теоретической наземной подготовке было затрачено 150 часов, после чего летчики произвели 474 самолето-вылета с общим налетом 236 часов на самолетах УТИ-4, Як-7 и ЛаГГ-3.

Уже 22 августа полк в составе двух эскадрилий вылетел на Ленинградский фронт и вошел в состав резервной авиационной группы № 2 54-й армии. Аэродром базирования — “Большая Коломенка”, что совсем недалеко от райцентра Боровичи Новгородской области. Именно отсюда летчики полка стали вылетать на перехват бомбардировщиков, штурмовку наземных войск и аэродромов противника, на воздушную разведку.

После прорыва фронта противником полк перебазировался на аэродром у деревни Покрома и снова вошел в подчинение 2-й резервной авиагруппы, но уже 4-й армии Волховского фронта. С 30-го октября 1941 г. 434-й ИАП наносил удары по противнику в районе городов Тихвин, Чудово, Кириши и Грузино и принял участие в разгроме Тихвинской группировки противника.

2 ноября 1941 года лейтенант Избинский одерживает свою первую официальную победу: в районе Красница сбивает Ю-88.

В начале 1942 года 434-й полк вместо двух эскадрилий насчитывал одну, да и то неполного состава. Архивные документы очень четко говорят о том, что боевые вылеты совершали всего семь летчиков: Избинский, Михаил Гарам, Корзников, Коровченко, Орехов, Тяншин, Штернгольд.

ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

«9 января 1942 года старший лейтенант И. Избинский в паре с лейтенантом М. Гарам сбили над Киришами разведчик Hs-126.

11 января 1942 года звено в составе старшего лейтенанта И. Избинского, лейтенанта В. Орехова и младшего лейтенанта Тяньшина уничтожило разведчик Hs-126 в районе Чудово.

28 января летчики Иван Избинский и Михаил Гарам вступили в бой с 12 бомбардировщиками противника под прикрытием пары Me-109, во время которого старший лейтенант Избинский

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

в паре с летчиком 156-го ИАП сбили над деревней Кересть бомбардировщик Хе-111.

10 марта 1942 года 434-й ИАП, сдав оставшиеся 7 самолетов ЛаГГ-3, был направлен на переформирование в 6-й запасной авиационный полк на аэродром в городе Рассказово (Тамбовская область) для укомплектования и перевооружения на новую материальную часть — самолеты Як-1.

Всего с 24 августа 1941 года по 10 марта 1942 года 434-й истребительный авиационный полк произвел 745 боевых вылетов и записал на свой счет 28 сбитых в воздушных боях самолетов противника. Наиболее результативными летчиками полка стали: капитан Корзников — 4 сбитых самолета лично и 2 — в группе, старший лейтенант Избинский — 2 лично и 2 — в группе, лейтенант Орехов — 3 лично и 1 — в группе, младший лейтенант Гарам М. — 2 лично и 1 — в группе, майор Корягин — 2 самолета лично, младший лейтенант Чернов — 2 самолета лично, младший лейтенант Коровченко — 1 лично и 2 — в группе.

Собственные потери 434-го истребительного авиационного полка за этот период составили 12 летчиков и 23 самолета».

ГОЛОВА КАК ДУБ, ЛЕТАТЬ НЕ МОГУ

20 мая 1942 года 434-й ИАП по приказу начальника Инспекции ВВС полковника Василия Сталина убывает в Москву на аэродром Люберцы, где переводится на трехэскадрильный состав и пополняется летным составом, имеющим боевой опыт. Так впервые в Красной Армии создается полк асов. А 12 июня завершается перебазирование двух эскадрилий полка (на 19 самолетах Як-1) на Юго-Западный фронт под Валуйки. Там летчики полка совершают в день по 5—6 боевых вылетов группами.

Именно в июне 42-го Избинский последовательно сбивает три самолета, а в начале июля еще один самолет противника:

13 июня 1942 г. в группе Ме-109 (Шиповатое);

25 июня 1942 г. одиночно Ю-88 (Великий Бурлук);

В.И. Сталин

27 июня 1942 г. одиночно Ю-88 (ст. Тополи);

2 июля 1942 г. одиночно Ме-109 (сев. Валуйки).

5 июля 434-й ИАП по приказу командующего ВВС КА отводится на отдых и получение новой материальной части. Это снова аэродром Люберцы. А буквально через день, то есть 7 июля 1942 г., начальник особого отдела НКВД 84 района авиационного базирования лейтенант госбезопасности Сурмач и оперуполномоченный этого же РАБ лейтенант

госбезопасности Миневич в спецзаписке сообщают начальнику Инспекции ВВС Красной Армии В. Сталину некоторые подробности «О боевой работе 434 ИАП с 13 июня по 6 июля 1942 года и антиморальных проявлениях личного состава».

Я хорошо помню, как Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации А.Ф. Ковачевич был возмущен, когда я ему зачитал текст этого, до недавних пор совершенно секретного, документа. То, что творилось в 434-м полку, который курировал юный полковник Сталин, в 9-м гвардейском, было просто невозможно. Поэтому та часть документа, где говорится о безобразиях, творившихся под прикрытием имени Василия Сталина, очень доходчиво объясняет всю тяжесть трагедии, постигшей Ивана Ивановича Избинского. Попади он в другой полк, его жизнь однозначно могла стать совершенно другой...

«...Несмотря на то, что летным составом нарушается дисциплина, со стороны комиссара и командира полка меры не принимаются, как например: “20.VI.42 года на аэродроме Нехаевка, часть летного состава Избинский, Захватаев, Корначенок, Хода-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

ков и другие пьянствовали, в котором принимали участие комиссар полка Стельмашук и комиссар 1 АЭ Пелепчук, меры к ним не принимались”

25.06.42 года комиссар полка Стельмашук специально послал интенданта 697 БАО в гор. Валуйки, для закупки водки и летный состав перепился: ст. лейтенант Захватаев, Избинский, ст. политрук Пелепчук и другие, меры также не приняты.

27.VI.42 кандидат ВКП(б) ст-й лейтенант Захватаев напился пьяным, в результате чего не явился вовремя на полеты и целый день не летал, в тот же день ст. лей-т Избинский тоже напился пьяным. Избинского начальник штаба от первого вылета отстранил, т.к. последний заявил, что “голова как дуб, летать не могу”

Мер командованием не принято.

5.VI.42 года при перебазировании с аэродрома Виктрополь на аэродром Капенкина, вместо указания о переброске личного состава и имущества, майор Клещев дал указание начальнику штаба получить водку от 694 БАО и доставить на аэродром Капенкина, что происходило в присутствии инспектора ВВС КА подполковника Пруцкого, который также интересовался больше водкой.

6.VI.42 года по прибытию на аэродром Люберцы, летный состав до 2 часов ночи пьянствовал в общезитии, при активном участии пом. командира полка капитана Бабкова.

7.VI.42 года на аэродроме Люберцы еще до ужина в большинстве своем летный состав полка напился пьяным, пользуясь тем, что вино свободно продавалось в ларьке Военторга специально для 434 ИАП.

Придя в столовую АСН — Люберцы, летный состав в весьма грубой и нецензурной форме стал требовать вина.

В частности ст. лейтенант Захватаев в летной столовой в присутствии всех столоующихся вынул из кобуры пистолет и стал им угрожать начальнику штаба полка капитану Лахтенкову за то, что он ему не давал водки.

В это же время в пьяном состоянии явились летчики Парфенов, Ходаков, Баклан и Корначенко к заведующему Нач. составовской столовой АСН — Люберцы и в самой категоричной, грубой форме с применением нецензурных слов стали требовать выдать им водки заявляя “эй, ты, заведующий, давай нам вина, мы сталинский полк, приехали сюда на отдых”.

Находящийся в это время начальник ОО НКВД 84 РАБ хотел их привести к порядку и установить фамилии, то эти же лица также чрезвычайно грубо обругали последнего с применением угроз, своих фамилий не называли и продолжали требовать водки.

7 июля 1942 г. ст. л-т Захватаев в пьяном состоянии в 23 часа на территории авиагарнизона Люберцы с применением оружия и силы хотел изнасиловать сотрудницу Управления 84 РАБ СЛИА-БОВУ. Командование полка к Захватаеву мер не приняло.

В силу отсутствия дисциплины в полку, как результат отсутствия требовательности со стороны командования, среди личного состава имеют место 5 случаев венерических заболеваний — ст. л-та Избинского, л-та Алкидова, серж. Коваленко, серж. Полмар и ст. серж. Григорьева.

Командир полка ГСС майор Клещев среди летсостава полка пользуется авторитетом, как “свой парень”, но отнюдь не как командир полка, в силу того, что Клещев постоянно пьянствует с летсоставом, а работу техсостава полка совершенно не знает.

Майора Клещева можно чаще встретить в выпившем виде, чем в трезвом. Отсюда как результат отсутствие дисциплины в полку.

По большинству случаев антимоуральных проявлений со стороны летного состава полка проинформировано командование 434 ИАП ГСС — майор Клещев и комиссар полка — батальонный комиссар Стельмашук, но в большинстве случаев командование полка радикальных мер не принимает, а считает наши информации за сплетни. Правда комиссар полка Стельмашук стремится принимать меры, но он со стороны командира полка тов. Клещева и старшего инспектора ВВС КА — подполковни-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

ка Пруцкого поставлен в такие условия, что сам каких-либо мер принять не может.

В частности, по вопросам безобразий, проявленных летным составом 7. VII/ 42 года Начальник ОО НКВД 84 РАБ 8. VII.42 г. информировал комиссара полка тов. Стельмашука. С целью уточнения фамилий четырех летчиков, учинивших в пьяном виде скандал в столовой, тов. Стельмашук вызвал к себе подозреваемых. Узнав об этом, подполковник Пруцков пригласил Начальника ОО НКВД 84 РАБ зайти к себе, где еще присутствовали комиссар полка Стельмашук, командир полка майор Клещев, старший инспектор ВВС КА — майор Семенов, который занимался тренировкой летного состава 3 АЭ 434 ИАП и ряд других командиров полка.

По информации Начальника ОО НКВД 84 РАБ тов. Пруцков заявил, что “с этим делом я разберусь сам, а Вы, товарищ Стельмашук, сами никаких мер самовольно не принимайте и обо всем докладывайте мне” Командир полка майор Клещев явно в возмущенной форме заявил, что “вы занимаетесь только сплетнями, только пишите, ну и пишите, а толку с этого мало” и при этом сразу ушел.

Вмешавшийся в разговор ст. инспектор ВВС КА майор Семенов с применением нецензурных слов по адресу Начальника ОО НКВД 84 РАБ, стоя на защите летного состава, в процессе разговора заявил: “Ну и нечего к нам ходить вашими информацией, мы обойдемся без Вас и идите отсюда вон”

Когда Начальник ОО НКВД 84 РАБ заявил, что он информирует командира и комиссара полка, тов. Семенов ответил: “Комиссару некогда заниматься этими вопросами, он прилетел с фронта, устал и ему надо идти спать”

Сам же майор Семенов 6. VI.42 г. по заявлению комиссара полка тов. Стельмашук был в пьяном состоянии и, появившись за ужином в летной столовой, подрывал авторитет комиссара полка, заявляя, что “тебе, комиссар, нечего делать, иди лучше готовь постели для летчиков, а я сам разрешил летчикам по 100 грамм

вина, впоследствии по их просьбе добавил еще 50 грамм, завтра за обедом дам по 200 грамм, а мало будет, так по 300 грамм”

Все вышеперечисленные факты говорят за то, что командование полка — майор Клещев — не воспитывает личный состав полка на выполнение боевых задач, на укрепление воинской дисциплины, а наоборот разлагает ее; комиссар же полка батальонный комиссар Стельмашук потворствует этому и в силу созданных ему условий со стороны майора Клещева и подполковника Пруцкова, т.е. ограничения (так в подлиннике. — *Авт.*) в его действиях, выполнять функции комиссара полка не может, хотя он иногда к этому и стремится.

Сообщаем на ваше усмотрение».

Василий Сталин, прочитав этот документ, наискосок зелеными чернилами начертил: «В дело 434 ИАП. В. Сталин», чем подписал «смертный» приговор прежде всего И.И. Избинскому, который был всегда слаб на выпивку...

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

12 июля 1942 года по приказу Ставки Верховного Главнокомандования 434-й полк в составе трех эскадрилий направляется на Сталинградский фронт, где его вводят в состав особой группы 8-й Воздушной армии (150-й полк пикирующих бомбардировщиков и 434-й ИАП).

26 июля капитан Избинский ведет вторую группу полка истребителей из восьми «Яков». Получив задачу на патрулирование над донскими переправами, группа вскоре встречает до тридцати бомбардировщиков противника под прикрытием девяти «мессеров». Решение определяется исходя из обстановки: одна четверка атакует бомбардировщиков, вторая — сковывает боем вражеские истребители. Неожиданная для противника атака решает успех боя: из строя выходят сразу же три «юнкерса». Вторая атака — и еще два. Сложнее оказалось с «мессерами»: «выдержав атаку второй нашей четверки, разомкнулись и переш-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

ли к активным действиям. Бой принял на редкость ожесточенный характер. Дело доходило до лобовых атак даже со стороны немецких летчиков...

С большим трудом нашей восьмерке удалось выйти из боя. Вернулась она без потерь, хотя многие самолеты оказались сильно поврежденными. Враг же потерял в этом бою пять бомбардировщиков и два истребителя. А главное — не выполнил своей задачи, не сумел нанести удара по переправам».

В этом бою капитан Избинский лично сбил один Ю-87 и один Ме-109 (Калач).

31 июля в воздушном бою в районе Рюшино-Красноярский он уничтожит еще один Ме-109.

4 августа полк снова выходит в тыл на переформирование, а в сентябре возвращается под Сталинград, но уже в оперативное подчинение 16-й Воздушной армии.

17 сентября капитан Избинский повел три звена на прикрытие войск. На подходе к району с пункта наведения сообщили, что с севера подходят немецкие бомбировщики. Избинский энергично разворачивает группу и ведет навстречу противнику. Атака — и он сбивает один Ю-88 (зап. Шишкино).

Me-109

На следующий день и 19 сентября Избинский лично сбивает два самолета противника: один Хе-111 и один Хш-123 (ст. Котлубань).

Как напишет в своих мемуарах генерал Микоян, 17 сентября командир полка Клещев собрал всех летчиков и объявил, что 18-го начнется решительное наступление наших войск с севера на юг в направлении станции Котлубань, с целью отрезать и окружить немецкие войска под Сталинградом.

20 и 28 сентября Избинский записывает на свой счет еще две победы: Ме-109 (Кузмичи) и «Макки-200» (юж. окр. Сталинграда).

За три недели самых настоящих ожесточенных боев (с 14 сентября по 3 октября 1942 года) летчики 434-го ИАП совершили 652 боевых вылета, провели 48 воздушных боев и сбили 83 самолета противника. Лично 5 самолетов противника и 1 в группе сбил лейтенант Прокопенко и еще по 5 — майор Клещев и капитан Избинский. Полк при этом потерял 16 летчиков и 22 самолета.

А 22 ноября 1942 г. приказом Народного комиссара обороны СССР № 374 434-й ИАП был преобразован в 32-й Гвардейский истребительный авиаполк.

ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

Из наградного листа на старшего лейтенанта, врид командира эскадрильи 434-го истребительного авиаполка:

«Партии Ленина—Сталина и социалистической родине предан. В действующей армии с 22 июня 1941 г. В борьбе с немецким фашизмом показал смелость и отвагу в защите социалистической родины. За период войны имеет 150 боевых вылетов, из них 28 на штурмовку войск противника. В воздушных боях сбил 4 самолета противника — 2 Ме-109 и 2 бомбардировщика. И в группе 5 самолетов противника. Уничтожил 40 автомашин с пехотой и боеприпасами, одну бензоцистерну и склад с боеприпасами. Летает смело. Своей смелостью и отвагой воспитывает в подчиненных ненависть к врагу.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Достоин правительственной награды — Ордена “КРАСНОЕ ЗНАМЯ”

Командир 434 ИАП — Герой Советского Союза
Майор КЛЕЩЕВ
Военный Комиссар 434 ИАП
Батальонный Комиссар СТЕЛЬМАЩУК
25 июля 1942 г.».

В ОПЬЯНЕННОМ СОСТОЯНИИ

В декабре 1942 года 32-й Гвардейский ИАП воюет на Калининском фронте. 8-го командир первой эскадрильи гвардии капитан Избинский открывает боевой счет: лично уничтожает один Хш-126 (Самсониха). 30-го сбивает Ме-109 (сев.-вост. Новосокольники).

К концу 1942 года один из лучших летчиков полка, капитан Избинский, имел 15 сбитых самолетов противника. Другие лучшие стояли за ним: старший лейтенант А.Г. Котов — 14 и старший лейтенант М.А. Гарам — 12.

На всех написали представления к Герою, и 12 марта 1943 года капитану Котову и старшему лейтенанту Михаилу Гараму в Кремле вручили Золотые Звезды. Кроме капитана Избинского. 4 февраля 1943 года Ивана Ивановича не стало...

6 января 1943 года он завалил своего последнего Ме-109, а почти через месяц покончил жизнь самоубийством.

Как пишет генерал Микоян, Избинский «был прекрасный летчик и отличный боец, именно боец — лихой, отчаянный и такой немножко хулиганистый. Избинский до войны имел судимость за драку и был осужден на 8 лет с отбытием наказания на фронте. В бою маневрировал, практически не обращая внимания на ведомого. Ведомый за ним удержаться не мог. А воевал он хорошо. Но из-за судимости Избинский и ордена не получал. А после Сталинграда сразу получил два ордена... И сняли с него

судимость. Почему он покончил с собой? Пил он сильно. Мне рассказывали, что тогда он напился, на кого-то был зол. Ходил с автоматом и стал даже стрелять в сторону летчиков, но никого не задел. А потом автомат стволом положил на плечо, нажал гашетку и повел к голове. Точных причин никто не знает. Но Избинский знал, что его представили к Герою. А после его смерти отставили и так и не присвоили».

Очевидцем этой трагической сцены оказался генерал С.Ф. Долгушин. С его слов получается следующая картина: «Иван Избинский стал на Бабкова (командир полка) “задираться” А командир батальона (аэродромного обслуживания) иногда приезжал на стоянку и обязательно баклажку спирта привозил. В тот день сидел я на КП (командный пункт) полка, здесь же были и Бабков и Якимов (штурман полка). Вдруг звонок. Начхим (начальник химической службы) взял трубку. Звонил Избинский. Начхим трубку положил и говорит: “Избинский идет к нам и обещает меня убить”. Прошло несколько минут, и в лесу раздалась автоматная очередь. Опять звонок, сказали, что Избинский взял автомат и идет на КП. Я вышел из землянки, смотрю — он идет. Пошел Избинскому навстречу:

— Иван! Что такое? Перестань!

— Сережа, ты не подходи — застрелю!

— Вань! Перестань! Вчера мы не допили, у меня дома есть, пойдем!

— Сережка, не подходи — я тебя убью!

— Я не к тебе иду, а в эскадрилью!

— Тогда вот так обходи!

И вот я обхожу, а он ведет за мной ствол. Я прошел. Спрятался в лесу за деревьями. Слышу — очередь. Выбегаю на опушку — он лежит. Смотрю: валяется блокнот и карандаш и написано: “А Избинский мерзавец!” Он поставил автомат стволом в направлении своей головы и дал очередь!»

Когда Долгушина спросили, сильно ли Избинский выпивал, тот ответил вполне конкретно: «Да. Ну, летает нормально, но как напьется — так дурак!»

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Поясняя по поводу обиды Избинского на начальника химической службы, С.Ф. Долгушин добавил немного: «А командир батальона иногда приезжал и привозил спирт. И вот он привез бутылку или две даже спирта. А Ванька поехал к себе, напился, приехал и придрался к начхиму. Начхим-то ничего особенного, понимаешь ли, не сказал... Вот только я не помню, что начхим-то ему сказал, из-за чего он обиделся».

Похоронили гвардии капитана И.И. Избинского на следующий день, 5 февраля 1943 года, на калининской земле. В архивных документах причина смерти указана точно: «4.2.43 г. в опьяненном состоянии покончил жизнь самоубийством».

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Быков М.Ю.* Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941—1945 гг. М., 2007.

2. *Драбкин А.* Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941—1942. М., 2006.

3. *Исаев С.М.* Страницы истории 32-го гвардейского Виленского орденов Ленина и Кутузова III степени истребительного авиационного полка. М., 2006.

4. *Маркова М.П.* Полк асов особого назначения. М., 2005.

5. *Микоян С.* Мы — дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. М., 2006.

6. Сайт: www.Airforce.ru /ВВС России: люди и самолеты. Беседа Бодрихина с С.Ф. Долгушиным, сентябрь 2006.

7. *Смыслов О.С.* Защитники русского неба. М., 2010.

8. ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11271. Д. 13. Л. 57—64.

9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 984. Л. 161.

10. ЦАМО. Ф. 20020. Оп. 2. Д. 5. Л. 9.

ЧЕРЕЗ 27 ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

САШКА-ПОДВОДНИК

В начале шестидесятых годов прошлого века в пивнушках города на Неве появляется невысокий, тщедушный человек в поношенном пиджаке. Событыльники называли его по-свойски Сашкой-подводником и крепко пожимали ему руку, частенько обращая внимание на орден Ленина, наглухо привинченный на лацкане. Дело в том, что ордена на пятиугольной колодке появились в Советском Союзе в 1943 году, а этот, значит, на винте имел свое более «древнее» происхождение.

Сашка-подводник любил за кружкой пива с прицепом рассказывать о пеленгах, курсах, дистанциях. Бывало, и про свои похождения не скрывал, а как же без них. И его слушали, ведь рассказывать он умел, да и знал немало:

«Дело было в Турку. Финляндия вышла из войны, и советские корабли и лодки стояли в некоторых ее балтийских портах. Мы ждали приказа в поход. Скука была невероятная! Увольнения на чужой территории запретили. Но с товарищем решили все-таки пойти в город. Новый год как-никак! К тому же в городской гостинице жили знакомые ребята из контрольной комиссии флота. Пришли — а их не оказалось. Но мы все же заказали стол. Выпили в меру, песни украинские и русские запели. Тут откуда ни возьмись заходит хозяйка гостиницы — молодая, красивая: сразу

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

видно — огонь баба! Она, между прочим, хоть и жила в Финляндии, но была шведкой. Подсела ко мне, подружку для товарища пригласила. Гуляли до ночи, а потом, прихватив спиртное, пошли к ней домой...

Утром меня и товарища моего, тоже командира подводной лодки, уже искали. Это было ЧП. Исчезли два командира подводных лодок накануне похода! Предполагали, что нас даже выкрали. Когда же мы, наконец, явились, нам пригрозили трибуналом. Спасло то, что перед походом менять капитанов считалось недопустимым. И я ушел в поход искупать вину. А насчет шведки — не жалею, хороша была...»

«Я родился в городе тепла, красоты и веселья — Одессе», — любил повторять Маринеско...

«Мальчишкой он часами сидел на берегу моря и мечтал стать капитаном дальнего плавания. Бушующие волны, свежий морской ветер, тихий прилив, солнечные блики на воде и манящая глубина моря... — рассказывает Л. Санин. — С друзьями вел нескончаемые разговоры о кругосветных плаваниях, океанских штормах, заморских землях. Первой морской школой для них стал Одесский яхт-клуб. Всю весну работали на яхтах, помогая их ремонтировать, и к началу навигации лучших зачислили в команды. За лето они стали настоящими матросами, изучив яхты от киля до клотика».

Когда ему было «восемь лет, его семья переехала на улицу Софиевскую, 11. Здесь прошли детство и юность, он окончил шесть классов трудовой школы, а затем... Крутой поворот в судьбе: уходит из школы, и сосед — боцман Ткаченко — приводит парнишку на пароход “Севастополь” помощником матроса. После нескольких плаваний пришел приказ о зачислении Саши в школу юнг — в пароходстве заметили смышленного и расторопного паренька».

В школе юнг Александру, как лучшему, сократили срок обучения и без экзаменов перевели в Одесский мореходный техникум. В 1929—1930 годах он плавает матросом на судах...

А.И. Маринеско

Курсантов Одесского мореходного техникума, то есть «будущих судоводителей торгового флота, тренировали лазить по вантам, расходиться по реям и работать на них по уборке и закреплению парусов загодя до начала официальной плавпрактики, в месте приписки судна... на первых порах подрагивали колени, руки боялись отрываться от спасительных скоб реи... Ненадежным и зыбким казался перт — канат, в который упирались башмаки — “гавы”, и только по кото-

рому можно было двигаться вдоль реи... Работать на высоте 20—30 и более метров — нет, это не просто, к этому надо было привыкнуть, побороть в себе страх. С тем чтобы уже в открытом море надежно выполнять доверенную тебе моряцкую работу, чтобы там в какой-то счастливый миг испытать ни с чем не сравнимое чувство единения с кораблем, парусами, высотой и выгнутыми у горизонта морским простором!» (Л. Санин).

После окончания мореходки Александр получил назначение на пароход «Красный флот». На этой старой посудине, как он сам ее называл, он плавал четвертым, третьим, а затем и вторым помощником капитана парохода. Однажды стоя на вахте, второй помощник различил едва заметную точку, которая то опускалась, то поднималась. Доложил капитану и тот приказал изменить курс. Едва заметной точкой оказался терпящий бедствие торпедный катер, на котором из Севастополя шло высшее военное начальство. После оказания помощи Александр получил благодарность от самого Командующего Черномор-

ским флотом. А буквально через несколько дней второго помощника капитана парохода «Красный флот» Маринеско вызвали на медицинскую комиссию и призвали по спецнабору в кадры командного состава ВМФ.

В ноябре 1933 года Александра Ивановича Маринеско (ему 20 лет) направили на высшие курсы командного состава РККФ, после окончания которых, через год, назначили на подлодку «Щ-306» Балтийского флота.

Из первой аттестации за 1935 год:

«Недостаточно дисциплинирован. Свою специальность знает хорошо. Руководить личным составом может под постоянным руководством. Выводы: обратить внимание на повышение дисциплинированности...»

Маринист Александр Александрович Крон впервые встретился с Маринеско после войны в Кронштадте на втором сборе ветеранов-подводников Балтики. Он уже знал, что еще на первом сборе сообщались данные о потерях гитлеровского флота во Второй мировой войне. Именно по ним первым подводным асом Балтики был признан бывший командир «М-96» и «С-13» А.Н. Маринеско. И это при том, что имя Александра Ивановича никогда не упоминалось в печати.

Через несколько месяцев Крон встретился с Маринеско во второй раз. И только после настойчивых расспросов узнает об этом легендарном подводнике многое:

«Мы провели два дня, почти не расставаясь, и за эти дни Александр Иванович рассказал мне историю своей жизни — яркой и горестной, героической и нелепой, в ней были взлеты и падения, но не было сонного прозябания. Если бы этот продолжавшийся много часов рассказ-исповедь можно было бы записать на магнитофонную ленту, то, вырезав из нее мои реплики и некоторые неизбежные отступления от темы, мы получили бы автобиографическую повесть, которая по насыщенности событиями и накалу страстей не уступит жизнеописанию Бенвенуто Челлини».

КОМАНДИР — ЛИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСКАЯ

В 1937 году лейтенанта Маринеско направляют в Учебный отряд подводного плавания на учебу, но в самый разгар занятий (16 июля 1938 г.) отчисляют и увольняют с флота. Это было первое его испытание на прочность... В стране уже шли репрессии, аресты, и свою роль сыграла анкета лейтенанта. Как пишет Лев Санин, «его отец — Иона Маринеску, румын, уроженец города Галац — красивый и гордый человек, служил на румынском флоте. Там дисциплина была строгой, а души и думы простых матросов нисколько не интересовали офицеров — боярских сынков. До тех пор, пока Иона Маринеску не столкнулся с одним из офицеров, которому не понравилось, как матрос при встрече с ним вроде бы не очень быстро отступил в сторону, и глаза его «изволили смеяться»... Офицер дал кочегару пощечину и тут же получил ответный удар. Маринеску посадили в карцер. Трибунал должен был быть скорым и беспощадным, но друзья-матросы помогли Ионе совершить побег. Скрываясь от стражи и посторонних глаз, он сумел переплыть Дунай и добраться в Одессу. Изменил фамилию: на молдавский манер — вместо «у» в ее конце стал писать «о» — Маринеско, а имя и отчество «русифицировал» — Иван Алексеевич. В Одессе женился на украинке, которая родила ему сына Александра...

От отца Александр перенял смелость и прямоту. С детства был приучен говорить правду, какой бы неприятной для него она ни была. Довод отца был прост: «Близкие люди за правду не убьют, а только накажут. А чужим не ври, чтобы не подумали, что Маринеско — трусы!» По решимости, удали и бесстрашию Александр Иванович — в отца. Самолюбивый и гордый, он не написал ни единой просьбы разобраться. Однако несправедливость по отношению к нему была столь очевидна, что все сами восстановили».

7 августа Маринеско восстанавливают на службе, не хватало командиров-подводников, а в ноябре 1938-го присваивают оче-

редное звание — старший лейтенант. По окончании обучения его назначают сначала помощником командира подводной лодки «Л-1», а спустя полгода — командиром лодки «М-96», так называемой «малютки».

Из аттестации на командира подводной лодки старшего лейтенанта А.И. Маринеско:

«Дисциплинированный, к подчиненным требователен. К себе требователен недостаточно. Решителен, но малоинициативен... О подчиненных заботлив, но иногда бывает груб в обращении...»

Как свидетельствует В. Геманов, «одним из достижений команды и командира было срочное погружение лодки — всего за 19,5 секунды, тогда как по нормам полагалось 35. Иные командиры не верили этому! За счет чего же были сокращены бесценные секунды? Прежде всего, Маринеско стал плавать с открытым лючком носовой системы плавучести. Обычно эта система предохраняла лодку от «зарывания носом» в волну на ходу. Перед погружением люк открывали вручную, чтобы носовая система плавучести быстро заполнилась водой. Этим ускорялось погружение. Однако открытая носовая система на ходу — это опасно. Заполнившись шальной волной, она могла потянуть лодку на погружение независимо от желания командира. Поэтому Маринеско сначала ругали, предупреждали. Но жизнь заставила начальников изменить взгляд на существовавшие правила; строгие обстоятельства требовали одного — при открытии емкости усилить контроль, внимание командира на мостике. Надо ли говорить, как уверились после этого подчиненные, что их командир — личность творческая, ищущая, рисковая».

Кроме этого достижения, «М-96» на «отлично» выполнила текущие и призовые стрельбы, заняв первое место в бригаде, за что командующий флотом издал приказ о выделении экипажу премии в 3900 рублей, а нарком ВМФ наградил командира подводной лодки именными золотыми часами.

В связи с этими успехами характерна и очередная аттестация на Маринеско:

«...Энергичен. Обладает хорошими волевыми качествами. Решительный и смелый. Сообразителен и находчив. Умеет быстро ориентироваться и принимать правильные решения в простой и сложной обстановке... Способен пренебрегать личными интересами для пользы службы. Во взаимоотношениях с начальниками, подчиненными и сослуживцами тактичен и выдержан. Заботится о подчиненных... Боевая и политическая подготовка личного состава хорошая. Корабль находится в высокой боевой готовности (1-я линия)... В кампанию 1940 года подлодка заняла первое место по КБФ (приказ командующего КБФ № 06968). Является первым заместителем командира дивизиона подводных лодок.

Выводы:

1. Должности командира подводной лодки соответствует.
2. Достоин назначения на подлодку типа С.
3. После Кампании 1941 года может быть назначен командиром подлодок М XII серии».

Кроме всего прочего, что подчеркивает особые успехи командира подводной лодки, в марте 1940 года Маринеско принимают кандидатом в члены партии, а в ноябре присваивают очередное воинское звание — капитан-лейтенант.

С началом войны, когда блокада вокруг Ленинграда замкнулась, «М-96» осталась на Балтийском театре боевых действий. Хотя командование планировало перебросить лодку Маринеско по железной дороге на Каспийское море, однако вмешалась сама судьба... И 22 июля 1941 года капитан-лейтенант Маринеско на маломощной «малютке» вышел в первый боевой поход, чтобы одержать свою первую победу.

В наградном листе на командира подводной лодки эта победа описана сухо и кратко:

«В сложном географическом-навигационном районе Финского залива, сильно засоренного минами, при большом количестве дозоров — катеров ПЛЮ и авиации противника прошел на боевую позицию. Находясь на боевой позиции, активно искал встречи с кораблем противника, смело выходя в прибрежные районы,

характерные сложной навигационной обстановкой /подводные камни, мели и т.д./ для плавания.

В боевом столкновении с противником действуя исключительно умело и осторожно, снайперски утопил одной торпедой с дистанции 12 каб. транспорт противника водоизмещением 7000 тонн.

Проявляя исключительную настойчивость в выполнении поставленной командованием боевой задачи, перекрыл положенную автономность в пребывании ПЛ т. «М» на боевой позиции, пробыв в боевом походе 13 суток.

За проявленную стойкость, мужество и отвагу в борьбе с германским фашизмом — ходатайствую о награждении правительственной наградой орденом ЛЕНИНА...»

Приказ о награждении капитан-лейтенанта Маринеско орденом Ленина был подписан 3 сентября 1942 года. Это был тот самый орден на винте, который Сашка-подводник носил на лацкане своего потертого пиджака в начале шестидесятых.

ЧЕЛОВЕК — СЛИШКОМ СЛОЖНОЕ «УСТРОЙСТВО»

Осенью 1941 года Александра Ивановича Маринеско исключили из кандидатов в члены ВКП(б) «за систематическую пьянку, развал дисциплины, отсутствие воспитательной работы среди личного состава, за неискренность в признании своих ошибок». При этом его не снимают с должности командира, по всей видимости, из-за того, что слишком много было потеряно подводных лодок и их командиров в 1941 году.

Следующий поход Маринеско совершает на «малютке» с 9 по 25 августа 1942 года, в котором атакует тяжелую плавбатарейку противника. При возвращении на базу его «малютку» едва не потопили собственные катера. Вернувшись ранее установленного срока (заканчивалось топливо и патроны для регенерации воздуха), Маринеско не предупредил об этом командование, а при всплытии не поднял военно-морского флага.

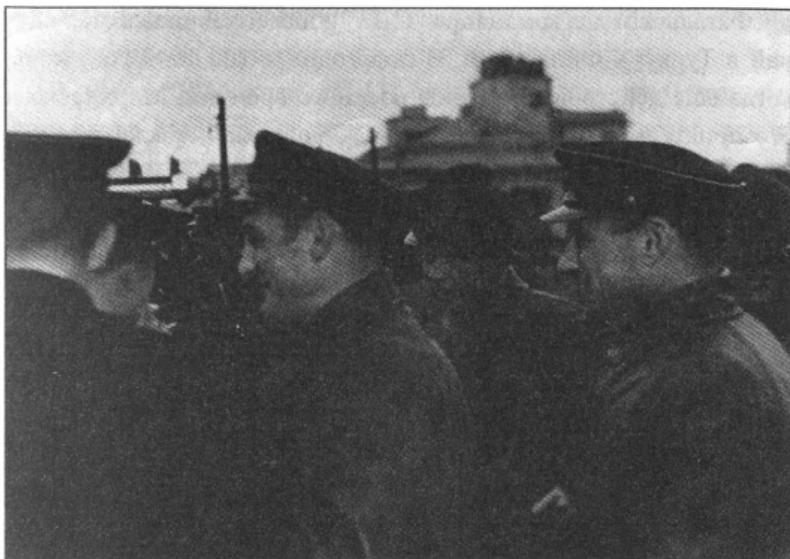
С 8 по 11 ноября этого же года Маринеско участвовал в походе для высадки группы диверсионно-разведывательной группы на побережье Нарвского залива. Успехи налицо, и Александра Ивановича восстанавливают кандидатом в члены ВКП(б), а также ему присваивают очередное воинское звание — капитана третьего ранга.

Следующая ступенька его карьеры — учеба в Военно-морской академии в Самарканде и назначение на должность командира средней подводной лодки «С-13» в апреле 1943 года. Но это была уже новая страница в судьбе будущего героя.

Важно отметить другое. Наряду с положительными отзывами: «Боевой и отважный командир», «Подводное дело знает отлично», — все чаще в его боевых характеристиках и аттестациях появляются и отрицательные: «в повседневной жизни требует контроля», «склонен в выпивке» и т.п.

Лев Санин объясняет это следующими фактами: «В достаточно объемном списке “прегрешений” командира были и такие, за которые по законам военного времени он мог очень дорого поплатиться. Например, рассказывают, что при возвращении из похода лодку “М-96” дозорные катера приняли за немецкую и обстреляли. Могли и уничтожить, но Маринеско вовремя дал команду погрузиться и всплыл аккурат между двумя катерами. Стрелять, не причинив вреда друг друга, катерники уже не могли и были вынуждены до конца выслушать не слишком лестное мнение о себе, выдержанное в колоритных одесских интонациях. В другой раз он и вовсе отказался выводить в море свою лодку — до тех пор, пока не отыщется его заветная шапка, которую старательный вестовой по причине чудовищной засаленности выбросил на помойку. Именно там талисман и отыскался.

Как-то Маринеско не понравилось, как его встретили на берегу после похода, и он без лишних церемоний отдал команду на погружение прямо у пирса. Сутки экипаж отмечал победу прямо в прочном корпусе, не обращая внимания на попытки командования до него достучаться.

*Встреча советской подводной лодки Щ-309
из четвертого боевого похода в Кронштадте -*

Особняком стоит случай, когда Александр не поделил одну очаровательную докторшу со своим тезкой, подводным комбригом Александром Орлом, и одержал над ним верх в рукопашной схватке. Причем экипаж “С-13” был всецело на стороне своего командира и как-то, пользуясь темнотой кинозала, дополнительно намял бока Орлу за то, что Маринеско начали “гаскать по партийной линии”. Еще одна “выходка”. За потопленные вражеские транспорты командиры субмарин получали не только награды, но и неплохие денежные премии. В Финляндии Маринеско на свои премиальные купил великолепный “Опель” и не захотел с ним расставаться, когда поступило распоряжение перебазироваться в Лиенау. По его команде машину укрепили на верхней палубе героической “С-13”, и она на потеху всем успешно «перескакала» через Балтику. На этот раз в шоке оказался не только политотдел бригады подшвава, но и политуправление флота. Говорят, что кое-кто из командования “положил глаз” на ту самую машину...

Фатальным для командира «С-13» и для его экипажа стал случай в Турку, в Финляндии. В новогоднюю (на 1945 год) ночь, когда еще действовали законы военного времени, Маринеско и его приятель, командир плавбазы «Смольный», также капитан третьего ранга Лобанов, загуляли в иностранном порту».

Не мудрено, но вывод Льва Санина абсолютно точен: «Большая неправда, будто бы отличаются на войне только дисциплинированные военнослужащие с высокими морально-политическими качествами. Человек — слишком сложное «устройство», чтобы толковать его так примитивно, а война — слишком многоплановое событие. Не всем нравилось, что Маринеско оценивал не по занимаемой должности, а по их человеческим достоинствам. Поэтому и судьба его — сложная, несправедливая».

Немудрено и то, что Александр Иванович, не вписавшись в строки дисциплинарного устава, не умел прогнуться, не умел солгать и притвориться. Более того, он не пытался искать подхода к своему вышестоящему командиру. А сумел бы, кто знает, какая судьба бы его ожидала? История действительно не имеет сослагательного наклонения, как и человеческая судьба... Маринеско был Маринеско, то есть самим собой, и в этом вся суть. Ибо в армии кроме солдафонов всегда присутствуют просто люди.

ЗАКОННАЯ ЦЕЛЬ ДЛЯ АТАКИ

После «малютки», малой ПЛ водоизмещением до 400 тонн с невысокими боевыми возможностями (два торпедных аппарата без запасных торпед и 45-мм пушка), с крайне тяжелыми условиями службы, «С-13» казалась королевой. В классе средних ПЛ (водоизмещение около 800 тонн) она обладала хорошей надводной скоростью (19,5 узла), дальностью плавания (более 8 тысяч миль) и автономностью (30—45 суток). Запас торпед достигал 12 единиц, а вместо 45-мм пушки была установлена 100-мм. Кроме всего прочего, на «С-13» все приборы наблюдения, связи

и навигации были усовершенствованными. Бесследные электрические торпеды первыми поступили именно на «эски».

В конце 1944 года «С-13» под командованием капитана 3-го ранга Маринеско совершила первый свой боевой поход. В очередном представлении к ордену Красного Знамени об этом сообщается, как всегда, немногословно: «Действуя в течение более 40 суток на дальней морской коммуникации противника, проявил себя смелым и храбрым командиром подлодки. Обнаружив в море груженный транспорт противника и вооруженный... не имея возможности утопить его торпедами, стал преследовать его и вступил в артиллерийский бой. Через 17 минут транспорт был утоплен. Получив приказание прикрывать фланг Красной Армии, действовал умело и решительно, что не позволило противнику выслать в этот район свои артиллерийские корабли».

В начале 1945 года «С-13» вышла на выполнение очередного задания в южную часть Балтийского моря. 30 января, на подходах к Данцигской бухте, капитан третьего ранга Маринеско обнаружил, преследовал, а затем тремя торпедами (по техническим причинам четвертая не вышла из торпедного аппарата) потопил шедший из Данцига немецкий лайнер (водоизмещением 25 484 тонны) «Вильгельм Густлофф».

По данным С. Глезерова, наиболее детальные цифры о пассажирах «Густлоффа» таковы:

«918 военных моряков, 373 из женской вспомогательной части флота, 162 раненых военнослужащих, 173 члена экипажа (гражданских моряков) и 4424 беженца. Всего 6050. Кроме них, внесенных в списки, на борт “Густлоффа” удалось попасть еще до 2 тысяч беженцев. Всего было спасено 876 человек. Погибло 16 офицеров учебной дивизии подводных сил, 390 курсантов, 250 женщин-военнослужащих, 90 членов экипажа, а также раненые военнослужащие».

О том, что это была за победа, можно судить хотя бы по воспоминанию находившегося на борту лайнера и оставшегося в живых немецкого офицера Гейнца Шена: «Если этот случай

можно считать катастрофой, то это несомненно была самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой даже гибель “Титаника”, столкнувшегося в 1913 году с айсбергом, — ничто».

Между тем в представлении Маринеско к званию Героя Советского Союза говорилось следующее: «В момент потопления на борту лайнера находилось свыше 8000 человек, из которых 3700 человек обученных специалистов-подводников, которые следовали к месту назначения для использования в предстоящих операциях немецкого подводного флота. (Сведения о потоплении лайнера “Вильгельм Густлофф” подтверждаются шведскими газетами и радиостанциями.) Спасти удалось только 988 человек. Потоплением лайнера нанесен непоправимый удар по подводному флоту фашистской Германии, так как при этом погибло такое количество подводников, которого было бы достаточно для укомплектования 70 подводных лодок среднего тоннажа».

И действительно, бывший туристический лайнер «Вильгельм Густлофф» на момент атаки «С-13» был плавучей учебной ба-

Лайнер «Вильгельм Густлофф»

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

зой немецких подводников. В момент потопления на его борту находилось 3700 подводников, женский батальон ВМФ, военнослужащие 88-го зенитного полка, хорватские добровольцы, 22 гауляйтера польских земель и земель Восточной Пруссии, нацистские руководители, высшие офицеры гестапо и СС. Что же касается беженцев, то это утверждение опровергается мировым признанием. Притом что «Вильгельм Густлофф» стал самым крупным военным транспортом, потопленным в годы войны нашими подводниками, во всем мире без тени сомнения говорили: «Это была законная цель для атаки!»

После «атаки века» «С-13» оставалась в походе, продолжая действовать на коммуникациях противника. В ночь с 9 на 10 февраля 1945 года она обнаружила немецкий вспомогательный крейсер «Генерал фон Штойбен» водоизмещением 14 660 тонн, шедший под охраной трех эсминцев. Несмотря на это, Маринеско, умело маневрируя, в течение 4,5 часа преследовал противника, а затем выпустил 2 торпеды, которые точно легли в цель.

По мнению С. Глезерова, на «Штойбене» действительно «было более 3 тысяч солдат и офицеров — 2680 раненых и 100 здоровых военнослужащих, 270 медперсонала, а также 285 членов экипажа и около 900 беженцев. Всего было спасено 659 человек».

Именно поэтому 20 февраля 1945 года командир 1-го дивизиона подводных лодок Балтийского флота капитан 1-го ранга А. Орел подписал представление на звание Героя Советского Союза на капитана 3-го ранга А. Маринеско. Однако этот документ так и не дошел до Наркомата ВМФ, и Александра Ивановича Маринеско наградили очередным орденом Красного Знамени.

ОН ГОТОВ БЫЛ ИДТИ НА СУД

Вернувшись из своего шестого и последнего похода, 13 мая 1945 года тридцатидвухлетний капитан 3-го ранга Маринеско ушел в самый настоящий загул. Как свидетельствовали очевидцы, причины для этого были...

Из 13 подводных лодок типа «С», воевавших на Балтике, уцелела одна-единственная, под номером 13, которой командовал он.

В звании Героя Маринеско было отказано, так скажем, по политическим соображениям: его пример мог отрицательно сказаться на результатах воспитательной работы среди курсантов военно-морских училищ.

Лишенный звания Героя командир, таким образом, лишил свой экипаж заслуженных наград.

Его лодка не стала Гвардейской, а только Краснознаменной...

Осколком бомбы был смертельно ранен его отец, скончавшийся перед самым его выходом в поход.

Начала разваливаться семья: жене «рассказали» о «его подвигах», ему «о ее» в эвакуации.

В общем, полный набор...

31 мая капитан 1-го ранга А. Орел докладывал в рапорте командиру бригады: «Командир подводной лодки “С-13” капитан 3-го ранга Маринеско... своими служебными обязанностями не занимается, пьет на корабле, на других базах, в городе и т.д., за что я просил бы Вас отстранить его от представления к награждению...

Дальнейшее пребывание его в должности командира недопустимо. Его необходимо с корабля убрать, зачислить в распоряжение Военного совета КБФ, положить в госпиталь, лечить от алкоголизма или уволить в запас...»

Война закончилась, и в командире подводной лодки надобность отпала. Поэтому приказом наркома ВМФ № 01979 от 14.09.1945 г. ему подчеркнули его ненужность: «За халатное отношение к служебным обязанностям, систематическое пьянство и бытовую распущенность командира Краснознаменной подводной лодки “С-13” капитана третьего ранга Маринеско А.И. отстранить от занимаемой должности, понизить в воинском звании до старшего лейтенанта и зачислить в распоряжение Военного совета этого же флота».

По воспоминаниям командира подводной лодки П.Д. Грищенко, Маринеско «никогда ни на кого не жаловался. Он готов был

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

идти под суд, но не оправдываться. Он мог, глядя обидчику в глаза, молча его презирать. А это куда страшнее любой жалобы».

В своей автобиографии, написанной в 1955 году, Александр Иванович Маринеско причину своего увольнения называет следующей: «Летом 1945 г. у меня получился конфликт с временно исполняющим должность н-ка штаба дивизии тов. Сидоренко, после чего я был разжалован с кап. III ранга в ст. лейт-ть».

Однако этот конфликт, судя по всему, стал последней каплей в терпении командиров и начальников Маринеско. Безусловно, были там и давние обиды, и зависть...

ЧЕРЕЗ 27 ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ

После увольнения у Александра Ивановича Маринеско вся жизнь пошла наперекос. С 1946 по 1949 год плавал на судах Балтийского торгового пароходства. В 1949-м по направлению Смольнинского райкома партии его назначили заместителем директора Ленинградского научно-исследовательского института переливания крови. Директор строил дачу и очень хотел избавиться от честного фронтовика. Сам Маринеско в автобиографии напишет об этом всего несколько строк: «В феврале 1950 был осужден к лишению свободы на 3 года по ст. 109. Впоследствии выяснилось, что Кухарчик написал донос о моей дружбе с секретарем райкома Никитиным, который был осужден по “Ленинградскому делу”»

Просидев в течение полутора лет в заключении, был освобожден и восстановлен в партии. С 1951 работал в Онежско-Ладожской экспедиции топографом.

Следующее рабочее место — завод «Мезон», где Маринеско заслужил немало благодарностей. С 1954-го работал в столярной мастерской Высшего военно-морского училища инженеров оружия. И снова суд якобы за подделку справки, позволяющей ему получать пенсию побольше. Дальше — хуже...

В 1961 году Александр Иванович, забытый всеми, проживал в однокомнатной ленинградской квартире площадью чуть более

10 квадратных метров. Врачи обнаружили у него рак пищевода. Уже обреченный, он напишет письмо писателю, который сделает все, чтобы воскресить его имя из небытия: «...Мне сделали операцию, которая позволяет поддерживать мое существование кормлением, минуя пищевод. Это операция вспомогательная, а основное все — впереди и неизвестно через сколько времени. Врачи госпиталя, куда я попал, говорят, что для восстановления моего веса и здоровья, для подготовки к основной операции понадобится 6—8 месяцев. Главная моя забота теперь — как прожить? Мне ежедневно нужно заправляться определенными высококалорийными продуктами. Это обойдется (скромно) тремя рублями в день. Но вы, конечно знаете, что я инвалид второй группы и получаю пенсию, из которой наличными остается всего 30—35 рублей. Вопрос: как жить дальше, что меня ожидает в будущем?»

До 1960 года о боевых заслугах Александра Ивановича не знал никто, пока в газете не выступил военный писатель А. Крон. А потом последовало обращение в ЦК КПСС от двух сотен офицеров (в т.ч. 20 адмиралов и генералов, 6 Героев Советского Союза, 45 командиров и комиссаров подводных лодок) с просьбой назначить Маринеско персональную пенсию за исключительные заслуги перед Родиной. Только теперь его восстановили в звании капитана 3-го ранга запаса и назначили установленную пенсию по выслуге лет.

Однако осенью 1963 года знаменитого подводника не стало... Ушел тот, про кого будут еще долго передавать из уст в уста: «Все знали привычку Маринеско не покидать на походе центральный пост, дремать на корточках, привалившись к борту.

Возвращение домой всегда опаснее, чем начало похода. Люди смертельно устали, все чувства притупились. Ночью в феврале 1945-го “дремавший” Маринеско внезапно крикнул:

“Право на борт!”

Закрыв глаза и прижавшись ухом к мокрой стали борта, он слушал море. Услышал торпедный залп, пение торпед и среагировал раньше, чем успел доложить акустик.

Чутье Маринеско и эти секунды спасли всем жизнь. Лодка успела отвернуть. Торпеды, с воем винтов, пронеслись рядом. И закрутился, в глубине ночного моря, поединок с немецкой лодкой.

Маринеско возвращался пустой, без единой торпеды. Немецкая лодка гоняла его так и сяк. Четыре раза по нему били торпедами. Четыре раза Маринеско успевал уклониться. Такое командирское умение дорогого стоит. Затем — то ли он оторвался от немца, то ли немец, израсходовав торпеды, ушел...» (Секреты Балтийского подплава).

И только через 27 лет после смерти, в 1990 году, указом Президиума Верховного Совета СССР капитану 3-го ранга Маринеско А.И. посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Геманов В.* Триумф и трагедия подводника Александра Маринеско. М., 2005.
2. *Глезеров С.* Подвиг Маринеско и трагедия «Густлоффа». Сайт: Флот-XXI век.
3. *Гороховский А.* Легендарный подводник Маринеско. Факты от 28.01.2000.
4. *Крон А.А.* Как я стал маринистом. Собр. сочинений в 3-х томах. Том 1. М., 1990.
5. *Одноколенко О.* Личный враг Гитлера // Итоги, № 24, 2007.
6. *Санин Л.* «Личный враг Гитлера» был не «в чести» у Советской власти // Моряк Украины, № 50—51, 2008 г. и № 1, 2009 г.
7. *Стрижак О.* Секреты балтийского подплава. СПб., 1996.
8. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 519. Л. 306, 306 об.
9. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 875. Л. 122, 123.
10. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1288. Л. 310, 310 об., 311.
11. ЦВМА. Ф. 88. Оп. 2. Д. 650. Л. 109—110.

ТРИЖДЫ ГЕРОЙ ПОКРЫШКИН И ГЕРОЙ ИСАЕВ

ПО ПАМЯТИ — ДЕВЯНОСТО МАШИН

Александр Иванович Покрышкин (1913—1985), будучи от природы целеустремленным и нестигаемым человеком, обладая редкими качествами летчика от бога, в годы войны сумел стать выдающимся воздушным бойцом, а затем проявил себя и как талантливый командир.

Стоит отметить, что он достаточно долго (по меркам тех лет) шел к своей мечте стать летчиком. Для чего Александру Ивановичу пришлось после семилетки поступить в ФЗУ, а лишившись поддержки родителей, поменять отчий дом на одну из шестнадцати коек в комнате общежития. По какой-то неведомой ошибке он прежде поступил в школу авиатехников в Перми, из которой выпустился в 1933-м. И только в 1938-м, во время командирского отпуска, всего за 17 дней он освоил двухгодичную программу аэроклуба и менее чем за год прошел сокращенную летную программу в Каче, окончив эту известную авиашколу в 1939 г. Благодаря систематическому образованию и спортивным пристрастиям Покрышкин стал новатором в летной профессии и буквально сразу же выделился среди сослуживцев.

Тем не менее 22 июня 1941 г. будущего национального героя ждала неудача. Сам Покрышкин об этом вспоминал так: «Уви-

дел вдали группу бомбардировщиков. С первого контакта запустил мотор и вырулил со стоянки. Заработали двигатели на других самолетах. Зная, что взлет производится по команде с СКП с разных направлений, решаю подняться в воздух раньше всех. Но почему нет ракет на вылет по тревоге? Мучительные секунды, и вдруг над КП взвились три красные огонька. Тут же взлетел и ринулся к бомбардировщикам. Вот они уже невдалеке. Самолеты выкрашены в черно-зеленые и желтые пятна. Конструкция совершенно

А.И. Покрышкин.

незнакомая. Чуть повернул к бомбардировщикам, и низкое вечернее солнце ослепило меня. Оно не дало мне рассмотреть более внимательно за эти короткие секунды сближения тип машин. Решаю, что противник сейчас будет бомбить аэродром. Бросаю свой самолет в крутой разворот. Захожу в хвост левому крайнему и метров с пятидесяти открываю огонь. Но успел дать лишь короткую очередь, как мой самолет от струи атакованного самопроизвольно делает бочку.

Бомбардировщик, разворачиваясь влево, пошел вниз. «Этому достаточно», — подумал я. Развернул свой самолет на правый фланг группы. Делаю горку для атаки сверху... И тут оцепенел: на крыльях звезды...» Далее Александр Иванович откровенно писал: «Стыд и позор жгли сердце. Мелькнула шальная мысль сделать переворот и — к земле... стараясь не попадаться на глаза летчикам, направился на командный пункт. Предстал перед Ивановым. Стою, молчу. Командир глядит на меня, и в глазах гнев и боль.

— Ну что, герой, отличился. Как тебя угораздило сбить свой Су-2?

— Не спрашивайте. Самому тошно. Зашел против солнца и на камуфлированной окраске не заметил звезд. Хотел после этого врезаться в землю.

— Ты что? Сдурел? Разве ты один в этом виноват? Не кидайся сломя голову, пока не разобрался, кто перед тобой.

— Группа уже была рядом с аэродромом, думал, немцы, решил быстрее атаковать, не дать сбросить бомбы. В общем, как злой пес сорвался с цепи!

— Ладно, успокойся. В другое время прокурор задал бы тебе другие вопросы... Подбитый самолет сел на вынужденную. Жаль, что штурмана ранил. Технику восстановят...»

Маршал авиации, Герой Советского Союза И. Пстыго в своих воспоминаниях рассказал продолжение этой истории. «У нас до войны самолеты засекретили так, что в одной и той же дивизии истребители не знали бомбардировщиков, особенно Су-2, а мы напрочь не знали новых “мигов” и “яков”. В конце июня 1941-го в Молдавии две девятки наших самолетов пошли бомбить переправу. Я вел свое штатное звено. Мне в воздухе штурман докладывает: “Истребители прикрытия подошли, теперь веселее пойдём!” Тут один “миг” развернулся и врезал по моему командиру эскадрильи — Гудзенко Михаилу Ивановичу. Су-2 задымился и пошел вниз. В “миге” летел Покрышкин, тогда капитан. Мы отбомбились, вернулись. Командир полка приказал мне на По-2 лететь на место падения. Командир был жив, а у штурмана три пули в сердце. Выкопали могилу, дали из пистолета салют.

Этот случай долго оставался тайной. В 1956 г. в нашей группе академии Генштаба, где учился и Покрышкин, я рассказал эту историю. Покрышкин говорит: “Внесу поправку в летную книжку”. Я ему: “Саня, зачем это тебе нужно?” Вся группа была против. Но он настоял на своем».

На следующий день войны, выполняя разведку переправ через Прут и отбивая атаку на ведомого, Александр Иванович на

выходе из пикирования короткими очередями зажег одного из пятёрки Ме-109. Однако сам попал под удар «мессера», наблюдая за падением жертвы. Правда, в этот раз ему удалось посадить поврежденную машину. Собственно, с этой победы и началось восхождение выдающегося советского аса Великой Отечественной войны.

Но 3 июля ему снова не повезло. Подбитый огнем зенитной артиллерии над Прутом, он приземлился на лесной опушке и попал в санчасть. Там он принялся за создание своей «науки побеждать» и написал «Тактику истребителей в бою».

Пятого октября Покрышкина подбили в третий раз, но, приземлившись в поле и оказавшись в окружении, он все же вышел с боями к своим. Вернувшись в полк, Александр Иванович стал переучивать молодое пополнение с «ишачка» на МиГ-3 и знакомил их со своими тактическими находками: разомкнутым боевым порядком, соколиным ударом, с прицельной атакой сверху на большой скорости, с эшелонированием по высоте.

До вывода полка на переформирование в конце декабря 1942 г. А.И. Покрышкин только на «яке» сбил не менее семи самолетов противника (пять «мессеров» и два «юнкерса»), всего к тому времени совершив около 400 боевых вылетов и уничтожив 20 самолетов противника. Но до этого, весной 1943-го, Александру Ивановичу пришлось «повоевать» с командиром полка Н. Исаевым, который, завидуя бегущей впереди его славе капитана, решил отомстить ему. Покрышкина исключили из партии, а дело направили в трибунал... А раньше заслуживал Александр Иванович и нерасположение командира дивизии Осипенко. “Почему ты растерял вчера свою группу?” — задал ему вопрос генерал. “Группа рассыпалась при возвращении с задания ночью. В этих условиях оторвалось звено Фигичева и, не найдя в темноте своего аэродрома, село вынужденно”, — попытался объяснить обстановку. “Какая ночь?.. Иванов! Что он говорит? Сумерки путает с ночью” — “При грозовой облачности темнота наступает почти на полчаса раньше. Об этом хорошо знает каждый летчик

и метеоролог. Когда нам приказали вылететь на задание, этого не учли”, — ответил я, стараясь отвести удар от Иванова. “Это ты знаешь!.. А как наш Су-2 сбил, не помнишь?” — “В этом я виноват! Но за этот проступок уже рассчитался шестью сбитыми вражескими самолетами”. Разговор дальше пошел, как говорят, вкрутую. Я не сдержался, заговорил о неразумном использовании истребителей, о распылении сил. Вызвал нарекания командира соединения. “Иванов! Эскадрилью ему доверять нельзя. Подготовь приказ о снятии его с комэска!” — сделал вывод Осипенко. “Он заместитель. До возвращения Соколова исполнял обязанности командира”, — пояснил Иванов. “И с заместителя надо снять. Понизить до командира звена. Пусть сначала научится управлять звеном!”»

Когда Покрышкина спросили, чем закончился разговор, он с присущим ему юмором ответил: «Осипенко остался командиром дивизии, а я стал командиром звена».

Генерал-майор Александр Степанович Осипенко был старше Покрышкина всего на три года. Все его заслуги заключались в нескольких воздушных победах в Испании, за которые он стал Героем Советского Союза. Надменный и малообразованный комдив удивлял своими «глубокими знаниями» многих известных летчиков. Так, генерал-лейтенант авиации А.Ф. Ковачевич рассказывал мне про Осипенко следующее: «Я приведу пример большого генерала, который провожал нас на Брянский фронт. Я уже собрал летный состав, но в предпоследнюю минуту, когда надо лететь, вдруг начштаба кричит: “Подожди, Аркадий Федорович, летит Осипенко!” Вот ждем его. Прилетел. Подходит к одному летчику и говорит: “Как ты с “мессером” будешь воевать? На какой высоте? На 2000 м на “Миг-3”?” Тот отвечает: “Потяну его на высоту 4000 м. Я там бог! Потому что на 2000 м “мигу” делать нечего”.

Осипенко говорит: “Да не бог, а дурак!” Потом он второму задает такой же вопрос. Мы уже навоевались, слава богу. “Я на высоту 4000 м, мне оттуда лучше будет воевать” “Ну и дурак,

А.И. Покрышкин на аэродроме

вот полетите на фронт и “мессера” научат вас, как воевать!” Я не выдержал, скомандовал: “Кругом! По самолетам” Он на меня смотрит: ну, мол, ты даешь. Садимся на аэродроме дозаправки в Малино. Комбат ко мне подбегает: “Товарищ капитан...” Я ему: “Были звонки из Москвы?” — “Не было” “Ну тогда так. Быстрее заправляй и на фронт. Там он меня не поймает” Вот такое отношение. Это 42-й год, когда уже было ясно, что такое скорость, высота, скорость. Это главный выигрыш в бою. А он этих летчиков оскорбляет. Или вот еще случай. Сажу на аэродроме в Донбассе, по-моему, идет дивизия. Первый, второй, третий, потом садится управление дивизии. Из самолета Ли-2 выходит

Осипенко. Я спрашиваю: “А вы куда это собрались?” — “Вот мы тут вам своей дивизией голубое небо сделаем!” — “Дай бог, дай бог!” Через две недели летит обратно. Дивизия разбитая, расколоченная. Выходит Осипенко. Я говорю: “Товарищ генерал, что-то голубого неба не видно?”».

С апреля 1943-го Покрышкин на «аэрокобре» участвует в воздушных боях на Кубани, в самом напряженном сражении Второй мировой. Только 12 апреля в районе Крымской он сбил четыре «мессера», а потом еще три немецких самолета и довел число сбитых за день до семи. Всего над «голубой линией» официально он сбил 16 самолетов, а фактически около 30 (12—15 Ме-109, 4—6 Ю-88, 9—13 Ю-87, 2 — ФВ-190). Там он всегда производил атаку излюбленным «соколиным ударом»: сверху, на высокой скорости, с крутым переменным профилем пикирования, чтобы затруднить прицеливание стрелкам.

А.Ф. Ковачевичу довелось лично видеть Покрышкина в бою.

“У него была манера или стиль такой: он не ввязывался в бой, никогда не ввязывался в карусель. Он подходил к врагу, бил его и уходил. И больше его не видели, — рассказывает Аркадий Федорович. — Я его как-то просил... Услышал его позывной и говорю: “Подойди, я веду бой. Нас восемь, а их тридцать. Бомбардировщики, “мессера”. Он подошел шестеркой. Подошел, посмотрел, спикировал. Ж-жик! Одного нету — и ушел. Я потом говорю: “Как же так?” — “А больше, — говорит, — я не могу. Не буду”. То есть у него кинжальная атака. У нас немногие это умеют делать: ударил и ушел, не связываясь ни с кем».

В 1943 г. боевой опыт Покрышкина, возведенный им в высочайший профессионализм, сделал его имя широко известным не только на фронте, но и во всем Союзе. А 24 мая 1943 г. командиру эскадрильи 16-го ИАП гв. капитану Покрышкину присвоили звание Героя Советского Союза за 354 боевых вылета, 54 воздушных боя, 13 лично сбитых самолетов противника и 6 в группе.

24 августа 1943 г. командиру эскадрильи 16-го ИАП гв. майору Покрышкину присвоили звание дважды Героя Советского

Союза за 455 боевых вылетов и 30 сбитых самолетов противника к июлю месяцу.

19 августа 1944 г. исполняющему должность командира 16-го ИАП гв. подполковнику Покрышкину присвоят звание трижды Героя Советского Союза за 550 боевых вылетов, 137 воздушных боев, в которых он сбил лично 53 самолета противника.

Когда Александра Ивановича назначат командиром дивизии, он и в этой должности, несмотря на запреты на участие в воздушных боях, собьет семь самолетов.

Официально он провел более 650 боевых вылетов, 156 воздушных боев, лично сбил 59 и в группе — 6 самолетов противника.

Как-то Феликс Иванович Чуев поинтересовался у Покрышкина о воздушных боях.

— Зафиксированных боевых вылетов у меня около семисот. Воздушных боев больше полутораста, — ответил он.

— И пятьдесят девять самолетов сбили лично, — добавляю я.

— Ну это засчитанных. Был приказ в сорок первом году: засчитывать, когда наши пехотинцы подтвердят. Потом фотокинопулемет. Что немцы нам подтвердят?

— А сколько всего вы сбили?

— По памяти — девяносто машин, — говорит Покрышкин. — Официально — пятьдесят девять, а остальные ушли в счет войны.

Сдержанный и деликатный, будущий маршал авиации (1972) очень часто за свою службу был неудобен многим начальникам.

А.И. Покрышкин — трижды Герой Советского Союза

Им не могла нравиться его инициатива и самостоятельность. А кроме того, Александр Иванович был абсолютно не честолюбивым человеком, не однажды отказавшись от соблазнительных должностей. Видимо, таким и должен быть народный герой и выдающийся летчик.

ОН ХОДИЛ ВАЖНО

При жизни ни в одной из своих книг Александр Иванович Покрышкин так и не назвал этого человека под своей настоящей фамилией. Например, в мемуарах «Небо войны», изданных в 1980 году, он фигурирует как Краев. В книге «Познать себя в бою», вышедшей в 1986 году, он Заев. И только в последнем издании «Познать себя в бою» (2007 год), восстановленном по рукописи Покрышкина, он назван своей настоящей фамилией — Исаев.

А началось все после одного разговора заместителя командира эскадрильи Покрышкина с командиром полка Ивановым:

«Выслушав рапорт, командир полка спросил:

— Что ты так долго проводил разбор с летчиками? Разнос устроил?

— Да нет. Просто поговорил по душам о честном выполнении боевой задачи. Такой разговор был нужен. В эскадрилье чувствуется расхлябанность, слаба дисциплина в полете.

— Не драматизируй обстановку. Но кое-какие меры надо принять. К нам в полк назначен только что прибывший с Дальнего Востока капитан Воронцов. Правда, он не имеет боевого опыта, но налет в мирных условиях у него более тысячи часов. Он будет стажироваться в эскадрилье. Для пользы дела его необходимо прикрепить к подразделению штурмана полка, — спокойно говорил Иванов.

Я понимал, что такой опытный командир, как Виктор Петрович Иванов, не хуже меня знает состояние дел в эскадрилье. Но мне не хотелось, чтобы кто-то за нас с комэском сколачивал подразделение.

— Заев уже почти полгода в полку, а еще не сделал ни одного боевого вылета, — поразмыслив, ответил я. — Лучше пусть водят группы командиры звеньев, чем начальник, который воздерживается летать на задания. Он загубит летчиков. Товарищ командир, заверяю вас, что в эскадрилье сами справимся, без варягов.

— Я тоже в этом уверен, — сразу же отозвался Иванов.

Моя оценка штурмана полка вскоре стала известна Заеву от кого-то из офицеров штаба. Наверное, это и породило его неприязнь ко мне. Заев прибыл в наш гвардейский полк в начале года на должность штурмана полка. Он заменил Крюкова, назначенного командиром второй эскадрильи, переучиваемой на “яки” Внешне солидный, имеющий большой налет на самолетах в мирное время, он ходил важно, покровительственно поглядывал на летчиков, любил давать советы по тактике. К сожалению, при этом на довоенные взгляды, опирался на положения, которыми руководствовались сразу после событий в Испании. Вот почему летчики отнеслись к нему несколько настороженно. Боевая действительность заставила всех нас обостренно воспринимать каждого человека, оценивать его по главным показателям — как он воюет. Как себя покажешь в бою, таково отношение к тебе будет со стороны летчиков. Они не любили таких офицеров, которые, имея летную подготовку, на боевые задания не ходили, ссылаясь на нехватку техники и находя себе дело на земле».

Вскоре командир полка майор Иванов убывает в госпиталь. При запуске мотора на УТ-2 от удара лопастью винта ему переломило руку. А через несколько дней, 31 июля 1942 года, начальник штаба объявляет приказ о назначении нового командира — гвардии батальонного комиссара Заева... точнее Исаева.

Вспоминая этот день, Покрышкин пишет, что, выслушав начальника штаба, летчики молча переглянулись: «Реакция офицеров возмутила Заева, и он, глядя на нас, заявил:

— Следует запомнить, что по приказу с сегодняшнего дня я командир полка и буду наводить строгий порядок. Дальше так не будет, как было до этого.

— При Иванове в полку был порядок. Мы стали гвардейцами, — бросил я реплику.

— А с вами, Покрышкин, у меня будет отдельный разговор.

Командир ушел. Мы несколько минут молча осмысливали все происшедшее».

Далее Александр Иванович уточняет, что «вступление в должность нового командира сказалось на порядке наших боевых действий. На штурмовку наземных целей стали летать звеньями, а не поэскадрильно. Это увеличило потери. Вскоре в эскадрильях осталось по шесть самолетов. Хорошо, что летчики, получив ранения и ожоги, остались живы».

ПРОДВИГАЛСЯ ПО СЛУЖБЕ, КАК ЛЕТЧИК-ПОЛИТРАБОТНИК

Николай Васильевич Исаев родился в семье рабочего в 1911 году в Ленинграде. К слову сказать, он был старше Александра Покрышкина всего на два года. Автор замечательной книги о Покрышкине А. Тимофеев описывает его так: «Представительный, сильного телосложения, отличный спортсмен, играл в молодежной сборной Ленинграда по футболу вместе со знаменитостями 1920-х годов Бутусовым и “Пекой” Дементьевым. Детство было трудным. Отец, питерский рабочий-плотник, рано умер, мать тяжело больна. После трудовой школы и интерната Николай учился в ФЗУ “Пищепрома”. Вступает в партию и вскоре становится директором ресторана. Затем 400 молодых коммунистов вызывают в райкомы, предлагают путь в летные училища. Сам Н.В. Исаев признавался: “Профессия к тому времени у меня уже была, причем очень далекая от летного дела, и если бы я вдруг стал уверять, что с детства мечтал летать, это было явной неправдой... Не было в начинающем директоре ресторана летного призвания, летных стремлений. Поступив в Качинское училище, он считает, что “летчики — не какие-то особые люди. Летать может каждый, если он собран, если он может держать себя в руках”

Исполнительный, умевший ладить с начальством Исаев — старшина звена в Качинском училище. Служил на Дальнем Востоке, продвигался по службе как летчик-политработник. Комиссар эскадрильи, батальонный комиссар... За боевые вылеты в советско-финляндской войне, за групповую победу над бомбардировщиком «бленхейм» награжден орденом Красного Знамени.

На четвертый день Великой Отечественной войны Исаев сбивает Ю-88. За бои под Ростовом, как и Покрышкин, награжден орденом Ленина. Был подбит у Днепра, ранен в руку. Может быть, ранение и повлияло на его боевую активность.

Изредка и в 16-м гвардейском Исаев, не в самые напряженные дни, совершает боевые вылеты. В документах полка есть, например, запись о том, что 4 сентября 1943 года командир сбивает ФВ-187. Наверно, вкралась описка — таких самолетов в люфтваффе не имелось... По данным на январь 1943 г., на счету Исаева — 320 боевых вылетов. Командиром полка сбит 27 июля 1942 года “Хеншель-126” и в групповом бою — один “фокке-вульф”».

Продвижение по службе Исаева именно как летчика-политработника говорит о том, что другого пути выдвинуться у Николая Васильевича не было. В советские времена таких летчиков, за редким исключением, не особенно любили, считая их карьеристами. Ибо настоящая карьера летного командира складывалась по ступенькам более сложным и ответственным: командир звена, заместитель командира эскадрильи, командир эскадрильи и т.д. Не способный командовать эскадрилей летчик, но желающий выдвинуться, соглашался и на должность политработника, лишь бы получить очередное звание, лишь бы быть при власти, лишь бы быть у руля. У подобного склада людей просыпалась особая любовь и к наградам.

Читая наградные листы на военного комиссара эскадрильи старшего политрука Исаева, это заметно. В них много «воды», то есть попыток приукрасить реальные заслуги комиссара, которые кроме как обычными не назовешь.

Например, вот представление Исаева на орден Ленина от 20 сентября 1941 года: «Делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине предан. Идеологически выдержан, морально устойчив. Является членом партбюро полка. С начала Отечественной войны против германского фашизма показал себя преданным сыном Социалистической Родины. Энергичный, инициативный летчик-истребитель, летающий на самолете И-16 днем и ночью в любых метеоусловиях, способный найти ключ к душе каждого бойца эскадрильи на выполнение задач, поставленных командованием. Благодаря его повседневному воспитанию летно-технического состава, эскадрилья имеет большие успехи в Отечественной войне, воспитав бесстрашных летчиков, идущих смело в бой на врага. Тов. ИСАЕВ показал себя неустрашимым летчиком-истребителем, имея 61 боевой вылет, из них: воздушных боев 1, штурмовок 9, разведок 5, сопровождение бомбардировщиков 3, патрулирование, прикрытие наших войск и другие вылеты 38. Также им лично сбит один самолет противника. Под его личным руководством эскадрилья участвовала в сдерживании и разгроме фашистских войск в течение трех суток под г. Кировоградом. Отважный летчик-истребитель был ранен в воздушном бою 18.8.41 г. и по выздоровлении снова вступил в строй и громит врага.

Тов. ИСАЕВ достоин высшей правительственной награды — орденом “Ленина”».

Из всего написанного в данном документе «впечатляет» всего лишь одна фраза, вставленная как бы невзначай: «Также им лично сбит один самолет противника».

Для сравнения заглянем в наградной лист на заместителя командира эскадрильи старшего лейтенанта Покрышкина от 19 ноября 1941 года: «Делу партии Ленина—Сталина и Социалистической Родине предан. Пользуется исключительным авторитетом и уважением среди подчиненных и всего летного состава полка. Мужественно выполняет боевые задания по уничтожению немецких захватчиков. В борьбе с этими извергами

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

тов. ПОКРЫШКИН в неравных воздушных боях был дважды сбит. Выполняя задание Командующего ВВС 9-й армии по разведке пр-ка был сбит в неравном бою, один при помощи бойцов организовал вывозку своего самолета из тыла противника, но, попав в окружение, по приказу Командующего 18-й армией самолет сжег и совместно с бойцами 30 СД мужественно пробился из окружения. Тов. ПОКРЫШКИН в период с 15 по 20.9.41 г., получив специальное задание оказать содействие наземным частям в захвате Ст. Акимовки, в исключительно неблагоприятных метеоусловиях тов. ПОКРЫШКИН с звеном с-тов МИГ-3 пробивается к цели и отличным бомбометанием ФАБ-50 зажигает стационарные постройки и уничтожает забаррикадировавшихся там немцев, в результате чего Ст. Акимовка была занята нашими войсками. Тов. ПОКРЫШКИН получил благодарность от Командующего ВВС 9-й армии. Имеет 190 боевых вылетов, из них 144 на штурмовку. Один из лучших разведчиков в полку и дивизии.

За отличное выполнение боевых заданий по борьбе с германским фашизмом тов. ПОКРЫШКИН достоин представления к правительственной награде орденом “ЛЕНИНА”».

Нетрудно заметить и разницу: у Исаева на конец сентября 1941 года — 61 боевой вылет, а у Покрышкина на конец ноября 1941 года — 190 боевых вылетов.

Первого декабря 1941 года Исаева представляют к новой боевой награде — ордену Красного Знамени. И это тогда, когда награждали мало, неохотно, да и вообще не думали о наградах. Однако у Исаева свой стиль: «За период с 15 по 30 ноября 1941 года участвовал в боях по уничтожению войск противника на ростовском направлении, за этот период совершил 9 боевых вылетов, из них на штурмовку войск и мехтранспорта противника 6 вылетов. В этих боях сам лично сбил один самолет противника. В бой ходил ведущим, на врага идет смело и с рвением, увлекая за собой остальной летный состав. При его непосредственном участии самолетами полка уничтожено 5 танков и бронемашин,

247 автомашин, подавлено 13 огневых точек и уничтожено более 1060 солдат и офицеров.

За весь период войны с германским фашизмом имеет 91 боевой вылет, из них на штурмовку войск противника и мехтранспорта 25. В воздушных боях сбил два самолета противника. 18.8.41. при штурмовке войск противника был ранен. Участвовал в борьбе с финской белогвардейщиной».

Примечательно, что командующий ВВС Южного фронта генерал Вершинин, прочитав представление, согласился только на орден Красной Звезды.

К сентябрю 1943 года гвардии подполковник Исаев на своей широкой груди носил четыре ордена: орден Ленина, два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды.

К маю 1943 года, до присвоения звания Героя Советского Союза, Покрышкин был награжден двумя орденами: Ленина и Красного Знамени (22.04.43 г.).

КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ

В августе 1942 года летчики 16-го гвардейского полка передали оставшиеся «яки» соседнему полку и выехали в Баку на переучивание и получение новой техники. Именно на новом месте, как пишет А. Тимофеев, «в затылок Покрышкину направлены со стороны начальства недобрые пристальные взгляды... В разговорах с командиром полка Исаевым постоянно “высекались искры”. Комполка — всегда рядом, это не отдаленный комдив Осипенко, от гнева которого спасал Виктор Петрович Иванов. Очередная стычка произошла на днях, когда Покрышкин выступил против того, чтобы самолеты, передаваемые перед уходом с фронта 45-му полку, перегоняли молодые летчики 16-го гвардейского. Их, уже обстрелянных бойцов, не вернули бы обратно в родной полк. Покрышкин предложил: “яки” должны перегнать он сам и командиры звеньев. Исаев крайне раздражен инициативой непокорного комэска. Опять ему надо больше всех! В одном

из селений комполка встречает Покрышкина, прилетевшего на угнанном из Ставрополя МиГе, спасенном от немцев, фразой: “О тебе не забудешь...”

Успел Покрышкин схлестнуться по пути с фронта и с приближенным Исаева — капитаном П. Воронцовым. В Тулатово близ Беслана 8 августа разбился — отказал на взлете изношенный мотор МиГа — один из учеников Александра Ивановича, Степан Супрун, уже сбивший пять самолетов. Однофамилец погибшего друга... Бездушие Воронцова, распорядившегося похоронить летчика без должных почестей, не дожидаясь прибытия на следующий день его боевых друзей, поразило Покрышкина в самое сердце. Сорвавшись, он в столовой бросает в лицо сидевшему за отдельным столом Воронцову: «А вы сбили хоть один самолет?!.. Может, забыли, как бросили мою пару под Изюмом?.. Трус не может быть начальником!» Не глядя на страшного в гневе Покрышкина, Воронцов быстро вышел. Анатолий Комоса говорит: «Не горячись, Саша! И вообще ты напрасно затеял этот разговор. Такому не докажешь. Только наживешь себе неприятностей. Он тебе не простит...»

У капитана Покрышкина было к этому времени, при общем налете 636 часов, 359 боевых вылетов (больше — 409 — имел в полку лишь П.П. Крюков). У капитана Воронцова при налете 759 часов боевых вылетов — 9...»

Следом приключилась и другая история: «В поселке Насосном в ЗАПе — запасном авиаполку — гвардейцев ожидало место в хвосте очереди из нескольких “безлошадных” полков на получение новой техники, — рассказывает А. Тимофеев. — Настроение сразу упало. Тем более что условия жизни и снабжение выведенных с фронта полков, размещенных в дагестанских и азербайджанских поселках, в те месяцы лета и осени 1942-го сносным назвать было нельзя. Общежития переполнены. В столовой летного состава завтрак начинался в 4.30 утра, обед в 16—18 часов, ужин уже в 22—23 часа. Как вспоминал стоявший в тех очередях летчик 45-го полка М.Г. Петров, после за-

втрака нужно было становиться в очередь на обед... Кормили в основном перловой кашей. Вилки и ложки, по рассказам одних летчиков, выдавали под залог — фуражка или, позднее, осенью, даже шинель; по воспоминаниям других — ложек вообще не было, кашу ели сухарями. Столовую “брали на абордаж”, “штурмовали” Бурные перебранки и ссоры были нередкими в этих очередях фронтовиков с потрепанными нервами. Жара достигала 45 градусов. Дешевым и доступным было только местное вино на рынке. В приказах того времени нередки взыскания за “злоупотребление” и связанные с этим нарушения порядка. <...>

Очевидец того случая, авиатехник, рассказывал, что у гвардейцев была привилегия — в столовой для них стояли отдельные столы. Привилегия в той обстановке весьма существенная. И вот за стол 16-го полка сели командир 298-го полка И.А. Тараненко, а также батальонный комиссар и начальник особого отдела этой части. Им подали ужин. Покрышкин заявил им о правах гвардейцев. Сказал и о том, что права эти надо заработать... В ответ последовало: “Товарищ капитан, вы как себя ведете?! Мы старшие по званию...”

Слово за слово. К месту “инцидента” подходили все новые летчики, разделившиеся на две “неприятельских стороны” Столы начали передвигаться, страсти накаляться. Потом, по рассказу очевидца, “кто-то кого-то стукнул боксом”

Понять что-либо в той кутерьме было уже невозможно. После приезда коменданта с охраной летчики объединились против нелюбимых “тыловигов”. Драка выплеснулась на улицу, некоторые участники “стали салютовать, постреливать вверх для подъема храбрости”. Навел порядок только подъехавший на “дожде” с автоматчиками начальник гарнизона полковник Губанов. Зачинщиком назвали Покрышкина...»

Для Исаева, как вы сами понимаете, это был самый наилучший повод избавиться от ненавистного ему комэска. И командир полка приступил к этому немедленно.

Сам Александр Иванович вынужденный и продолжительный отрыв от боевых действий назовет полным драматизма и тяжелыми переживаниями в собственной судьбе: «Пока комиссар части находился на лечении, руководители полка, пользуясь властью, решили вспомнить старые споры и фактически свести счеты. Они отозвали представление на меня о присвоении звания Героя Советского Союза, приняли и другие меры. Вскоре доверительно меня предупредили:

— Александр Иванович, на вас заведено дело по обвинению в нарушении наставлений и инструкций по действиям истребителей. На собрании вы сознайтесь в своих ошибках и пообещайте больше этого не допускать. Тогда отделаетесь выговором. А то ведь может быть и хуже...

Признаться, я не думал раскаиваться в ошибках, которых не совершал.

— Какое же это преступление? Я исходил из опыта боевых действий, применял сам и учил летчиков воевать тактически по-новому, а не по устаревшим довоенным документам. Отказываться я не буду. Уверен, коммунисты полка меня поддержат!

Сообщение меня взбудоражило. Обратиться за помощью было не к кому: М.А. Погребной в госпитале, а знающие и уважающие меня командиры — на фронте.

Гроза сгущалась с каждым днем. Мне сообщили, что я, решением Заева и Воронцова, без собрания коммунистов исключен из партии и выведен из штатного состава полка».

Дело на гвардии капитана Покрышкина было направлено в Бакинский военный трибунал. «В бумаге, которую написал для трибунала комполка, было достаточно “компромата” как минимум для штрафбата! — уточняет А. Тимофеев. — Оскорбления старших командиров, пререкания с начальством и, что самое мерзкое — отказ от выполнения боевого приказа, нарушение требований устава истребительной авиации! В августе — сентябре 1942-го, когда только что вступил в действие грозный приказ № 227, угроза для Покрышкина была более чем реальна. В шта-

бе полка честный человек, понимавший, что творится, начальник строевой части старший лейтенант Леонтий Иванович Павленко показал характеристику на него, подписанную Исаевым. Александр Иванович не верил своим глазам: “Запечатанная на бумаге подлость обжигала...”»

Покрышкин стал готовиться к худшему, но очень скоро понял, что нужно бороться за свою правоту... Однако в дело вмешалась сама судьба: «Неожиданно посыльный вызвал Покрышкина к Исаеву. Оказывается, командующий 4-й воздушной армией Н.Ф. Науменко, еще незнакомый с делом Покрышкина, приказал ему выступить перед летчиками 298-го полка, рассказать о “мессершмитте”. Командиром полка оказался подполковник И.А. Тараненко. После этого выступления, ответов на вопросы довольные хозяева, командир и комиссар, пригласили гостя к столу. Удивленный свалившимися на голову капитана бедами, Тараненко, вспомнивший о соре в столовой как о недоразумении, обещал написать объяснение по этому поводу...

Прибывший из госпиталя, хотя еще больной М.А. Погребной, ужаснувшись тому, как далеко зашло дело, у себя на квартире написал еще одну объективную характеристику. Л.И. Павленко разоблачил обман Исаева, который не хотел отправлять этот документ в трибунал.

Клубок интриг начал разматываться в обратном направлении. Исаев все же не учел, что фронтовая репутация его комэска была очень высока» (А. Тимофеев).

Вскоре в дело вмешался командир дивизии, в которую вошел гвардейский полк. Выслушав Покрышкина, он приказал все изложить в объяснительной записке. Уже вечером, на партийном собрании полка, Александра Ивановича оправдали.

Вспоминая те самые страшные для него дни войны, Покрышкин навсегда запомнит последние детали того дела: «Через несколько дней командующий воздушной армией генерал Н.Ф. Науменко лично побеседовал со мной. Ознакомившись с обстоятельствами, в которых я оказался, он приказал пре-

кратить всякие дела и назначил меня заместителем командира полка.

Когда возвратился в часть, меня вызвал Заев. Дружеским тоном заявил:

— Вы назначены ко мне заместителем. Приступайте к работе по переучиванию летчиков полка.

— Заместителем у вас я быть не могу. Прошу назначить меня командиром эскадрильи, которой сейчас командует Фигичев. А его возьмите к себе замом. Он стал Героем Советского Союза. Достоин этой должности. Мне надо больше летать и драться с фашистами. Это для меня сейчас главное, — твердо заявил я.

— Ну, как хочешь. Если так решил, то я попрошу изменить приказ. Давай забудем все наши неприятности. Будем жить по поговорке: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Согласен?

— Несправедливость не забывается. Разрешите идти?»

КАК УМЕЛ — ТАК И ЖИЛ, А БЕЗГРЕШНЫХ НЕ ЗНАЕТ ПРИРОДА...

Шестнадцатым гвардейским истребительный авиаполком гвардии полковник Исаев будет командовать до весны 1944 года, а затем станет заместителем командира 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии. В июне 1944-го его назначат командиром 273-й истребительной авиационной дивизии, а в июле командиром 9-й Гв. ИАД станет Александр Иванович Покрышкин. Так их пути разойдутся уже навсегда, чтобы никогда больше не пересекаться.

Парадоксально, но тот самый человек, яро пытавшийся сломать жизнь величайшему асу Великой Отечественной войны, ни разу в своей жизни не покривившему душой и не сказавшему неправду, не однажды воспользуется именем Покрышкина в своих корыстных целях.

В представлении к званию Героя Советского Союза от 1 февраля 1945 года на командира 273-й истребительной авиацион-

Группа советских летчиков-истребителей.

В первом ряду (слева направо): Н.Е. Левицкий, А.И. Покрышкин, И.М. Дзусов, Д.Б. Глинка, во втором ряду — Г.А. Речкалов, Б.Б. Глинка, И.И. Бабак, К.Г. Вишневецкий

ной Гомельской дивизии гвардии полковника Исаева Николая Васильевича с его же слов будет записано: «Из рядовых летчиков, впервые начавших свою боевую деятельность, Гвардии полковник ИСАЕВ вырастил таких легендарных сынов нашей отчизны, как трижды Герои Советского Союза ПОКРЫШКИН, дважды Герой Советского Союза РЫЧКАЛОВ, Герой Советского Союза — ФЕДОРОВ, КЛУБОВ, ТРУД, ФАДЕЕВ, ФИГИЧЕВ, КАРПОВИЧ, ИСКРИН, СЕМЕНИШИН — все эти замечательные офицеры в настоящее время командуют соединениями и авиачастями и по традициям своего учителя Гвардии полковника ИСАЕВА отлично руководят боевой работой частей и соединений».

Чего только не насочинял в этом документе его автор гвардии полковник Исаев, чтобы получить долгожданную “Золотую Звезду”. Есть там и такое лживое предложение после слов “Участвуя в боях на 4-м Украинском фронте в должности командира 16-го Гвардейского истребительного авиационного полка...”:

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

«Под личным умелым руководством Гвардии полковника Исаева полк удостоен звания “Гвардейского”».

Дело в том, что 55-му ИАП приказом НКО СССР гвардейское звание (16-й Гв. ИАП) было присвоено 7 марта 1942 года. Гвардейское знамя полку вручено 5 июля 1942 года. Как известно, с 1941 года по июль 1942 года полком командовал майор Иванов. Исаев же был назначен на должность командира только 31 июля этого года...

После войны генерал-майор Исаев окончил высшие курсы усовершенствования командиров и начальников штабов авиадивизий при Военно-воздушной академии, Военную академию Генерального штаба и продолжал служить. Сначала в Германии, потом на Дальнем Востоке. Службу закончил в Прикарпатском военном округе.

В 1960 году уволился в запас, но продолжал трудиться. Сначала общественным директором мемориального народного музея во Львове, затем ответственным секретарем Львовской секции Советского Комитета ветеранов войны.

В 1984 году у него вышла книжка мемуаров в литературной записи Р.В. Кобышевой под названием «Этот день мы приближали как могли».

Трижды Героя Советского Союза, маршала авиации А.И. Покрышкина он пережил почти на три года. Умер Исаев 26 октября 1988 года во Львове. На могильной плите усопшего будет написано: «Как умел — так и жил, а безгрешных не знает прихода...»

Николай Васильевич действительно жил, как умел...

В своих воспоминаниях он будет говорить только о хорошем: «Как-то Александр Покрышкин вместе с лейтенантом Николаем Искриным наблюдали за полетом молодых летчиков над аэродромом. Один из них пытался сделать бочку. Но скорость при этом потерял, неловко нырнул вниз, а в это время следующий за ним напарник проскочил вперед, и незадачливый акробат оказался у него прямо на хвосте.

— Не бочка, а “кадушка”, — засмеялись вокруг.

— А ведь интересная фигура, — заметил Покрышкин, — как ты думаешь, Коля? Так можно и фрица обвести вокруг пальца, если он погонится за тобой. Сделать такую “кадушку” и сесть к нему на хвост. Тут ему и конец. Попробуем вдвоем, а?

Они взлетели, потренировались. И в дальнейшем этот новый тактический прием очень пригодился».

А ведь когда Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Н.В. Исаев диктовал этот эпизод, он прекрасно помнил, как заводил на гвардии капитана Покрышкина дело по обвинению в нарушении наставлений и инструкций по действиям истребителей.

Он действительно «как умел — так и жил...»

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Покрышкин А.И.* Познать себя в бою. М., 1993.
2. *Смыслов О.С.* Асы против асов. М., 2013.
3. *Тимофеев А.* Покрышкин. ВИП. М., 2013.
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 34. Л. 245, 245 об.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 490. Л. 63, 63 об.
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 490. Л. 365, 365 об.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1635. Л. 156.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 19. Л. 141, 141 об., 142.

ДЯДЯ ЗНАМЕНИТОГО ПЛЕМЯННИКА

ОФИЦЕР ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Он был двадцатидвухлетним лейтенантом, командиром батареи 265-го Корпусного артиллерийского полка Южного фронта. Она — восемнадцатилетней девушкой, санинструктором, только что окончившей медицинское училище. Она красавица с большими карими глазами. И он высокий, красивый брюнет.

Ровно через два месяца после знакомства эта красивая пара зарегистрировалась в сельсовете одной из станиц. Любовь была настоящая, вечная. Несмотря на войну. Но война...

«Двадцать восьмого июля 1942 года мама сопровождала большую партию раненых в госпиталь, — рассказывает их дочь Ирэна Высоцкая. — Когда прибыли на место, началась бомбежка. Она соскочила из кабины на землю, взялась рукой за приделанную к двери скобу. Левое запястье с подаренными Алешей на свадьбу часами — последнее, что мама помнила. Очнулась в палате. Вместо левой руки — окровавленная культя.

Ехать после выписки из госпиталя санинструктору Александре Таран-Высоцкой было некуда. Пожалев, ее взяла к себе чужая женщина. Писать мужу на номер военной почты гордая казачка не стала: а вдруг она ему такая не нужна? Но тревога за любимого терзала сердце... Мама отправила открытку на московский адрес свекра: «Владимир Семенович, пишет ли вам

Алексей? Жив ли он? Не ранен?” Послание в почтовом ящике обнаружил старший сын Семен. Он немедленно отправил брату Алексею на фронт сообщение: “Твоя жена нашлась. Место проживания: Ростов-на-Дону, Станиславского, 188”».

Получив письмо, отец отпросился у начальства и рванул на «виллисе» в Ростов.

«Влетаю в дом и с порога:

— Где Шура? — вспоминал отец.

— За военным пайком с утра ушла. Наверное, в очереди стоит. А вы кто?

— Муж.

Хозяйка смотрит на меня удивленно:

— Она не говорила, что замужем...

В толпе возле продпункта сразу выхватываю глазами Шурочку. В длинной линиялой юбке, старой кофте, с опущенными в землю глазами. Кричу: “Шура!!!” Она было бросается ко мне, но тут же останавливается и показывает глазами на пустой рукав: вот, мол, видишь, Леша? “И только?!” — говорю я и прижимаю ее к себе, а в голове одна мысль: жива! Жива! Ведь когда пришли списки погибших, в которых значилось имя Шуры, я чуть с ума не сошел. Теперь, увидев ее в очереди в обносках, поклялся себе: закончится война и моя Шурочка будет одеваться как королева — все для этого сделаю!»

Отец привез жену в часть, добился, чтобы ее не комиссовали и разрешили работать в медпункте. Они вместе дошли до Берлина».

Таким был Алексей Владимирович Высоцкий, полковник артиллерии, родной брат отца знаменитого поэта, барда и актера Владимира Высоцкого.

Он родился в Киеве в 1919 году (Семен Владимирович был старше его на несколько лет) в семье преподавателя русского языка с тремя высшими образованиями (юридическим, экономическим, химическим) Владимира Семеновича Высоцкого. Мать Дарья Алексеевна была медработником. В 1926 году семья пере-

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

ехала в Москву. После развода родителей Алексей до начала 30-х жил с отцом, а затем с матерью.

В школе Алексей Высоцкий учился блестяще, даже учитель литературы прочил ему великое будущее. Но, что называется, не срослось. Из-за тяжелого материального положения в 1938 году Алексей поступил в только что открывшееся Подольское артиллерийское училище.

По мнению дочери, Алексей Владимирович «о карьере вообще не думал, судя по тому, что пошел на конфликт с вышестоящим офицером, решившим приударить за его женой». Но, тем не менее, карьера Алексея Высоцкого складывалась весьма и весьма успешно.

В 1941 году он лейтенант, командир батареи. В 1943-м капитан, затем майор, командир 1-го дивизиона 268-го Краснознаменного армейского пушечного артиллерийского полка. В 1944-м майор Высоцкий командир дивизиона 124-й Отдельной гаубичной артиллерийской Краснознаменной бригады БМ РКК. В 1945-м начальник штаба этой бригады. Награжден тремя орденами Красного Знамени (1941 г., 1942 г., 1945 г.), орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней (1943 г., 1944 г.), орденом Красной Звезды (1943 г.) и медалями. В том числе «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя».

Из наградного листа:

«В боях при прорыве обороны противника на р. Одер в подготовительный период штаб бригады, возглавляемый майором ВЫСОЦКИМ на базе хорошо организованной разведки и правильно сделанном анализе добытых разведданных спланировал артиллерийское наступление бригады, проверил знание задач на местности и правильное планирование в низах, в результате чего артиллерийская подготовка и действия бригады при бое в глубине обеспечили продвижение пехоты.

В развитии боя в глубине и в боях за г. Берлин, находясь на пункте командира бригады, оперативно и своевременно руководил подвозом боеприпасов, снабжением ГСМ, лично ставил

задачи командирам дивизионов, выполняя решения командира бригады, а также личными инициативными действиями обеспечивал выполнение боевых задач дивизионами.

Благодаря личным решительным и мужественным действиям майора ВЫСОЦКОГО, хорошо организованной разведкой и бесперебойным снабжением боеприпасами и ГСМ, бригада своевременно реагировала огнем по конкретным целям в требуемое время и обеспечивала продвижение частей 79 СК.

За мужественные и решительные действия, правильно проведенное планирование, в результате чего бригадой разрушено опорных пунктов — 17, подавлено узлов сопротивления — 76, артбатарей — 2, рассеяно скоплений пехоты и танков — 6, подавлено штабов — 2, майор ВЫСОЦКИЙ достоин правительственной награды...»

Как утверждает Ирэна Высоцкая, ее «отец до конца жизни хранил верность одной-единственной женщине... Они были почти антиподами, но стоило мне или маме сказать что-нибудь нелицеприятное в адрес Семена Владимировича, тут же следовал окрик: “Шура! Лялька! Он мой брат — и другого не будет!”

Семен Владимирович “с легкостью переходил из одного романа в другой и считал свои любовные победы доблестью”...»

«О том, что Семен Владимирович — “ходок”, знали все. Более того, он своими победами на любовном фронте несказанно гордился. В студенческие годы я увлекалась хиромантией и как-то попросила его показать ладони. Посмотрев, ахнула:

— Вот это да! Сколько же у вас, дядь Сень, женщин было! Раз, два, три... Одиннадцать!

— Погоди, Ирэнка, сейчас прикину... — сосредоточенно сдвинув брови и беззвучно шевеля губами, он принялся загибать пальцы. — Примерно так оно и есть — больше десятка... Но это только те, — поспешно и деловито уточнил он, — с которыми были долгие, серьезные отношения. Всех нипочем не вспомнить».

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Старший брат Алексея Владимировича, со слов Ирэны Высоцкой, «был нацелен на карьеру и остро переживал свое медленное продвижение по служебной лестнице». Но оно и немудрено. Если Алексей Владимирович воевал фактически на передовой или недалеко от нее на командных должностях, то Семен Владимирович служил маленьким человеком в больших штабах: помощником начальника отдела связи 3-й гвардейской армии,

*Алексей Высоцкий, Николай Петров и Александр Плоткин.
Декабрь 1942 г.*

затем 4-й гвардейской танковой армии. Да и орденов у гвардии майора Высоцкого Семена Владимировича, как у помощника начальника связи армии по проводной связи, в 1945-м было в два раза меньше, чем у младшего брата.

После войны еще несколько лет А.В. Высоцкий продолжает свою службу в Германии. В 1949 году в Гайсине (Винницкая область Украины) он уже начальник оперативного отдела соединения, полковник. В 1951 году новое место службы — Мукачево (Закарпатская область). А в конце пятидесятых полковник Высоцкий увольняется из армии по хрущевскому сокращению. Как помнит дочь, он этого хотел...

В одной из послевоенных аттестаций Высоцкого черным по белому было написано: «офицер военного времени»... По-другому он не мог.

АРИСТОКРАТ ДУХА

Полковнику Высоцкому, боевому офицеру-артиллеристу, почти 40 лет, а значит, еще можно успеть начать и устроить свою вторую жизнь. И он начинает ее достаточно резво. Тут же поступает в Ужгородский университет на филологический факультет, а спустя некоторое время переезжает в Москву и заново поступает в МГУ на факультет журналистики, который заканчивает через 2—3 года экстерном.

Литературным трудом, как оказалось, Алексей Высоцкий начал заниматься в редкие свободные минуты еще на фронте. В годы войны он печатал свои репортажи с передовой и очерки в газете «Красная звезда» и «Известиях». Талант боевого офицера заметили и не однажды предлагали ему стать военным корреспондентом, но Алексей Владимирович считал, что больше пользы может принести только на передовой.

Уже в послевоенное время он станет автором четырех книг документальной прозы, в том числе повестей: «И пусть наступит утро» (о своем боевом командире, Герое Советского Союза

Н.В. Богданове, обороне Одессы и Севастополя), «Дороги огненной земли» (о керченском десанте), «Горсть земли» (об обороне Одессы) и «Горный цветок» (о борьбе советских пограничников и с бандеровцами в послевоенное время). Всего на счету А.В. Высоцкого сотни очерков, несколько десятков повестей и сценариев документальных фильмов. Естественно, большинство о пережитом, о войне.

Его документальная трилогия «Весна в Берлине» (повести «И пусть наступит утро», «Дороги огненной земли» и «Весна в Берлине») будет издана только в 2010 году, к 65-летию Великой Победы, под редакцией его дочери.

А в 1962 году Алексей Владимирович Высоцкий осуществил самые первые профессиональные магнитофонные записи своего племянника. Происходило это в Доме техники Министерства речного флота РСФСР, где он тогда работал.

Ирэна Высоцкая свидетельствует: «Шестидесятые остались во мне воспоминаниями о сеансах звукозаписи, которые проходили в нашей квартире. Володя с гитарой садился у микрофона “Кометы” и пел. Бобина с лентой, где было больше восьмидесяти ранних песен Высоцкого: “Страшно аж жуть”, “Слухи”, “Городской романс”, “Большой Каретный”... — хранилась у нас до 1975 года. Потом я дала ее послушать дочери Николая Скоморохова, она — кому-то еще... Назад пленка не вернулась.

Сейчас вдруг подумалось: а ведь в доме отца Вовка пел гораздо реже. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Долгие годы Семен Владимирович к песням и стихам сына относился, мягко говоря, без пиетета».

Стоит отметить, что у дяди с племянником были особые отношения. Они частенько уединялись вдвоем, много говорили и что-то обсуждали. Как выяснится, в основном все разговоры были о войне, которую Алексей Владимирович знал лучше других.

Примечательна многолетняя дружба А.В. Высоцкого с дважды Героем Советского Союза, маршалом авиации Николаем Михайловичем Скомороховым. Седьмой результативный

ас в списке советских летчиков-истребителей, Скоморохов в 143 воздушных боях сбил 46 самолетов противника лично и 8 в группе. При этом он ни разу не был ранен, а его самолет не горел и не был сбит. По мотивам очерка А.В. Высоцкого «Бриллиантовая двойка» о дважды Герое Советского Союза Н.М. Скоморохове Владимир Высоцкий напишет «Песню о погибшем летчике»:

Всю войну под завязку я все к дому тянулся,
И хотя горячился, воевал делово.
Ну, а он торопился, как-то раз не пригнулся, —
И в войне взад-вперед обернулся, за два года — всего ничего!

Выступая во Дворце культуры в городе Коломне в 1976 году, Владимир Семенович Высоцкий, предваряя эту песню, сказал такие проникновенные слова:

«Посвящается дважды Герою Советского Союза Н.М. Скоморохову и его *погибшему другу*». В 43-м году, во время великой воздушной битвы над Кубанью, был такой человек, летал в небе, — Скоморохов, Николай Скоморохов. Он сейчас жив, генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. Был эпизод, когда он сбил «бриллиантовую двойку»: это была знаменитая немецкая дивизия «Удэт», они все были кавалеры Бриллиантовых Крестов, лично награжденные Гитлером, настоящие асы. И вот двое — двойка из этой эскадрильи — сбили друга Николая Скоморохова, его близкого друга. И тогда Скоморохов стал вылетать на индивидуальную охоту — поспит несколько минут и снова вылетает — искать именно тех двоих: он запомнил, что у них были за номера на фюзеляжах. Он их нашел, достал и сбил обоих — в одном бою двух уничтожил. И один даже спрыгнул с парашютом, попал на нашу территорию, взяли его в плен. И он стал спрашивать: кто меня сбил? Ну а ему говорят: Скоморохов. Он говорит — это неправда, нас предупреждают: «Осторожно! Скоморохов в воздухе!» Но это было так на самом деле. И вот в

Н.М. Скоморохов

память о погибшем друге Николая Михайловича Скоморохова я написал эту песню».

А в октябре 1977 года Алексея Владимировича Высоцкого не стало... Его дочь очень хорошо помнит, как «Володя собирался ставить по его повести «Горный цветок» фильм, в котором намеревался сыграть главную роль, постоянно просил дядю Лешу что-то дописать, вспомнить делали, привозил блокноты, ручки».

Похороны ветерана войны и полковника-артиллериста организовал его друг Николай Михайлович Скоморохов, поэтому подушечки со всеми наградами А.В. Высоцкого несли офицеры ВВС. Один фронтовик хоронил другого, и не столь важно, что один был летчиком, а другой артиллеристом. Важно другое — они понимали и уважали друг друга... Как-то в одну из семейных встреч Скоморохов назвал А. Высоцкого «аристократом духа». И это прозвучало не просто красиво, это прозвучало очень емко и по-честному, из глубины души.

Сообщение о смерти любимого дяди застало Владимира Высоцкого в Париже. Марина Влади потом напишет, как он, сказав, что хочет побыть один, ушел из дома. Только через несколько

часов она обнаружила своего мужа пьяным в баре аэропорта. Владимир Высоцкий действительно очень тяжело пережил эту смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. Википедия: Высоцкий Алексей Владимирович. Интернет.
2. *Высоцкая И.* О Владимире Высоцком. Беседу вел М. Цыбульский. Живой журнал. Интернет. 18.10.2003 г., 21.05. и 5.06.2005.
3. *Высоцкая И.* Мой знаменитый брат // Караван историй № 4(46), апрель 2012.
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 16. Л. 221.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1132. Л. 128.
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 591. Л. 117.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6078. Л. 178.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2303. Л. 54.
9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1247. Л. 11.

ВОЙНА ЛЕЙТЕНАНТА ТОДОРОВСКОГО

«НОСИТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!»

Знаменитый режиссер Петр Ефимович Тодоровский, прежде чем попасть на фронт, стал курсантом Саратовского пехотного училища. Было это летом 1943 года. Ему 18 лет. Училище не достроено: стены в казарме не оштукатурены, и оголенный кирпич неровными рядами прижимался друг к другу. Зимой на этих кирпичях с легкостью нарастал густой слой инея, который превращался в снег толщиной в два пальца.

Несмотря на это, чтобы выработать закалку, курсантов по 8 часов гоняли на морозе. «Допустим, бросок на лыжах, — вспоминает П.Е. Тодоровский. — Не спрашивали: “Ты когда-нибудь стоял на лыжах?”, а сразу приказывали: “Марш-бросок — 18 километров, до стрельбища” Хотя там многие ребята были с юга и снега почти не видели. Однако они тоже вставали на лыжи и шли. И стирали пятки до крови, до костей, и падали без сил... А в казарме нас жило более двухсот человек, и на всех одна металлическая печка, которая еле-еле теплилась. Ложась спать на нарах, мы прижимались друг к другу и накрывались шинелями. Но как только чуточку согрелись, появлялся командир роты и кричал: “Тревога!” И надо было вскакивать и бежать к оврагу, где снегу по пояс, так как на противоположной стороне — условный противник и его приказано разбить. По нескольку часов мы

брали этот овраг, к пяти утра возвращались к своей негреющей печке в надежде просушить портянки, а через час объявлялся подъем... Конечно, все эти условия учили солдатской жизни, но и ожесточали... У меня эту жестокость за полгода воспитали еще в Саратовском военно-пехотном училище».

В училище курсанту Тодоровскому выдали обувь на размер меньше: место 43-го — 42-й размер. В такой обуви потом целый день занятия на морозе. Как итог обморожение пальцев.

Первые недели учебы были самыми тяжелыми. У многих то ли от слабости, то ли от недоедания, постоянного недосыпания случалось недержание мочи. П.Е. Тодоровский вспоминает: «Стоило нам чуть согреться, как кому-то из нашей тройки приспичило бежать до ветру. Туалет стоял метрах в двухстах от казармы, донести мочу на такое расстояние никто не мог — в лучшем случае успевали добежать до первого этажа, распахнуть входную дверь, высунуть свой брандспойт и... К утру вокруг парадного входа в корпус образовывалось многослойное, желтовато-бурое с прожилками светлого льда поле. Каток!.. Так что пробиться к печке, чтобы хоть как-то просушиться — неосуществимая мечта».

Там же, в училище, в той жестокости, случилась и первая любовь... Он собирался найти почтовое отделение, чтобы получить перевод от сестры, и только перемахнул через забор, как увидел ее. Даже успел рассмотреть: «глаза, волосы — копна соломенных волос, — аккуратный носик и пушистый воротничок вокруг шеи. Но спросить ее имя и всякое другое не решился...» Потом они встретятся, случайно конечно же. Ее звали Яна...

В 1944 году состоялся выпуск и совсем юного младшего лейтенанта назначили командиром взвода 93-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии 47-й армии 1-го Белорусского фронта. На дорогу новоиспеченным командирам на несколько недель выдали сухой паек, который был съеден гораздо быстрее. Поэтому на станциях недавние курсанты продавали запасное белье и даже шинели. На «передок» Петр Ефимович прибыл в одной гимнастерке...

Первое задание было получено сразу после прибытия: вместе со связистом найти штаб, восстановить связь, собрать всех, кто остался в живых, и начать рыть линию обороны. Потом сильнейший артобстрел: «Это просто жуть: все взрывалось... А я лежал, прижавшись зубами к земле — от страха меня просто колотило... Потом, когда все немного утихло, один сержант посмотрел на меня: “Пойдемте, я вам шинель найду. Я тут мимо пробежал, видел”. Я сразу не понял, что он имел в виду».

«В окопе стоял усатый мужчина, — не однажды рассказывал Петр Ефимович, — его голова склонилась на сложенные кулаки. Он был мертв... Так я впервые оказался рядом с убитым. Мы его с трудом вытащили — оказался двухметрового роста мужик. Еле-еле стянули с него шинель — она была совсем новая, английская. Сержант встряхнул ее, ножом соскоблил запекшуюся на спине кровь и, протянув мне, сказал: “Носите на здоровье!” Я надел шинель. Полы — почти до земли, длиннющие рукава. Но и это неудобство было убрано с помощью ножа сержанта. В этой шинели я дошел до Вислы, пока однажды меня не увидел командир полка: “Это что за чучело?!” И мне выдали русскую шинель».

Одиннадцать месяцев плюс один месяц в госпитале после ранения в голову плюс неделя в санитарной землянке после контузии — это та самая война лейтенанта Тодоровского.

Когда люди отказывались идти в атаку, ему приходилось и прикладом автомата по спинам бить. «Иначе нельзя было. Я был младшим лейтенантом, командиром самого низшего ранга, но отвечал за свой взвод. И если видел, что какие-то бойцы оставались на месте, в то время как все вставали в атаку, я возвращался и прикладом по спинам поднимал их. Война вынуждает быть жестоким. Помню, случай был в Германии. Мы никак не могли взять одну немецкую деревеньку, расположенную на абсолютно ровном поле. И я видел, как командир корпуса — генерал-лейтенант — бил палкой командира полка. Под финал сказал: “Если утром не возьмешь эту деревню — расстреляю!” На войне разговор очень

П.Е. Тодоровский в годы войны

короткий и жестокий...» — свидетельствует Тодоровский.

На вопрос «Что самое тяжелое на войне?» он лишь добавляет: «Встать и побежать в атаку. А я же офицером был. То есть должен подавать пример для рядовых бойцов. Вот и бодрился, делал вид, что совсем не страшно.

Конечно, перед боем ходили и раздавали бойцам водочки.

Для храбрости, как полагается. На передовой появлялся бак со спиртным и — кому сто граммов, кому сто пятьдесят. Те бойцы, кто постарше, не пили. А молодые... им помогало».

П.Е. Тодоровский прекрасно помнит и страх на войне: «Страшно было. Не верю тем, кто говорит, что ничего не боялся. Страх у человека заложен в генах. Когда попадаешь под артобстрел и рядом с тобой рвутся снаряды и мины, ты невольно падаешь, прикрываешь голову. И за минуту малой лопаткой вырываешь лунку, чтобы нырнуть в нее головой. В спокойной ситуации в каменистом грунте вырыть такую лунку — глубиной в два штыка — практически невозможно. А там появлялись какие-то невероятные силы... Я пришел на фронт на завершающем этапе войны, и наша 47-я армия воевала буквально до последней минуты войны — только 8 мая с тяжелейшими боями мы вышли на берег Эльбы».

ДВА ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Петр Ефимович прошел со своим полком в составе 47-й армии часть Западной Украины, всю Польшу и всю Германию. Брал Берлин, брал Шпандау, правительственный германский аэродром и дошел до Эльбы. Два ордена Отечественной войны

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

1-й и 2-й степеней — не просто боевые награды. Это прежде всего память о той фронтовой жизни.

Из наградного листа на лейтенанта П.Е. Тодоровского, командира минометного взвода:

«т. Тодоровский в бою при прорыве обороны немцев 2.3.45 года несмотря на сильный обстрел противником вел бесперебойно точный огонь по пулеметным точкам немцев. В этом бою его взвод умелым и точным ведением огня уничтожил две пулеметные точки рассеял до взвода пехоты и подавил огонь минометной батареи противника, чем обеспечил успешное продвижение наступающих подразделений вперед.

т. Тодоровский достоин правительственной награды орденом
“ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ”

12.03.45 г. Командир 93 стрелкового полка...»

Из наградного листа на лейтенанта П.Е. Тодоровского, командира минометного взвода 2-го стрелкового батальона:

«т. Тодоровский в наступательных боях с 19.4.45 года западнее р. Одер и при завершении окружения Берлина умело командовал своим взводом. Метким огнем своих минометов он прокладывал путь наступающей пехоте. В бою 24.4.45 года выдвинувшись вперед он метким огнем заставил замолчать более 3 огневых точек.

В бою 26.4.45 года за с. Зибург, несмотря на огонь противника, непрерывно поддерживал наступающую пехоту способствуя успешному наступлению, в этом бою его взвод уничтожил до 20 немецких солдат.

В бою 27.4.45 года при очищении леса перед с. Гатов и при взятии села Гатов

*Орден Отечественной войны
II степени*

взвод т. Тодоровского метким и непрерывным огнем подавил 5 огневых точек рассеял до взвода гитлеровцев, чем способствовал успешному овладению селом и выполнению поставленной задачи.

т. Тодоровский достоин правительственной награды орденом “ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 СТЕПЕНИ”

1 мая 1945 г. Командир 93 стрелкового полка подполковник...»

И ГЛАВНОЕ — ТАМ БЫЛА ЛЮБОВЬ

О ранении Петр Ефимович не забудет никогда. Это метка навечно: «Ранение я получил случайно. Мы никак не могли взять какой-то хутор. Он находился на возвышенности, а немцы засели где-то наверху за амбаром. Они бабахали по нам без передышки. Наш начальник артиллерии говорит мне: “Возьми-ка свою батарею (это три миномета), отойдите вон в ту лощину и накройте-ка эти пушки беглым огнем” Добрались мы до лощины и еще не успели установить свои минометы, как эта немецкая зениточка вдарила... Миномет вдребезги, а мне большой осколок борозду на черепе положил. Миллиметром глубже — он бы мне в голову так и вошел».

В другом бою его контузило. Точнее, в перерыве между боями. Бойцы сидели в траншее и играли в карты. Место было песчаное, и когда метрах в двух от окопа шарахнул мощный снаряд, несколько тонн песка осыпалось на ребят. Их долго откапывали, один боец даже задохнулся. А у Тодоровского от взрыва повредился слуховой нерв. Два месяца спустя ему показалось, что слух восстанавливается, но на самом деле дела шли все хуже. Пришлось надеть слуховой аппарат.

Довелось увидеть Тодоровскому и начало варшавского восстания: «Это было ужасно. Я гордился тем, что буду участвовать в освобождении города. Откуда мне, младшему лейтенанту, было тогда знать, что полякам нужна была наша помощь, пришедшая слишком поздно.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Бои на Висле были тяжелыми, расстояние между нами и немцами не превышало 80 метров, мы забрасывали их гранатами. Рядом с нами девушки-снайперы вели огонь по врагу днем и ночью. Наконец, немцы начали отступать, а наша пехота — их преследовать... В лесу мы попали в засаду: из ручных пулеметов немцы расстреливали нас почти в упор. Потери были колоссальными, я уцелел только чудом!..

С огромной радостью поляки принимали части 1-й Польской армии, сформированной на советской территории и воевавшей вместе с нами. Когда мы вошли в город Быгдош, все улицы обстреливались немецкими пулеметами, установленными на крышах и чердаках домов. Нашим солдатам негде было даже укрыться: все окна и двери были наглухо закрыты. Зато когда вошли польские части, жители тут же открыли им свои дома...»

До мельчайших подробностей Тодоровский запомнил и последние дни войны: «Мне запомнился один бой километров за 50 от Берлина. Там немцы создали мощную линию огневых точек в скалах, неприступных, как крепость, но наша атака все-таки сломила их оборону. Мы вышли на Эльбу... Здесь немцы защищались особенно ожесточенно, пытаясь эвакуировать население и особо важные документы на территорию, которую занимали союзники...

Утром 9 мая вдруг наступила оглушительная тишина. Мы пошли на берег реки и увидели, что мост забит сгоревшими и подорванными автомобилями. Немецкие солдаты пытались вплавь добраться до противоположной стороны, занятой американцами. Никто не стрелял.

Наконец-то мы смогли сбросить сапоги и пропотевшие портянки, пройтись босиком по молодой зеленой траве. Рядом с нами на лугу мирно паслись лошади, где-то невдалеке играли на аккордеоне. А потом к нам приехал командир дивизии и объявил: война закончилась!»

«Именно в этот момент вдруг стало понятно, что такое счастье. Оно заключалось в том, что мы остались живы...»

В Германии лейтенант Тодоровский оставался до февраля 1946 года: «Наша часть там прекрасно устроилась: в казармах около аэродрома, где мы жили, практически всегда была горячая вода — роскошь, о которой мы совсем забыли. Меня назначили главой администрации маленького немецкого городка... Послевоенная жизнь понемногу налаживалась. Вскоре в нашем городке открылся первый пивной бар, где по вечерам устраивали танцы, и уставшие от войны офицеры бегали туда тайком, переодеваясь в гражданскую одежду».

Снова и снова возвращаясь к прошлому, Петр Ефимович говорит: «И главное — там была любовь. Потому что в основном все-таки воевали люди от 18 до 30 лет, всем своим существом устремляющиеся к любви, но зачастую так и не успевшие ее познать».

Комендантом маленького немецкого поселка лейтенанта Тодоровского назначили через месяц после подписания капитуляции: «Задача была поставлена такая: избрать местное руководство и совместно с ним заставить местных жителей срочно начать посевные работы и восстановление всех фермерских хозяйств, потому что назревал серьезный голод. Мне был дан взвод автоматчиков для борьбы с нашими разгулявшимися солдатами, которые действительно воровали, грабили, врываются в дома, молодых немок насиловали... Мотив у них был один — как они с нами, так и мы с ними. Приходилось арестовывать и отправлять куда следует. Так продолжалось около месяца, а потом вышел приказ Жукова: все войска перевести в лес. Бойцы опять оказались в землянках, и в город попасть могли только офицеры по специальным увольнительным. Немцам повезло, период мародерства был очень коротким».

Что же касается любви, то была она у Петра Ефимовича и с немками: «С двумя девушками меня там связала судьба. Первый раз получилось так. Появились сведения о том, что многие семьи высокопоставленных офицеров не успели переправиться к американцам и остались по нашу сторону Эльбы. Мне дали

секретное задание — выявлять их с помощью местных жителей и доставлять в очередное место. Я узнал, что в каком-то домике прячется племянница Паулюса. Ночью мы окружили этот домик, вошли и успокоились — никого там не было, только окно было распахнуто. Потом разобрались, узнали, что там живет вовсе не родственница Паулюса, а обычная девушка — Ханелора. На третью ночь мы ее поймали. Она оказалась замечательно смешной и очень симпатичной. А я жил в то время в центре этого поселка в двухэтажном доме. На первом этаже — мой взвод, а на втором — я и переводчик. И мы с ним, два дурачка молодых, решили сделать Ханелору нашей официанткой. Местная пожилая немка готовила нам еду, а Ханелора приносила наверх. Конечно, мы обязаны были сдать девушку в соответствующие органы, потому что, допросив ее, узнали, что она была зенитчицей и сбила два американских бомбардировщика, а перед приходом наших специально отдалась первому попавшемуся немецкому солдату, чтобы русские ее не изнасиловали. Вот таким ежиком была. Но мы докладывать о ней не стали. Скоро она поняла, что нас бояться не стоит, и полностью к нам расположилась. Особенно ко мне... Прожила у меня Ханелора около месяца. Но однажды ранним утром в спальню, где мы были с ней, вошел подполковник и приказал отправить девушку в распоряжение политотдела... Очень тяжело мы с ней расставались».

Второй роман начался некоторое время спустя, когда у аккордеона, на котором лейтенант учился играть, стали западать клавиши: «Кто-то мне сказал, что в городе есть музыкальный мастер. Я пришел к нему, и дверь мне открыла замечательная девушка, с таким чистым-чистым лицом. Ее отец (в результате ранения на Восточном фронте он был без ноги) оказался действительно отличным мастером, аккордеон он мне настроил. Когда я пришел за ним, то попросил девочку — не помню уже, как ее звали, — подыграть мне. Она взяла свой маленький аккордеончик, и мы заиграли вдвоем. Здорово получилось. Я стал приходить к ним

в гости — музицировать... Со временем ее родители начали позволять нам оставаться в комнате наедине. Мы целовались, но больше ничего себе не позволяли — все-таки рядом находились папа и мама. Это уже была потрясающая девочка, и любовь у нас с ней была очень чистая, светлая... Но закончилось все печально. В марте 1946-го нас по тревоге подняли, и мы стали грузиться в эшелоны, чтобы ехать в Россию. Я побежал к ней прощаться, но, подбежав, увидел, что ее отца выводят наши смершевцы. А моя девочка и ее мама, рыдая, бегут за ним... Выяснилось, что он был “нехорошим” немцем. Капитан, арестовавший его, подошел ко мне и сказал: “Скажите спасибо, что вы уезжаете...” Да-а, там были настоящие трагедии. Кстати, когда наш эшелон медленно выезжал из этого немецкого городка, то на платформе под мокрым снегом стояла группа немецких женщин, которые кричали из темноты: “Коля! Сережа! Игорь! Прощайте!!!” Вот такие страсти разворачивались».

В августе 1946 года Петр Ефимович получил свой первый офицерский отпуск. Без предупреждения он отправляется в Саратов, навестить свою первую любовь Яну. Вот ее дом, а на пороге встречает капитан весь в орденах и с нашивками за ранения. Это его училищный командир взвода Добров. Его очень любили курсанты за доброту, за отсутствие солдафонщины и всепрощение. Но что он делает здесь?

Сели за стол под бутылку белой, пошел разговор... Лейтенанта Доброва тогда разжаловали в рядовые, воевал, два ранения, вернули звание. После третьего тяжелого ранения медсанбат, армейский госпиталь, две неудачные операции и госпиталь в Саратове, где было училище. Выходила Яна... и они расписались. Работает старшей сестрой, учится заочно на втором курсе медицинского. Пока говорили, появилась она.

«На пороге стоит Яна! ОНА! Та, которую я так долго искал, так долго ждал, так страстно целовал, так серьезно договаривались: если останусь жив, обязательно поженимся. И вот ОНА стоит, смотрит на меня и не верит своим глазам.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Такой красивой я ее еще никогда не видел: легкое летнее платье, глубоко декольтированное, округлые плечи, новая прическа и глаза — широко расставленные, хоть бери и разглядывай их по отдельности.

— Петя-аа! — кричит Яна и бросается на меня. Целует, целует. — Ты жив?! Какое счастье! Жив! — и снова целует в губы, щеки, глаза.

На лице Доброва растерянная усмешка: слишком эмоционально, слишком долго его жена целует лейтенанта. Яна не обращает на него внимания, ее слезы падают на лейтенантскую грудь, за воротник гимнастерки...

Глаза капитана.

Глаза лейтенанта.

Зареванные глаза Яны», — именно так десятилетия спустя опишет эту встречу из прошлого известный кинорежиссер.

У ВОЙНЫ ОЧЕНЬ ДОЛГОЕ ЭХО

Из Германии стрелковый полк, в котором служил лейтенант Тодоровский, был выведен под Кострому, в огромный воинский лагерь среди лесов. Воспоминания тех лет (1947—1949 гг.) легли в основу художественного фильма «Анкор, еще анкор!».

Рассказывает Петр Ефимович: «Картина очень не понравилась руководству страны, в первую очередь министру обороны Павлу Грачеву. Он заявил, что она позорит нашу славную армию. Но фильм основан на совершенно реальных фактах, хотя, конечно, мое воображение тоже присутствует. После первого показа в кинотеатре “Пушкинский” ко мне подошел уже немолодой полковник: “Я провел тридцать пять лет в разных военных гарнизонах, и все, что показано в вашем фильме, — чистая правда!”»

Примечательно, но факт: мальчишка из провинциального города Бобринец Кировоградской области никогда до фронта не видел кинокамеры. И только там, на передовой, рядом с ним

совершенно случайно оказался кинооператор. Лейтенант подумал в тот момент: «Какая это потрясающая профессия!» И для себя решил: «Если останусь жив, обязательно освою эту профессию».

Так оно и случилось. После войны и пяти лет службы в армии, в 1949 году, Петр Ефимович поступил на операторский факультет ВГИКа, в мастерскую Б. Волчека. Учеба давалась очень тяжело. Демобилизованный фронтовик не получал никакой стипендии, а потому ему приходилось подрабатывать даже на станции грузчиком. Но институт он все же окончил в 1954-м и около десяти лет работал оператором на Одесской киностудии. Затем по воле случая стал и кинорежиссером.

Фильм «По главной улице с оркестром» также возник из собственной жизни Тодоровского. Он с детства увлекался музыкой, выступал в самодеятельности. Это и заметил его командир полка, решив, что талантливый офицер непременно должен стать композитором. Так родилось письмо директору Московской консерватории с просьбой принять лейтенанта Тодоровского на композиторский факультет. А то, что у Тодоровского не было никакого начального музыкального образования, полковник не считал важным.

«Меня война не отпускает. Она меня держит. Вот почему постоянно к ней возвращаюсь», — часто любил повторять Петр Ефимович.

Став режиссером, Тодоровский понял для себя навсегда: «...вся эта жизнь мне так пригодилась, так она мне помогла в работе над фильмами, в работе над сценариями. Каждый раз в памяти что-то всплывало, какие-то эпизоды, какие-то лица, какие-то истории.

Я воевал на первом Белорусском фронте, и мы стояли долго в Польше в обороне на левом берегу Вислы. Кухня приезжала раз в сутки ночью. И мы повзводно с переднего края шли с котелками к этой кухне и получали перловую кашу, кусок сахара, кусок хлеба. И вот ночью, проходя мимо землянки комбата, — а у него

была землянка в три наката, как было в песне, — мы услышали, как там заразительно смеялась женщина и играл патефон. Нам было по 18—19 лет. И мы стали приходить к этой землянке и слушать, как смеется женщина, как играет патефон. Это на переднем крае было, — просто чудо какое-то. А потом началось наступление, комбат погиб. И больше я эту женщину не видел, но она была для нас совершенно недосыгаемой, это была фронтовая королева. И представьте себе, я, будучи студентом первого курса Института кинематографии, иду зимой в Москве мимо ЦУМа, туда дальше, к фотомагазину я шел, и слышу знакомый заразительный смех, я оборачиваюсь и вижу: у будочки стоит женщина в ватных брюках, в телогрейке, замотана в платок. Она продает пирожки, а рядом на ящике сидела крохотная девочка, дочь ее, замотанная в лохмотья. Это была та самая счастливая женщина, влюбленная, любимая, о которой мы, младшие офицеры, все мечтали, в которую были влюблены, хотя никто не имел возможности к ней даже подойти и поговорить. Вот эта история, вот это столкновение двух эпизодов мне не давали покоя, пока я и не сочинил сценарий, по которому потом снял “Военно-полевой роман”».

В одном из интервью Петра Трофимовича спросили: «Но фронтовые сто граммов по случаю праздника себе позволите?» И он ответил как обычно, только немного грустно, переживая снова и снова ту проклятую войну: «С удовольствием выпил бы с однополчанами, только где их взять? В Саратовском военно-пехотном училище сдружился с Сережей Ивановым и Юрой Никитиным, мы были словно братья. Спали на нарах, укрывшись тремя шинелями. И после выпуска старались держаться друг друга, попали в одну дивизию. Юра напоролся на пулю снайпера и погиб. Сережа уцелел на фронте, но не прошел испытания мирной жизнью, спился, сгорел. Так что боевых друзей не осталось. Да и ровесников все меньше. При этом у войны очень долгое эхо. Шестьдесят лет пытался прояснить судьбу родного брата. Илью после школы призвали на сроч-

ную службу и отправили на границу. А через какое-то время началась война, и — все, следы потерялись. Искали его всей семьей — мама, папа, сестра Роза и я. Куда только не обращались, отовсюду получали ответ: в списках погибших и пропавших без вести не значится. А три года назад раздался звонок из Коломны. В трубке молодой голос: “Петр Трофимович, я руководитель поисковой группы, мы нашли место, где погиб ваш брат”. Я быстро собрался, поехал.

Действительно, под деревней Вадосье в Чудовском районе Новгородской области обнаружили массовое захоронение советских воинов. Видимо, тела после боя на скорую руку свалили в ров и слегка присыпали землей. Наверное, имена погибших так и остались бы загадкой, если бы не найденный во рву орден Красной Звезды. Поисковики направили запрос в военный архив в Подольске и выяснили, что награда принадлежала Илье Ефимовичу Тодоровскому.

Оказывается, он успел окончить артиллерийское училище в Киеве, был старшим лейтенантом. Так я обрел могилу брата. Спустя несколько десятилетий... Съездил в те места, положил надгробный камень, на котором высечено родное имя... Прав был уже упоминавшийся сегодня Юрий Левитанский, когда писал: “Я не участвую в войне, она участвует во мне”. И срока давности тут нет и быть не может».

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. *Завгородняя Д.* Героев моего «Военно-полевого романа» я знал лично // МК от 24 апреля 2010.

2. *Зайцева Т.* На войне главное любовь // Семь дней, апрель—май 2005.

3. *Мозговой В.* Водка, ножницы, ацетон — все, что нужно, чтобы вернуть достоинство // Новая газета, 10 января 2005.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

4. *Смыслов О.С.* Окопная правда войны. М., 2013.
5. *Тодоровский П.Е.* Вспоминай — не вспоминай // Киносценарии, № 1, 2003.
6. *Тодоровский П.Е.* Меня интересует человек. Линия жизни. Интернет.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3322. Л. 69.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1298. Д. 87.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

СИЛАМИ ОДНОЙ ДИВИЗИИ С ЛЫЖНЫМ ПОЛКОМ

В ночь на 26 ноября 1941 года 80-я стрелковая дивизия приступила к выполнению боевой задачи. Все бойцы соединения получили по одному комплекту боеприпасов (45 патронов) и продовольствия сухим пайком на трое суток, а затем вышли к берегу Ладожского озера с опозданием на целых пять часов. Вышли, совершенно не ориентируясь в обстановке, абсолютно не зная расположения позиций противника.

Оставшиеся в живых, спустя годы, расскажут, что одну их часть посадили на грузовики и высадили на льду Невы, буквально в 6—8 километрах от немецких позиций. Остальные двигались пешком около 30 километров при 30-градусном морозе и сильном ветре.

Потом по команде, как и положено, началась атака на укрепления противника. Вот только без артиллерийской поддержки, не говоря уже про авиацию. Про ту не вспоминали вообще.

Когда до немцев оставалось буквально два километра, с той стороны начался прицельный огонь. И это на открытом ледяном пространстве, где укрыться не мог никто. Началась жуткая мясорубка: кто-то погибал от пули, а кто-то просто тонул от непрочного льда. Но потери были огромными...

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

В ночь с 27 на 28 ноября к выполнению боевой задачи приступил 1-й Особый лыжный полк моряков Краснознаменного Балтийского флота под командованием майора Маргелова. Очевидец вспоминал: «С наступлением сумерек полк встал на лыжи и, в который уже раз, спустился на лед Ладоги. Двигаясь вдоль проложенной через озеро дороги, моряки видели провалившиеся автомашины и санные повозки. В повозках как живые стояли запряженные замерзшие лошади. На острове Зеленц устроили привал. Боясь потерять внезапность штурма, полк в середине ночи покинул остров и прибыл к намеченному рубежу атаки. Пехотных подразделений не было. Ранним утром поступил приказ снять лыжи и развернуться фронтом вдоль побережья.

Где-то слева от полка должен был располагаться Бугровский маяк. Под ногами моряков глубокий снег, через него кое-где выступали сухие стебли какой-то прибрежной травы. Перед полком простиралось гладкое заснеженное пространство. Стояла звенящая тишина. 1-й батальон располагался в центре атакующего полка. Матрос Орлов находился в нескольких метрах левее капитана Петрищева, а чуть правее его впереди шел майор Маргелов В.Ф.

Советские лыжники в боевом походе

По рядам вполголоса пролетела команда:

— Приготовиться к атаке! Гранаты — к бою!

Полк продвигался быстрым шагом, соблюдая полнейшую тишину.

Вдруг Орлов скорее увидел, чем услышал, капитана Петрищева с поднятой правой рукой, держащей автомат, и кричащего:

— За Родину! За Сталина! Вперед! УРА!

Внезапно капитан упал, сраженный автоматной очередью. В сознании Орлова промелькнула мысль: «Надо было еще ближе подойти. Рано бросились в атаку». Но лавина моряков, сбросив несвойственную им форму и оставшись в родных черных бушлатах, в тельняшках, сбросив каски и надев запрятанные бескозырки, в полный рост рванулась черной волной на позиции врага с криками:

— УРА! Полундра! За Родину! За Сталина!

Бежали. Падали. Вставали и опять падали. Ползли. Только вперед! Не было такой силы, которая остановила бы наступательный порыв “братишек” Все вокруг стонало от разрывов. Откуда-то справа с характерным свистом пролетели и разорвались с большим интервалом позади наступающих несколько одиночных снарядов. Тут же на наступающих посыпались мины. Несмотря на шквал минометного и пулеметного огня, полк упорно продвигался вперед. Раненые оставались в строю. Немцы, в панике выбегая из землянок, вели беспорядочную автоматную стрельбу».

Словом, лыжный десант выбил противника с ходу, но развить свое наступление не смог. Не подошло подкрепление, а немцы соответственно подтянули к полю боя танки, артиллерию и авиацию. На этом все и закончилось. В живых осталась только горстка бойцов.

28 ноября 80-я дивизия снова повторила атаку, но на этот раз совместно со 128-й стрелковой дивизией. Очередная неудача заставляла командование вывести поредевшие части из боя.

Ополченец-артиллерист 80-й стрелковой дивизии В.В. Чуркин запишет в своем дневнике: «27 ноября. Стоим на берегу

Ладожского озера. Я был очень не здоров, расстроился желудок, ноги опухли от обморожения. Врач сказал, что у меня запущенный порок сердца, но это неправда, с сердцем у меня всегда было в порядке. В 12 часов 30 минут поедем по Ладоге. Выдали НЗ (неприкосновенный запас). Командование дивизии дало приказ о наступлении на Шлиссельбург со стороны озера. Ночью вся дивизия пойдет по льду на штурм Шлиссельбурга. Артиллерия своим огнем будет поддерживать наступающие на город части с этого берега. На берегу Невы, между деревьями, недалеко от крепости Орешек мы стали устанавливать пушки с целью вести огонь по Шлиссельбургу, по немцам. Мы уже начали рубить землю, она оказалась очень крепкой, но приказ был отменен. Но внезапное ночное наступление на Шлиссельбург сорвалось: лед в этом месте оказался непрочным, много людей потонуло. Говорили, что командира нашей дивизии трибунал приговорил к расстрелу за большие потери личного состава по его вине. От берега мы переехали в лес. Стали вырубать березки — каждую с толстым корнем — и делали из них сани. Разобрали пушки, отделили стволы от лафетов и уложили их в самодельные сани».

Зато как все красиво начиналось!

Командующий Ленинградским фронтом генерал Хозин спланировал в полосе 54-й армии отдельную операцию: «... воспользоваться установившимся на Ладоге ледовым покровом и силами одной стрелковой дивизии с лыжным полком, без тяжелого вооружения, нанести удар навстречу войскам, атакующего с неевского “пяточка” 80-й дивизии была поставлена задача: со стороны Дороги жизни нанести удар, совместно с полком моряков-лыжников, по немецким позициям в районе “бутылочного горла”, захватить 1-й, 2-й и 3-й Рабочие поселки и двигаться дальше в направлении Синявинских высот. На подготовку операции давались сутки. Одновременно предполагались вспомогательные удары с Невского “пяточка”» («Ленинградская оборона»).

УСТАНОВИТЬ ЖЕСТОКУЮ СИСТЕМУ ПОДЧИНЕНИЯ

Восьмидесятая стрелковая дивизия (второе формирование) была переименована в сентябре 1941 года из 1-й гвардейской Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения. Формировалась она с 18 июля 1941 года из добровольцев Володарского и Куйбышевского районов Ленинграда. В составе действующей армии с 18 июля 1941 года. 29 июля выступила из Ленинграда маршем на Пулковку. 10 августа в Красном Селе грузилась в эшелон, а уже на следующий день заняла позиции в 6 километрах от Волосово в районе станции Вруда. Первый бой дивизия приняла вечером 11 августа. Как свидетельствуют факты, ее полки не раз переходили в контратаки. Воевали они и в окружении.

Из доклада начальника политотдела Ленинградской армии народного ополчения бригадного комиссара Конончука:

«В ВОЕННЫЙ СОВЕТ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
тов. ЖДАНОВУ АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Во время моего пребывания 12 и 13 августа в 1-й Гвардейской дивизии Ленинградской Армии Народного Ополчения из доклада Командира дивизии полковника тов. ФРОЛОВА, военкома дивизии полкового комиссара тов. ИВАНОВА, разговоров с Командующим Корпусом генерал-майором ЩЕРБАКОВЫМ и комиссаром корпуса КУРОЧКИНЫМ и из личных наблюдений выявилось следующее:

Дивизия в момент выгрузки получила боевое задание, которое менялось для отдельных полков до 3-х раз, вследствие чего бойцы по докладу командира дивизии сделали за сутки до 70 километров. Сразу же с марша второй сп двумя батальонами вступил в бой, а первый и третий стрелковые полки в условиях соприкосновения с противником перешли к обороне и, не закончив оборудование позиций, также вступили в бой.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Части дивизии вступили в бой с минимальным количеством боеприпасов и до второй половины дня 11 августа (за исключением 2 сп, который использовал оставленный огнесклад 90 сд) терпели недостаток в патронах и снарядах и до 13 августа в гранатах (в том числе и 2 сп). Необеспеченность частей боеприпасами преодолевалась с большим трудом из-за недостатка транспорта и горючего (дивизия не имеет ни одной заправочной цистерны и остро нуждается в бочках для горючего). В то же время из-за отсутствия упряжи и повозок дивизия оставила в Красном Селе 390 лошадей.

Вывозка тяжелораненых с поля боя и транспортировка раненых в глубокий тыл была сопряжена с большими трудностями. Начсандив имел только 4 грузовых машины.

На командный пункт дивизии и в полки прибывают (особенно 12.8.41 г.) всякого рода начальники. Каждый из них считает своим долгом дать приказание или совет. Характерно, что о задаче 2 сп на наступление и атаку командир дивизии узнал к концу дня 12.8, когда они были уже проведены полком по указанию генерал-майора, прибывшего из Штаба Группы. В беседе со мной генерал-майор ЩЕРБАКОВ и бригадный комиссар КУРОЧКИН также заявили: “Командуют все, а помощи ниоткуда”

Плохо организована доставка продовольствия. Бойцы 1 и 3 сп и отдельных частей 12 и 13 августа, как правило, пищу не получали из-за отсутствия транспорта. Особенно плохо обстоит дело с тарой для доставки воды.

Срочно необходимо:

1. Снабдить дивизию исправными парными повозками или временно придать дивизии автороту с автоцистернами, а артполк дивизии снабдить крепкими парными повозками.

2. Направить на станцию ВОЛОСОВО санитарную летучку для вывоза раненых (Военный Совет ЛАНО направляет на помощь 8 автомашин с боеприпасами).

3. По возможности иметь в тылу дивизии подвижной полевой госпиталь, который дружинницами дивизия укомплектует сама.

4. Направить в распоряжение командира дивизии хотя бы небольшой резерв средних командиров и политработников (человек по десять), которые восполняли бы потери и могли быть использованы командованием дивизии в качестве командиров групп, составленных из отступающих и отставших.

5. Установить жесткую систему подчинения».

Итак, до 14 августа ополченцы 1-й гвардейской дивизии ведут бои, но уже через несколько дней, а точнее 14 августа, начинается их массовое бегство с позиций. Еще через день в дивизии остается не более 50 % от первоначального состава...

Командиром 1-й гвардейской Ленинградской дивизии 20 июля 1941 года был назначен полковник Фролов Иван Михайлович (1895 г.р.).

Его военное образование было по тем временам вполне обычным: Калужские пехотные командные курсы (1919), стрелково-тактические курсы «Выстрел» (1928), курсы усовершенствования при Разведуправлении РККА (1935).

Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. В Русской армии с сентября 1915 года (старший унтер-офицер), в Красной армии с сентября 1918-го (пом. командира роты, командир роты). После войны до 1928 года: пом. командира роты, командир роты, командир батальона. В дальнейшем временно исполнял должность помощника начальника 1-й части штаба дивизии, командир батальона, преподаватель школы переподготовки комсостава запаса в Ленинграде, снова командир батальона, затем отдельного разведывательного батальона.

С августа 1939-го — командир стрелкового полка, в финской принимал участие в этой же должности. С октября 1940-го — заместитель командира стрелковой дивизии. Воинское звание полковника присвоено в 1939 году.

С июля 1941-го назначен временно исполняющим должность командира 6-й стрелковой дивизии народного ополчения

Ленинграда. На ее базе будет сформирована 2-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения. Фролова же назначают на 1-ю.

ПЕРВЫМ В СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ПРОТИВНИКОМ ВОШЕЛ 3 СП

Двадцать второго июля 1941 года майор Маргелов прибыл в Ленинград. В Смольном его ждали в 18 часов. Побродив теперь уже по фронтовому городу, Василий Филиппович в назначенное время прибыл к начальнику штаба. Тот долго не разговаривал. Времени было в обрез. После коротенького вступления выдал предписание, в котором черным по белому было написано: «Майору Маргелову немедленно прибыть в райком ВКП(б) Невского района и приступить к формированию полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения».

А буквально через трое суток дивизия выдвинулась к Красному Селу. В 3-м стрелковом полку Маргелова в наличии находилось всего трое кадровых офицеров, а бойцы были вооружены винтовками в расчете: одна на двоих...

О формировании этой дивизии в своей книге «Ленинградцы в годы блокады» А.В. Карасев написал следующее: «Формирование 1-й гвардейской дивизии началось 20 июля. Она состояла в основном из трудящихся Володарского и Куйбышевского районов. Партийные организации заводов “Большевик”, имени В.И. Ленина, “Экономайзер”, других предприятий превратились в боевые штабы по комплектованию дивизии. 2-й стрелковый полк, например, был укомплектован исключительно из рабочих завода “Большевик”. Комиссаром этого полка был назначен секретарь партийной организации 18-го цеха т. Климов, впоследствии павший смертью героя. Артиллерийский полк был скомплектован из ополченцев Володарского, Куйбышевского и Петроградского районов. Отдельный батальон связи состоял из студентов, преподавателей и научных сотрудников Ин-

ститута инженеров связи... Личный состав дивизии отличался высоким моральным уровнем, но боевая подготовка его была слабая. К концу формирования дивизии в ней еще было много необученных бойцов, а среди командно-начальствующего состава кадровых командиров было лишь немногим более 10 %. Особенно слабо были подготовлены специальные подразделения дивизии. В составе дивизии был, например, сформирован отдельный противотанковый дивизион, позже ставший отдельным зенитным дивизионом. До 80 % бойцов этого дивизиона раньше в армии не служили. Остальные 20 % хотя и прошли службу в Советской Армии, но среди них был всего один зенитчик. До 10 августа дивизия находилась в Красном Селе, где проходила ускоренную боевую подготовку в полевых условиях. 11 августа дивизия выступила на фронт в район станции Волосово».

Из докладной записки военкома и начальника политотдела 1-й гвардейской дивизии Ленинградской армии народного ополчения о некоторых итогах формирования и боевых действий дивизии:

«Формирование 1-й Гвардейской Дивизии, начатое 20 июля на основе бывшей Володарской Дивизии Народного Ополчения, было закончено 10 августа. В процессе формирования встречались трудности, задерживающие темпы формирования и боевой подготовки личного состава. Эти трудности объяснялись с одной стороны неоднородностью личного состава, поступавшего на укомплектование Дивизии (неоднородность по возрасту, по степени военной подготовленности и т.д.) и с другой — медленным и некомплектным поступлением в Дивизию вооружения, необходимого для обучения бойцов и ком. нач. состава. В силу этих причин к концу формирования еще высоким оставался процент необученных бойцов, а среди младшего, среднего и даже старшего ком. состава было много лиц или давно порвавших связь с армией, или вообще не имевших командирского опыта. Поэтому части Дивизии, отправляясь

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

10 августа на фронт, оказались не вполне подготовленными для непосредственного участия в боях.

Наличный состав дивизии на 8 августа определялся в 10341 человек, при некомплекте в 438 чел. Из 781 чел. ком. нач. состава было только 82 кадровых командира. Совершенно необученных бойцов, не служивших в Красной Армии и не проходивших никакого военного обучения, было 1383 чел.

На вооружении Дивизии, помимо винтовок, имелось: автоматических винтовок — 162, станковых пулеметов — 108, ручных пулеметов — 162, пушек 76 мм — 28, гаубиц 122 мм — 4 (по штату 8), минометов 120 мм — 6, 82 мм — 18 и 50 мм — 54.

11 августа, прибыв несколькими эшелонами на ст. Волосово, части Дивизии получили боевые приказы на занятие рубежей обороны: 1 и 3 СП — Малые Хотиницы, пос. Прологи и Княжево, 2-й СП — Горицы, Летошицы, Руссковицы. Однако, по прибытии к месту назначения 1 СП получил новое приказание — сосредоточиться в районе Котино-Рагулово и 3 СП — Кряково-Выползово.

При особенно неблагоприятных условиях проходил марш 2 СП к месту своего назначения, протяжением в 30 км. Обозы не подошли и материальную часть пришлось нести бойцам на себе. Движение замедлялось. Немецкая авиация неотступно следовала за колонной и несколько раз бомбила ее и обстреливала с бреющего полета. Налеты носили ожесточенный характер. Полк только к ночи 12 августа вышел в свой район.

Первым в соприкосновение с противником вошел 3 СП, принявший бой сразу же после марша вечером 11 августа в районе Кряково-Выползово. Вслед за ним 12.8 вступили в бой подразделения 1 и 2 СП, вместе с приданными им батареями 1 Гвардейского Арtpолка.

Бои с самого начала приняли ожесточенный характер. Пользуясь своим преимуществом в огневых средствах и в выучке, противник повел сосредоточенный огонь артиллерии, минометов и пулеметов, сопровождаемый интенсивной бом-

бежкой с воздуха. Так, против 2 батальона 1 СП в районе дер. Котино со стороны противника наступало до 18 танков, подерживаемые сильным минометным и артиллерийским огнем. В атаку против левого фланга 3 СП (Кряково-Выползово) выступило около 20 танков противника, а 4 самолета с бреющего полета обстреливали только что занявших рубеж окапывающихся бойцов.

Однако, несмотря на ожесточенный огонь противника и активность его авиации, части Дивизии сохраняли положение и местами даже переходили в контратаки. Многие бойцы, командиры и политработники показывали примеры бесстрашия, самоотверженности и героизма.

Вторым батальоном 1 СП в первом же бою было уничтожено 5 танков противника. Особенно отличился мл. командир Куканов, который гранатой из окопа вывел из строя танк противника и расстрелял 6 танкистов. Взвод мл. командира Козлова не покинул окопов даже после того, как танки противника прошли по окопам взвода 4 раза, стремясь истребить или выбить бойцов взвода из окопов. Подразделение мл. лейтенанта 1 СП Маринова, подпустив колонну наступающих фашистов на 10—15 мт., начало расстреливать их из пулемета и винтовок, уничтожив многих немцев и отбив атаку.

В ночь на 12.8 отдельная разведывательная рота Дивизии, действуя совместно с Артдивизионом, выбила противника из дер. Островицы. Заняв впоследствии эту деревню, противник повел наступление танками, усиленно обстреливая позиции роты минометным и пулеметным огнем. Рота позиций не оставляла. В этом бою особенно отличился красноармеец коммунист Пантошкин, который смело пополз навстречу фашистским танкам, забрасывая их связками гранат и бутылками с горючей жидкостью. Метким огнем бойцы роты сожгли дер. Островицы и взорвали склад боеприпасов противника.

Боец разведроты Валов бутылками с горючей жидкостью вывел из строя 3 танка противника.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

В ночь на 12 августа в районе селения Кряково 1 Дивизион Артполка уничтожил прямой наводкой 2 танка противника, заставив колонну наступающих танков повернуть назад. В районе дер. Котино 2 орудия того же дивизиона под командованием политрука Пименова, обнаружив вражескую пехоту, подпустив ее на 100 мт. расстреливали картечью, уничтожив почти все наступающее подразделение фашистов.

Неся значительные потери в людском составе и материальной части, противник продолжал развивать наступление, повторяя танковые атаки во взаимодействии с авиацией, артиллерийским и минометным огнем.

13.8 в 5—00 противник атаковал 3 и 1 СП мотопехотой и танками, при поддержке большого количества самолетов. Но атака по всему фронту была отбита.

В 6—30 противник снова начал атаку на участке 1 СП силой батальона пехоты, при поддержке артиллерии, минометов и авиации, вклинившись на 200—300 мт. в расположение наших частей.

В 7—30 на участке 3 СП противник ввел в бой до роты танков (16, в том числе 2 тяжелых) и мотопехоту и при поддержке массовой авиации прорвал фронт в направлении Кряково и овладел Выползово.

К 10—00 противнику с помощью танков и авиации удалось вклиниться в расположение 3 СП у дер. Кряково и окружить части 3 СП. Полк, находясь в окружении, продолжал бой. Почти в то же время танки противника прорвали фронт на участке 1 СП, начав бой в глубине обороны участка 1 полка.

Этот первый бой явился тяжелым испытанием для командиров и бойцов 1 и 3 СП. При массовом наступлении танков противника многие бойцы и даже отдельные командиры проявляли растерянность, танкобоязнь и отступали без приказа. Отсюда — потеря бойцами связи со своими подразделениями, нарушение связи и потеря управления. Командиры частей, в частности командир 3 СП майор Маргелов, пытались остано-

вить наступление и отразить танковые атаки врага путем личного участия в бою.

В боях 11—14 августа части Дивизии, понеся значительные потери, продолжали оказывать упорное сопротивление противнику на позициях в районе ст. Молосковицы.

Стойко сдерживал натиск противника в районе Лятцы 2 СП, удерживая занятые рубежи свыше 4-х дней. Несмотря на то, что огневые средства 2 СП не шли ни в какое сравнение с огневыми средствами противника (артдивизион и 4 орудия ПА имели совершенно недостаточное количество снарядов, а к тому же операция не поддерживалась с воздуха), личный состав дрался мужественно, нанося противнику значительные потери в людском составе и материальной части. Трудно установить точно потери противника, но судя по отдельным эпизодам, эти потери значительны. Одна только 8 рота 2 СП в боях под Лятцами уничтожили 6 фашистских танков.

Прекрасно показал себя боец этой роты снайпер Егоров, сбивший самолет противника выстрелами из винтовки. Боец 2 батна Платонов вывел из строя 2 танка противника. Многие бойцы сразу же взяли себе за правило стрелять только по целям. Боец Юрьев, выбрав удачно огневую позицию, в течение 2-х часов уничтожил 6 фашистских “кукушек” и несколько пехотинцев.

В боях в районе Молосковиц оставшаяся часть 1 СП под командованием командира полка капитана Бобринского трижды переходила в контратаку и лишь будучи окруженной с трех сторон и потеряв в бою материальную часть, не имея боеприпасов, начала отступать.

В районе кладбища дер. Молосковицы части 1 СП держались более суток, отбив 3 атаки и уничтожив 4 танка противника.

В ночь на 16.8 подразделения 1 СП, оказавшиеся раздробленными на 2 группы в 100 и 140 чел., продолжали вести бои, выходя из окружения. При этом под дер. Княжево минометный взвод лейтенанта Савченко при выходе из окружения уничтожил 4 танка противника.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

В районе ст. Молосковицы 3 СП, державший оборону совместно с 1 СП, после отхода 1 СП оставался на месте, сражаясь до тех пор, пока не перестал существовать, как организованная боевая единица.

После боя с противником в районе Молосковиц части Дивизии в ночь на 17.8 отошли в новый район обороны — Клепиково, Губаницы, Раговицы, Волгово. Потеряв в боях с 11 по 17 августа до 50 % личного состава и много материальной части, после упорных и напряженных боев с противником, превосходящим по техническим средствам борьбы и подвижностью, части Дивизии оказались измотанными и сильно ослабленными в вооружении. Но даже в этих условиях они продолжали сдерживать наступление противника, давая отдельные примеры храбрости и мужества. Ярким доказательством этого может служить 3 СП. В тот момент, когда после ряда сражений от полка осталось только 70 чел. бойцов и командиров, эта немногочисленная группа, вооруженная лишь винтовками и небольшим количеством гранат и бутылок с горючим, продолжала храбро сражаться, не только сдерживая превосходящего силами противника, но даже переходила в наступления, как это было 18 августа в районе Клопицы.

18 августа, когда бойцы отдельной разведроты в соединении с саперами и некоторыми подразделениями 2 СП только начали окапываться, занимая рубеж в районе дер. Торосово, прямо на них вышла колонна танков противника. Бойцы проявили исключительную выдержку, стараясь остаться незамеченными. Приблизившись к позициям роты, танки остановились, а из открытого люка на головном танке появился офицер. Снайперским выстрелом бойца Михельсона фашистский офицер был убит. Выстрел послужил сигналом для остальных бойцов. Через несколько минут бойцы уничтожили 2 вражеских танка, остальные немецкие танки, не приняв открытого боя, повернули обратно.

Две батареи артполка, заняв оборону у дер. Клопицы, в течение полутора суток удерживали рубеж, находясь под сильным огнем противника и бомбежкой с воздуха. Утром 18.8, когда ба-

тарей влились в линию обороны 1 сп, колонна танков противника прорвалась в районе Волгово-Муратово, выйдя в тыл и фланг 1 СП со стороны дер. Медники. Орудия приняли бой. Вся штабная батарея была сведена в стрелковую роту под командованием капитана Корень. Огнем артиллерии 2 танка противника были сожжены и 1 подбит. Бой длился 2 с половиной часа. Бойцы и командиры штабной батареи сдерживали наступление противника и лишь под давлением превосходящих сил его отошли в район совхоза Сельцо.

По предварительным данным за время боев с 11 по 18 августа частями 1-й Гвардейской Стрелковой Дивизии подбито и уничтожено до 50 танков противника, сбит 1 самолет и взорвано 3 склада противника с боеприпасами.

Мужественно и самоотверженно показали себя в этих боях целый ряд бойцов и командиров специальных частей Дивизии (Медсанбат, Авторота, Связисты, Саперы).

Боец саперной роты Бугаенко (по профессии — шофер), увидев, как один из шоферов автороты, направляясь с боеприпасами к огневому рубежу и попав под обстрел вражеской артиллерии и танков трусливо бросил машину, добровольно вызвался вывести машину со снарядами из-под огня и своевременно доставил боеприпасы на фронт.

Дружинница саперного батальона Анна Григорьева, направляясь с колонной, попавшей под огонь прорвавшихся танков противника, невзирая на ожесточенную стрельбу бросилась оказывать помощь раненым. Через несколько минут она была убита снарядом.

Исключительно четко и самоотверженно работали в боевой обстановке бойцы и командиры телефонно-кабельной роты отдельного батальона связи — политрук Морозов, командир отделения Малафеев, телефонисты Васильев и Тимофеев, телефонистки Рогачева и Шкурина.

Самоотверженно работали в дни боев врачи и сестры медико-санитарного батальона. 15 августа под Терпилицами, когда го-

спиталь находился под артиллерийским обстрелом, врачи продолжали работу и доктор Веселовский в 12 час. ночи сделал последнюю операцию. Кругом рвались мины и горели деревни. Ночью в 3 часа закончилась эвакуация. В тот же день в районе Гакиной Горы в батальоне скопилось более 100 раненых. Начался артобстрел района, а для эвакуации не хватало машин. Руководители госпиталя выставили свой караул на дороге, забирали порожние машины и на них отправляли раненых. Последнюю группу раненых работники батальона вынесли на руках.

Через полчаса после оставления места участок был подвергнут противником сильному артиллерийскому обстрелу.

Несмотря на большое количество переездов, все огромное имущество батальона было сохранено. За все время боев с 11 августа Медсанбат обслужил 768 раненых, из них 320 тяжелораненых, 321 — легкораненых и остальные — терапевтические больные.

Примеры мужества и стойкости проявили некоторые бойцы автороты. Водитель Шерахневский — его машина в районе Волосово оказалась во многих местах простреленной (пробита трубка масляного насоса, рама и картер), рискуя жизнью, под огнем противника починил машину, доставив боеприпасы на передовые позиции. На обратном пути, опять под огнем противника, он захватил испорченное противотанковое орудие, доставив его в ДОП.

Геройски погиб на своем посту водитель Жилин, один из лучших шоферов автороты, выполнявший самые ответственные задания.

После боев у Волгово части 1 Гвардейской Дивизии заняли оборонительный рубеж в районе совхоза Сельцо. С 18 августа части дивизии занимаются самоокапыванием, проводят боевую разведку. Идет доукомплектование частей за счет возвращающихся бойцов и командиров, ранее утеревших связь со своими подразделениями. В настоящее время в наличном составе дивизии имеется 4382 чел.

Одной из серьезных трудностей Дивизии на сегодня является острый недостаток в командном составе (командиры взводов, командиры рот), являющийся результатом того, что в боях были большие потери командного состава и политработников.

Работники политотдела Дивизии принимали непосредственное участие в боях, будучи прикрепленными к отдельным частям. За время боев из числа работников политотдела:

убиты — ст. инструктор по орг.парт.работе Яковлев и ст. инструктор по пропаганде Хачикоглян,

пропали без вести: — ст. инструктор по тыловым частям Шутов и ст. инструктор по пропаганде Авейде. Кроме того убиты секретарь партбюро 2 СП Климов и инструктор по пропаганде 2 СП Ильяшевич и ранены — отсекр. партбюро 1 СП Павлов и комиссар 3 СП Ждамиров.

ВОЕНКОМ ДИВИЗИИ

Полковой комиссар

(ИВАНОВ) НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА

Полковой комиссар

(КОЗЛОВ)

[Подпись: Козлов]

29.8—41г.».

Пятого сентября 1941 года 1-я Гвардейская дивизия с марша вступила в бой у деревни Новый Бор. Через два дня она ведет бои за Ропшу с 291-й пехотной дивизией противника, которая ее выбивает из города. Но 11-го она снова атакует город и отбивает его. Эту атаку возглавил лично командир 3-го полка майор Маргелов.

Четырнадцатого дивизия обороняется под Ропшей, в итоге оставляет город и отходит на северо-восток к Ораниенбауму. Теперь дивизия представляет собой один батальон: в первом полку — 100 человек, во втором — 400, в третьем — 200. При этом личный состав измотан продолжительными и ожесточенными боями.

Двадцать пятого сентября 3-й стрелковый полк В.Ф. Маргелова получит порядковый номер 218-й, а стрелковая дивизия 80-й. Адьютантом командира полка служил Григорий Бабочкин. «Перед лавиной танков и самолетов ополченцы оказались безоружными. Надежда на новенькие пушки не оправдалась — в зарядных ящиках не оказалось ни единого снаряда», — запишет с его слов корреспондент. Зато о своем командире он говорит с душевной теплотой: «Навряд ли кому-то из нашего полка удалось бы уцелеть, не имей мы такого командира, как Маргелов. В безнадёжных, казалось бы, ситуациях, а было их немало и на Дороге жизни, и на Ораниенбаумском пятачке, сохранял хладнокровие и находил решение. От полка осталась горсточка, но и она стала силой, достаточной, чтобы вырваться из окружения, укрыться в лесах и болотах, где мобилизоваться для сопротивления, а затем и наступления. Уж этот жизнью солдата дорожил. <...>

Дорожил он чужими жизнями. Не сидел бы я сейчас с вами, если бы в крутые моменты не только я заслони́л Маргелова от пуль и осколков снаряда, но и он меня».

«ЛУЧШЕ САМ ПОЙДУ ПОД РАССТРЕЛ»

«Сложная обстановка на подступах к Ленинграду требовала от командования оборонявших город войск создания специальных частей, способных выполнить тактические задачи в интересах фронта, — рассказывает сын Василия Филипповича Александр Маргелов. — Одной из таких частей стал 1-й Особый лыжный полк моряков Краснознаменного Балтийского флота, командиром которого назначили майора Маргелова...

Первый лыжный полк моряков был сформирован в основном из добровольцев — моряков береговой обороны и других вспомогательных служб КБФ, направленных для формирования различных десантных отрядов. Формирование полка проходило в начале ноября 1941 года в Кронштадте, здесь же в состав полка влились недавние защитники острова Ханко.

Моряков переодели в ватные брюки, сапоги, ватные бушлаты темно-зеленого цвета с одной красной звездочкой на левом рукаве. Им выдали лыжи и шерстяные вязаные подшлемники-шапочки. Переписали адреса их родственников и каждого в отдельности сфотографировали.

При переодевании возникли проблемы: переодеваться в “пехоту” моряки категорически не хотели. Недовольство нарастало, грозя перерасти в прямое неповиновение приказу».

На построении полка после команды «Смирно!» новый командир внимательно рассмотрел всех моряков, обратив внимание на множество хмурых лиц, и, как всегда, не растерялся...

— Здорово, клешники! — поприветствовал он бойцов и сам еле сдержался от смеха.

На одном из них «поверх ватных брюк были натянуты флотские клешы, напуском свисавшие из-за голенищ сапог. Из-под расстегнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх маскхалата — ремень и торчащие из-под него гранаты, а за голенищами сапог — финский нож».

И все же знакомство состоялось: хмурые лица осветили улыбки...

А потом командир пояснил для тех, кто на «бронепоезде»:

— Я понимаю ваше недовольство и уважаю флотские традиции. Но сейчас вопрос стоит так: вы мне нужны живые... А в черной форме на фоне белого снега противник не позволит ступить и несколько десятков шагов...

Все все поняли, малость поворчали и переоделись. Ведь речь шла о тяжелом боевом походе...

Двадцать первого ноября майора Маргелова назначили командиром 1-го Особого лыжного полка моряков КБФ и до выполнения боевой задачи оставались считанные дни.

«Ночью полк собрался на берегу Ладожского озера, в районе поселка имени Морозова, в месте нового сосредоточения дивизии, — вспоминает участник тех боев Н. Шувалов. — На подго-

товку к наступлению даны одни сутки. На следующий день выясняется, что лед на озере еще тонок. Он плохо держит людей...

Наступление дивизии задержано на один день. Но и через сутки состояние льда не изменилось.

Наступление вновь отложено, опять на сутки.

Принято решение — орудия всех батарей артполка оставить на берегу. Командиры же батарей пойдут с пехотой и связь со своими батареями будут держать по радио.

Дубенецкому, командиру батареи, в которой находились самые дальнобойные орудия, приказано немедленно с несколькими разведчиками и связистами добраться до Бугровского маяка на южном побережье озера и оттуда вести корректировку огня по побережью».

Однако боевая операция все срывалась, и каждый новый выход к побережью превращался командиром в проигрыш его штурма. И наверху уже начали сдавать нервы. Оттуда стали сыпаться угрозы расстрела.

Но Маргелов все еще пытался решить вопрос по-хорошему:

— У меня приказ наступать после начала схватки пехотных полков с противником. Бросить в атаку одних моряков означает отправить их на верную смерть. Я должен с ними поговорить.

Затем он собрал всех командиров и объяснил сложность ситуации:

— Если вы откажетесь идти в атаку, я вас насильно не поведу, лучше сам пойду под расстрел.

Но, как известно, моряки пошли в бой за своим новым командиром... Они еще совсем не знали его, но чувствовали, что он свой.

Ветеран войны В.В. Войцехович до сих пор помнит момент, когда впервые увидел легендарного В.Ф. Маргелова: «...такой резкий, порывистый, на одном боку “ТТ”, надетый “по-морскому”, на другом — большой “революционный” “маузер”, который он очень любил носить. Василий Филиппович был очень грамотный, боевой и решительный командир. Очень темпераментный,

Десант идет в атаку

горячий, я бы даже сказал, что чересчур горячий. Бывали ситуации, когда, как я считаю, нужно было действовать осторожнее, осмотрительнее...»

По своему опыту в свои тридцать три Василий Филиппович был уже очень даже боевым командиром... После окончания военной школы в 1931-м за его спиной был, что называется, полный командирский набор: командир взвода, командир роты, командир батальона, начальник разведки дивизии, снова командир батальона, помощник командира полка, командир отдельного дисциплинарного батальона, командир полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. А еще, что самое необходимое на войне, боевой опыт: в освобождении Западной Белоруссии (два ранения) и в советско-финской войне (два ранения).

Именно командование 1-м Особым лыжным полком моряков впоследствии даст ему полное право, будучи командующим ВДВ, сказать на одном из совещаний в Министерстве обороны СССР: «Я воевал в морской пехоте и знаю, что заслуживают десантники, а что — нет!»

«ПОПРОСЯТ ПРОЩЕНИЯ»

В сентябрьских боях 80-я стрелковая дивизия вынуждена была отойти на рубеж деревень Забродье, Глядино, Михайловское. За последнюю деревню бои были особенно ожесточенными. Она трижды переходила из рук в руки. Затем было окружение и выход из него. В районе Агакули, где 80-я заняла очередную оборону, на ее пополнение поступил личный состав из расформированной 12-й стрелковой дивизии народного ополчения. Командир дивизии полковник И.М. Фролов с 8 октября находился в госпитале, а с 25 октября измученное соединение перебросили баржами с Ораниенбаумского плацдарма через залив в Ленинград. Далее пешим маршем на западный берег Ладожского озера.

По свидетельствам очевидцев, «марш был очень тяжелым — многие бойцы на ходу умирали от голода и истощения. Не хватало боеприпасов и фуража, да и сама дивизия была таковой только по названию — до 12 ноября в ней насчитывалось всего два стрелковых полка. За пять дней, с 19 по 24 ноября, дивизия сменила четыре района сосредоточения, люди были совершенно измотаны, а от недостатка фуража начался падеж лошадей».

И вот такой дивизии поставлена задача: с озера, со стороны Дороги жизни нанести удар по немецким позициям в районе «бутылочного горла», захватить 1-й и 2-й Рабочие поселки и двигаться дальше в направлении Синявинских высот.

Командир дивизии полковник Фролов, объективно оценив реальное боевое состояние своих частей и подразделений, честно доложил об этом начальнику штаба Ленинградского фронта: «Дивизия к выполнению поставленной боевой задачи не готова». Его тут же отстранили от командования, а заодно и комиссара. Новый комдив полковник П.Ф. Брыгин взялся за невозможное. Но получилось то, что получилось...

Кавалер двух орденов Красного Знамени Павел Федорович Брыгин умрет от тяжелых ран 8 января 1942 года. Командира 1-го Особого лыжного полка, тяжело раненного в ногу и пре-

возмогающего нестерпимую боль, вытащат из самого пекла на волокуше двое моряков. А бывший командир 80-й стрелковой дивизии Фролов вместе со своим комиссаром на пару ответят за провал ноябрьского наступления. 2 декабря 1942 года их арестуют и в тот же день они предстанут перед военным трибуналом Ленинградского фронта.

На показательный суд военного трибунала над командованием 80-й стрелковой дивизии майора Маргелова доставят буквально на костылях. В забитом до отказа помещении он попытается что-то понять еще раз для себя, взгляды в лица командира и комиссара дивизии. А после вынесения смертного приговора они оба подойдут к нему, попросят прощения и напоследок поцелуют.

«СОВ. СЕКРЕТНО
ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1941 года декабря 2 дня, Военный Трибунал Ленинградского фронта, в закрытом судебном заседании, в расположении Военного Трибунала, в составе:

Председательствующего Диввоенюриста ИСАЕНКОВА
Членов: Военного юриста 1 ранга ТОКАНАЕВА
Военного юриста 2 ранга КОРОТАЕВА
При секретаре Военном юристе 3 ранга ВАСИЛЬЕВЕ,

Рассмотрел дело № 0442 по обвинению бывшего командира 80 стрелковой дивизии полковника ФРОЛОВА Ивана Михайловича, 1895 г. рождения, происходящего из граждан деревни Острый Клин, Черепецкого района Тульской области, по социальному положению рабочего, русского, с низшим образованием, женатого, исключенного из членов ВКП(б) в связи с арестом

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

по данному делу, ранее не судимого, в Красной Армии с 1918 г. добровольно, и бывшего комиссара той же дивизии полкового комиссара ИВАНОВА Константина Дмитриевича, 1901 г. рождения, происходящего из граждан гор. Иваново, русского, по социальному положению рабочего, женатого, с высшим образованием, исключенного из членов ВКП(б) в связи с арестом по данному делу, ранее не судимого, в Красной Армии с 1918 г. добровольно обоих в преступлении, предусмотренном ст. 193—17 п. «б» УК

УСТАНОВИЛ:

Фролов, 21 ноября с.г., доложив Командующему Ленинградским фронтом о готовности вверенной ему дивизии к выполнению боевой задачи, получил от него устный приказ о прорыве блокады противника на одном из участков фронта, о чем 22 ноября с.г., по возвращении в дивизию, информировал комиссара дивизии Иванова. На деле, Фролов и Иванов к выполнению боевого приказа Командования фронта отнеслись пораженчески, проявили трусость и преступное бездействие, причем Фролов двум представителям фронта заявил за 3 часа до начала операции, что он не верит в успешный исход операции.

В результате этого ответственная операция на одном из важных участков Ленинградского фронта была сорвана.

Таким образом, в трудный и ответственный момент для Ленинграда и Ленинградского фронта, когда командиры и политработники фронта, не щадя своей жизни мужественно и честно выполняют боевую задачу по прорыву вражеской блокады вокруг Ленинграда, Фролов и Иванов нарушили воинскую присягу, обесчестили высокое звание воина Красной Армии и своим трусливыми пораженческими действиями нанесли серьезный ущерб войскам Ленинградского фронта.

Вышеизложенными действиями Фролов и Иванов совершили преступление, предусмотренное ст. 193—17 п. «б» УК.

Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК, Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича, в соответствии со ст. 23 Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, лишить военного звания Фролова — «полковника» и Иванова — «полкового комиссара».

На основании ст.193—17 п. «б» УК — Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича подвергнуть высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Летом 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР определит: «Приговор военного трибунала Ленинградского фронта от 2 декабря 1941 года в отношении Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича отменить и дело их прекратить за отсутствием состава преступления».

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ

Тяжело раненного в ногу Маргелова моряки отвезут на волокуше на баржу, вмерзшую в озеро недалеко от берега. На этой барже в жуткий мороз врачебную помощь ему окажет военврач Анна Александровна Куракина. Она не только сохранит командиру полка ногу, но и на всю оставшуюся жизнь станет его верной подругой. Впоследствии Анне Александровне еще один раз придется оперировать своего мужа, возвратив в строй благодаря своему высокому профессионализму и, конечно же, любви.

Их сыновья-близнецы Александр и Василий в книге об отце поведают и о «фронтовом романе на полвека»: «Вскоре после 30 января 1993 года — даты кончины Анны Александровны, нашей матушки, мы, авторы этой книги, нашли связку пожелтевших писем. Еще в 50-е годы прошлого века, найдя эту пачку во время отпуска родителей, уехавших в санаторий, мы, юные филателисты, по неопытности вырвали с конвертов почтовые

марки, совершенно не задумываясь о содержании находящихся в них писем. В молодости, вероятно, мало кто задумывается о том, что они сами и их родители смертны, что когда-нибудь останутся потомкам о них только память... Да и привитая нам скромность помешала прикоснуться к чужим откровениям, пусть даже и родительским.

А жаль! Просмотрев тогда письма (в основном отцовские), мы бы намного лучше узнали о прожитой большой жизни родителей, их радостях и заботах, об их отношении друг к другу, которые являют собой истинный пример для подражания в отношениях между любимыми. Из писем мы получили потрясающее подтверждение тому, какое верное и любящее сердце билось под гимнастеркой боевого командира в суровые годы войны, а тем более после Победы. Как молодые сердца, несмотря на все невзгоды, жаждали любви и маленького мира на двоих, как стремились друг к другу, хотя и не так часты были их встречи, да и порой не знали они — будет ли следующая встреча... Смерть постоянно витала над ними, вырывая из строя их друзей и близких, и, может быть, именно поэтому такой яркой была их любовь, которую смогли они вместе пронести до конца дней своих. О таком крепком тыле, как была матушка для отца, и о такой крепкой опоре, как отец был для матушки, могут мечтать любой мужчина, любая женщина...

Теперь эти заветные письма, которым доверены тайны двух любящих сердец, бережно хранятся в надежном месте в домашнем Кабинете-музее В.Ф. Маргелова. То, чем авторы книги сочли возможным поделиться из писем с читателями, с душевным трепетом приведено в последующих строках. Мы приглашаем наших дорогих читателей прикоснуться через призму тех, часто в несколько строчек, писем к трудной и благородной судьбе случайно встретившихся (или не случайно сведенных Божьим промыслом). Это случилось в самом начале огненного горнила Великой Отечественной, под Ленинградом. Они были настоящими героями нашего Великого Русского народа, закалившими

свои чувства в огне, в кровавых боях и самоотверженном труде во имя высшей цели — независимости сильной России!

Из всей переписки сохранилось лишь одно письмо матушки своему будущему мужу (а они поженились на фронте 9 декабря 1943 года, перед Днепровской битвой). Анна Куракина отправила его на Ленинградском фронте 23 февраля 1942 года командиру 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии майору Василию Маргелову. Она поздравляла его с 24-й годовщиной Красной Армии и выражала надежду, что “еще много славных годовщин Красной Армии мы будем отмечать вместе”. А ее пожелание “пусть наши любовь и дружба, возникшие в борьбе с фашистами, растут и крепнут и после победы над подлой немецурой” оказалось пророческим — они прошли рука об руку всю свою яркую, полнокровную жизнь.

К сожалению, отец по вполне понятным причинам — беспрерывные бои, нахождение на излечении в госпиталях, учебы, командировки — не имел возможности хранить письма своей милой Аночки. Ну а когда они были вместе, то, естественно, писать было не к чему.

Что же касается писем отца своему “котик”, то можно смело сказать, что путь становления супругов Маргеловых — это прямо-таки путеводитель и образец для подражания всех влюбленных душ. Те письма можно было бы издать отдельной книгой, изменив имена, и она, без сомнения, имела бы огромный успех, особенно среди молодых читателей. Приводимые отдельные выдержки из них, надеемся, полностью подтвердят наше предположение.

В перерывах между непрекращающимися боями отец очень скучал и “не мог найти себе места” без дорогой его сердцу подруги. Он писал: “Мой котик, моя дарагинюшка, я не знаю жизни без тебя, милая моя” Слово-то какое нашел — “дарагинюшка” — почти что берегинюшка, которая спасала его от ран на поле боя, а более того — своей любовью и заботой! Заканчивал же все свои письма, в основном, фразой: “Целую крепко-крепко,

твой Вася”. А бывало, ей и доставалось в отцовских письмах “по первое число” Комиссар медсанбата, где Анна лечила раненых, как-то пожаловался отцу, что капитан Куракина его не слушает и выбегает в холод на улицу без шинели. Обеспокоенный отец ей написал: “Анка, черт ты такая! Будешь мне чудить, бегать не одевшись и не слушаться комиссара, так тебе дам, сколько влезет! Ты уж будь умницей!”

В апреле 1942 года, будучи на излечении после ранения в госпитале в Колчаново, майор Маргелов постоянно звал свою любимую Аню навестить его — ее медсанбат находился не так далеко. Но военврач Куракина работала день и ночь — слишком много было раненых, и отец в коротких письмах заранее оправдывал ее отсутствие важными мотивами и извинял свою Аню за нечастые письма. Чаще они говорили “через почту” — переговорную станцию. В письмах и телефонных разговорах они признавались, что не могут жить друг без друга. Воюя в разлуке, они утешались мыслью, что “вот улыбнется счастье, представится возможность быть вместе, что скоро настанет время, когда они смогут быть вместе и вместе работать на пользу нашей Родины и в свое удовольствие”

Отец мечтал о том времени, когда он снова “увидит свою желанную Анку”, почувствует ее возле себя, увидит “ее милую детскую улыбку, курносый нос и будет целовать без конца”».

Примечательно, что именно под Ленинградом, в той страшной обстановке неудач и поражений, будущий командующий ВДВ, Герой Советского Союза, генерал армии Василий Филиппович Маргелов найдет свое личное счастье, какого у него еще не было даже в мирной жизни. Военврач Анна Александровна Куракина станет для молодого командира полка самой настоящей наградой...

Анна Александровна родилась в 1914 году в Ярославской губернии. До войны успела окончить рабфак и медицинский институт. В 1941 году она сразу же поступила на курсы врачей-хирургов при Военно-медицинской академии, а уже 15 июля

В.Ф. Маргелов

была направлена в 3-й стрелковый полк 1-й гвардейской Ленинградской стрелковой дивизии. Впоследствии проходила службу ординатором 1-го хирургического отделения армейского полевого госпиталя легкораненых 54-й армии, затем начальником этого отделения и, наконец, служила на различных должностях в 8-м отдельном медсанбате. Всего провела более трех тысяч хирургических операций. Войну закончила в звании гвардии капитана медицинской службы. Была

награждена орденами Отечественной войны, Красной Звезды и медалями.

«Они встретились на Ленинградском фронте и больше никогда не расставались, опровергнув превратное представление о скоротечности фронтовых романов, — свидетельствует их сын А.В. Маргелов. — Василий Филиппович неизменно отшучивался, когда ему кто-то наступал на “больную мозоль”, выспрашивая: как это так у прославленного комдива, а затем комкора супруга ходит в младших офицерах, хотя имеет высокие награды...? “Отзывчивый и заботливый врач”, а именно такими словами заканчивается одна из военных аттестаций капитана медицинской службы, Анна Александровна также превращала ответ на уже прозвучавший вопрос в шутку: “В семье я на одну ступень всегда выше мужа” И Василий Филиппович не возражал».

Второй наградой В.Ф. Маргелова за те бои станет медаль «За оборону Ленинграда», выданная в конце 1942 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

1. Википедия: 1-я гвардейская Ленинградская стрелковая дивизия народного ополчения. Интернет.
2. *Бешанов В.* Ленинградская оборона. М., 2005.
3. *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. М., 1959.
4. Комдивы. Том 1. М., 2011.
5. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. М., 2002.
6. *Маргелов А., Маргелов В.* Василий Маргелов. Десантник № 1. М., 2001.
7. *Маргелов А., Костин Б.* Генерал армии Василий Маргелов. СПб., 2010.
8. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3с. Д. 130. Л. 1—3
9. *Смыслов О.* Генерал Маргелов. М., 2010.
10. *Шувалов Н.* Мы становимся солдатами. Ленинград, 1973.
11. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 710. Л. 230.
12. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 95. Л. 249.
13. ЦГАИПД. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 18.
14. ЦГАИПД. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 202.
15. *Чуркин В.В.* Дневник ополченца...; *Кормилицын С.В., Лысов А.В.* Ложь от Советского Информбюро. СПб., 2005.

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

МОБИЛИЗОВАТЬ В ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Уже в ночь на 2 июля 1941 г. Центральный Комитет ВКП(б) предложил местным партийным организациям столицы возглавить создание народного ополчения, после чего Военный совет Московского военного округа принял Постановление о добровольной мобилизации жителей Москвы и области в народное ополчение¹.

Официальный призыв вступить в народное ополчение прозвучал в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года², а на следующий день вышло «Постановление Государственного Комитета Обороны “О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения”», в котором говорилось:

«Москва, Кремль

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области, Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области — 70 тысяч человек.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта АРТЕМЬЕВА.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе тт. СОКОЛОВА — секретаря МГК ВКП(б), ЯКОВЛЕВА — секретаря МК ВКП(б), ПЕГОВА — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, ФИЛИППОВА — начальника управления продовольственных товаров горторготдела, ОНУПРИЕНКО — комбрига и ПРОСТОВА — подполковника.

2. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию Штаба МВО в дивизию города Москвы.

3. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создаёт запасной полк, из состава которого идёт пополнение на убыль.

4. Для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создаётся чрезвычайная тройка во главе с первым секретарём РК ВКП(б) в составе членов райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством Штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

5. Формирование дивизий производится за счёт мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов наркомавиапрома, наркомата вооружения,

наркомата боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы.

Рядовой состав, младший состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектуется из рабочих, служащих и учащихся района; остальной начсостав комплектуется за счёт кадров РККА.

6. Боевая подготовка частей производится по специальному плану Штаба МВО.

7. Отмобилизование и казарменное размещение частей народного ополчения проходит на базе жилого фонда райсоветов (школы, клубы, другие помещения), кроме помещений, предназначенных для госпиталей.

8. Снабжение частей дивизий средствами автотранспорта, мото- и велоснаряжением, шанцевым инструментом (лопаты, топоры), котелками, котлами для варки пищи производится за счёт ресурсов Москвы, Московской области и района, путём мобилизации и изготовления этих средств предприятиями района.

Штаб МВО обеспечивает дивизии вооружением, боеприпасами и вещевым довольствием. Боеприпасы и вооружение поступают по линии военного снабжения.

9. Во всё время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащего — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников назначается пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26.VI.1941 года. В случае инвалидности и смерти мобилизованного, мобилизованный и его семья пользуются правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»³.

Только в одной Москве было сформировано около 40 % всех советских ополченческих дивизий (летом — с начала июля до конца сентября и осенью — с середины октября до середины ноября 1941 года). Как пишет А. Степанов, «районные начальники разъясняли, что собственно, воевать, т.е. нести фронтową службу, ополченцы не будут. Им придётся решать вспомогательные задачи недалеко от дома: строительство оборонительных рубежей, охрана военных объектов, ловля диверсантов (последнее под влиянием пропагандистских установок тех лет воспринималось вообще как вид спорта). В советское время историки, естественно, не писали о том, что часть рабочих Москвы и Подмосковья — в основном вчерашние крестьяне, жившие очень небогато, — высоко оценили возможность пойти в ополчение, сохранив при этом зарплату и обеспечив семьям кое-какие льготы. Однако, безусловно, очень многие примкнули к ополченцам, просто повинувшись патриотическому порыву»⁴.

Например, в статье «За партизанами сохранена заработная плата» её автор, Е. Жирнов, касается системы выплат, в том числе и добровольцев из народного ополчения:

«Жительница города Пушкина Ленинградской области Лидия Осипова 10 августа 1941 года записала в дневнике:

“Многие идут добровольцами на фронт. Это отнюдь не энтузиазм, а расчёт. Семьям добровольцев обеспечивается довольно большое пособие, а мобилизуют всё равно: не через неделю, так через две. Вот люди и спешат в “добровольцы”. Власть делает из этого пропагандную шумиху. И волки сыты, и овцы — если не сыты, то всё же имеют какой-то профит”

Уход добровольцев на фронт из корыстного расчёта, а не по зову сердца совершенно не соответствовал тому, во что на протяжении всех военных и послевоенных лет верил весь советский народ. Но документы свидетельствуют, что партия и правительство действительно стимулировали добровольцев: им на всё

время службы сохранялась средняя зарплата по прежнему месту работы.

Денежное содержание рядового красноармейца, призванного до войны или мобилизованного по повестке, составляло 10 руб. в месяц, и за участие в боевых действиях добавлялось столько же. Зарплата рабочего составляла около 300 руб. в месяц, а у рядового отряда трудящихся — стахановцев — могла достигать и до 1000 руб. У специалистов с высшим образованием зарплата колебалась в пределах 500—1000 руб. Так что в выгоде добровольного ухода на фронт не было никаких сомнений.

Воодушевлённые успехом этой меры, руководители страны решили распространить её на тех, кто, несмотря на призывной возраст или проблемы со здоровьем, решил записаться в народное ополчение. 10 июля 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление “О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение”⁵.

Стоит отметить, что сразу же после победы под Москвой, в конце января 1942 г. нарком финансов СССР А. Зверев предложил обсудить в правительственной Комиссии по текущим делам порядок выплат денежного обеспечения партизанам и ополченцам. Самое интересное, что по отношению к ополченцам нарком занял исключительно непримиримую позицию:

«Постановлениями Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1941 г. № 10 и от 10 июля 1941 г. № 84 за лицами, вступившими в народное ополчение, сохранена по месту их прежней работы средняя заработная плата. В связи с тем что большинство ополченцев к настоящему времени влились в кадровые части Красной Армии, при существующем порядке денежного обеспечения ополченцы рядового и младшего начсостава, возраста которых мобилизованы в Красную Армию и Военно-Морской Флот, фактически получают денежное обеспечение на уровне лиц старшего и высшего начальствующего состава Красной Армии. Например, красноармеец кадра получает 10 рублей денежного содержания плюс 100 % полевых денег,

итого 20 руб. в месяц. Боец народного ополчения, зачисленный в кадровые части Красной Армии, получает также 20 рублей плюс среднемесячную заработную плату по месту прежней работы, что составляет в среднем 500—800 руб. в месяц, а специалисты и высококвалифицированные рабочие получают свыше 1000 рублей в месяц...

Наркомфин Союза ССР считает необходимым пересмотреть действующий порядок денежного обеспечения ополченцев и распространить на них общий порядок денежного и материального обеспечения, установленный в Красной Армии. Выплату зарплат по месту прежней их работы прекратить».

Верховный главнокомандующий ликвидацию льгот утвердил только после завершающей стадии наступления — 9 апреля 1942 года⁶.

Кроме истинных патриотов и в некотором роде материально заинтересованных граждан, среди ополченцев встречается и третья категория, о которой почему-то не говорил ещё никто. Так из «записок» ополченца Б. Рунина можно узнать и о ней:

«Из доверительных рассказов моих новых товарищей, из их откровений на привалах мне постепенно стала открываться истинная картина записи литераторов в ополчение. Оказывается, эта процедура далеко не всегда была добровольной и далеко не все писатели сделали этот шаг по собственной инициативе. Таких людей /.../ “неблагополучных” в национальном и социальном плане лиц, с сомнительной (с точки зрения парткома) биографией или нехорошими родственными связями, после третьего июля вызывали в Союз (писателей..) /.../ либо повестками, либо по телефону с просьбой явиться, имея на руках членский билет /.../ Они (руководители оборонной комиссии Союза писателей...) предлагали явившемуся присесть, брали у него членский билет, после чего советовали уважаемому товарищу записаться по призыву Сталина в ополчение, недвусмысленно давая понять, что в противном случае данный билет останется у них в столе»⁷.

Доброволец полка ленинградского народного ополчения Е. Труков

И, тем не менее, желающих стать ополченцами, повинувшись исключительно патриотическому порыву, было абсолютное большинство. Так ополченец А.Е. Гордон вспоминает:

«Как мне представляется, целью формирования Народного ополчения было привлечение в ряды защитников Родины граждан, которые по тем или иным причинам, в частности по состоянию здоровья, не подлежали призыву в ряды вооружённых сил. Но на деле получилось по-другому. Брели всех, кто хотел стать ополченцем. А таких было множество. При этом не учитывалось, где доброволец может принести больше пользы — на производстве или в окопах. Все шли рядовыми или младшими командирами. Это приводило к тому, что многие командиры и военные специалисты запаса оказались в ополчении на положении рядовых бойцов. Многие из них так и не были востребованы. В рядовые записывали даже студентов 4-х и 5-х курсов медицинских институтов...»⁸

Судя по всему, райкомы партии к формированию ополчения относились как к политической акции. И всё же предел набора в ополчение был установлен наверху:

«Позже стало ясно, что изъятие 270 тыс. человек могло отрицательно сказаться на работе столичных предприятий, поэтому вместо 25 фактически было создано вдвое меньше ополченческих дивизий — 12. Осенью сформировали ещё три. В целом в 15 дивизиях столичного ополчения насчитывалось свыше 165 тыс. бойцов и командиров. Осенью на укомплектование войск Московской зоны обороны были также обращены 3-я, 4-я и 5-я дивизия московских рабочих (24 тыс. 304 человека), сформированные на втором этапе. Те районы Москвы, которые не создавали самостоятельных соединений, направляли многих своих ополченцев на пополнение регулярных войск Красной Армии»⁹.

Объективности ради, следует отметить, что в народное ополчение «ушёл цвет московской интеллигенции». Всё тот же ополченец Гордон подчёркивает: «Так, например, известный скульптор Евгений Вучетич и многие другие видные деятели культуры были некоторое время рядовыми ополченцами дивизии нашего района, которая на 35—40 % состояла из людей с высшим и средним образованием. Что касается партийного состава, то коммунистов и комсомольцев было в ней не менее 60 %»¹⁰.

ШЕСТАЯ ДИВИЗИЯ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ

О том, как формировалась 6-я ДНО, сохранилось воспоминание бывшего комиссара Дзержинского района Москвы М.Н. Сбитнева:

«В июле 1941 года в Москве формировались дивизии народного ополчения. В их числе была 6-я дивизия Дзержинского района. Решением МГК ВКП(б) ответственность за формирование дивизии в районах была возложена на так называемые чрезвычайные тройки. В нашем районе в тройку вошли: первый секретарь РК партии П.И. Ходоров, председатель райисполкома Н.М. Андрианов и я как райвоенком. Среди добровольцев-ополченцев были рабочие, инженеры и техники таких пред-

приятый, как “Станколит”, “Борец”, Комбинат твёрдых сплавов, студенты и преподаватели Московского института инженеров железнодорожного транспорта и других учебных заведений. Всего в дивизию вступило около 8 тысяч человек из 170 предприятий и учреждений. В нашу дивизию полностью влился один из батальонов орехово-зуевских рабочих.

В дивизии народного ополчения принимали добровольцев в возрасте от 18 до 55 лет. Бывали случаи, когда в ополчение вступали люди моложе и старше этих возрастов. Среди них было много и таких, кто впервые взял в руки винтовку.

Нередко ополченцами желали стать целые семьи. Инженер-строитель В.А. Панова в ополчении была военфельдшером. Вместе с ней в дивизию вступила её младшая сестра А.А. Пономарёва, тоже военфельдшер. Она героически погибла на фронте.

На призывной пункт пришла медсестра Прасковья Родионова с 16-летним сыном Сашей. По возрасту мальчику отказали, но он был обнаружен в одной из машин по пути к фронту. Тут уж делать было нечего. Сашу зачислили в артдивизион. Через месяц он хорошо изучил артиллерийское дело. В жестоком бою под Ельней мать и сын пали смертью храбрых.

Особенно запомнился день, когда на пункт формирования дивизии народного ополчения Дзержинского района пришёл 64-летний Фёдор Михайлович Орлов. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, унтер-офицер старой армии, Ф.М. Орлов перешёл на сторону победившего пролетариата в первые дни Октябрьской революции. В Петрограде он стал одним из командиров Красной гвардии. Был направлен на Северный Кавказ для организации красногвардейских и партизанских отрядов. Вместе с ним выехала его жена Мария Иосифовна с четырьмя маленькими детьми; старшему из них, Володе, тогда исполнилось 9 лет. Так вся семья вступила на нелёгкий военный путь.

Ф.М. Орлов во время гражданской войны командовал частями и соединениями. За боевые отличия и подвиги он неоднократно

кратно награждался ценными подарками, в числе их золотым именованным портсигаром. В 1920 году Орлов награждён первым орденом Красного Знамени. Он был соратником М.В. Фрунзе в боях против Врангеля. После разгрома “чёрного барона” в декабре 1920 года М.В. Фрунзе назначается командующим войсками Украины и Крыма, а Ф.М. Орлов — его заместителем. Позднее он находился на других командных постах. Затем Ф.М. Орлов по состоянию здоровья уволился из армии. Сказались 24 ранения и контузии, полученные им на полях сражений.

По возрасту Фёдор Михайлович не подходил даже в ополчение, но он просил, настаивал, требовал, и его просьбу пришлось удовлетворить. Вначале он командовал ротой, разведывательным батальоном, а в конце сентября 1941 года был назначен командиром 160-й стрелковой дивизии, переименованной из 6-й Московской дивизии народного ополчения Дзержинского района. Тогда и проявился по-настоящему его боевой опыт¹¹.

В 1941 году Наркомат иностранных дел СССР находился на Кузнецком мосту (21/5). Именно в этом здании 5 июля на общем собрании проходила запись добровольцев в 6-ю дивизию народного ополчения Дзержинского района столицы. «В ополченцы пошли 163 человека — одна треть штатного состава ведомства: дипломаты, технические работники, сотрудники подсобных предприятий»¹². Также в 6-ю ДНО влилось более 300 преподавателей, студентов, сотрудников Московского института инженеров железнодорожного транспорта¹³.

Н. Самоделов попал в 6-ю ДНО из Орехово-Зуева, вот что он вспоминает:

«... наш батальон орехово-зுவевских добровольцев (точнее, это был ещё отряд в 600 человек без контуров воинского подразделения) в ту ночь отправился на станцию Орехово-Зуево. Провожали первых добровольцев тысячи горожан. Они желали нам скорейшего возвращения с победой, не представляя о трудностях, ждавших нас впереди. Формирование 6-й стрелковой дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы про-

ходило в столице, в школе № 242, располагавшейся около Театра РККА. К восьми часам утра прибыли кадровые командиры. Началось укомплектование подразделений. Наш взвод вошёл в состав 1-й роты 1-го батальона 3-го стрелкового полка. Меня назначили пулемётчиком»¹⁴.

В 6-ю дивизию Дзержинского района записывались рабочие чулочной фабрики имени Ногина и, что самое невероятное, даже музыканты Государственного духового оркестра Союза ССР. Причём они ушли на фронт вместе со своими духовыми инструментами. Как сейчас припоминают их дети, музыкантов провожали от цирка на Цветном бульваре. Там был техникум, в котором располагался сборный пункт¹⁵.

Командиром сапёрной роты 6-й ДНО был назначен ополченец А. Авдеев. Со дня записи в ополчение он вёл свой дневник, благодаря которому мы можем узнать некоторые подробности из истории этого соединения:

«8 июля 1941 года. День прошёл в напряжённой работе. Нужно было получить обмундирование, предметы хозяйственного обихода, одеть, постричь, помыть в бане всю роту, а главное — дать людям возможность до отправки на фронт обучиться обращению с винтовкой, толовой шашкой, миной, гранатой. Большую помощь нам оказали преподаватели военной кафедры Московского института инженеров транспорта. Рассказали, как возводить инженерные сооружения на поле боя, строить окопы, блиндажи, эскарпы, как делать проволочные и минные заграждения.

9 июля 1941 года. Днём командир дивизии произвёл сапёрам и другим подразделениям дивизии смотр. На плацу возле главного входа в МИИТ подразделения проделали все перестроения, а потом прошли маршем перед комдивом. Он остался доволен сапёрами. Как-то будут в бою?

10 июля 1941 года. Завтра отправляемся на фронт. День прошёл в хозяйственных заботах. Под вечер нам выдали десять винтовок, патроны, несколько бутылочных гранат. Остальным обещали выдать потом.

Часов в восемь приехала проститься жена. Я сразу увидел её заплаканное лицо в толпе женщин, пришедших посмотреть, может, в последний раз на мужей, братьев и отцов.

— Успокойся, береги себя, Валерика, не плачь, — кажется, я сказал именно это»¹⁶.

Пулемётчик Самоделов рассказывает, что бойцам из Орехово-Зуева 9 «июля выдали хлопчатобумажные гимнастёрки, брюки, пилютки, котелки на полтора литра — всё защитного цвета.

Ботинки и чёрные обмотки. Одновременно старшина всем вручил смертные медальоны». Кроме этого, им было выдано «небольшое количество стрелкового оружия — винтовки, гранаты и т.п.»¹⁷ А.Е. Гордон, а он служил в 5-й ДНО, рассказывает, как им на привале «выдали велосипеды и обмундирование — гимнастёрки и пилютки тёмно-серого, почти чёрного цвета, такого же цвета брюки-бриджи, чёрные обмотки и ботинки. Поговаривали, что это обмундирование хранилось ещё со времён царской армии и предназначалось тогда для рабочих подразделений. В такой форме мы выглядели необычно — совсем как итальянские чернорубашечники (как мы тогда их себе представляли). Вместо шинелей мы получили куртки цвета хаки типа бушлатов, в которых позже, когда мы пересели на лошадей, было удобно сидеть в седле. И в довершение всего наша рота получила польские винтовки без боеприпасов. А если добавить к этому, что позже нас пересадили с велосипедов на отощавших лошадей, можно представить, как комично мы выглядели»¹⁸.

Ополченцы идут на фронт

Кстати, до сегодняшнего дня, применительно к ополченцам, можно было услышать об «одной винтовке на троих». Однако вопрос этот изучался специалистами, которые признают вооружение ополченцев «в основном иностранным стрелковым оружием». Это то самое оружие, которое в Первую мировую войну союзниками было передано России. Оно, безусловно, считалось морально и технически устаревшим, и его потом не однажды пытались заменить. Что из этого получилось, изучала главный хранитель фондов Государственного музея обороны Москвы С.Е. Соболева:

«В связи с переводом дивизий народного ополчения в состав кадровых армий 7 августа 1941 г. командующий Резервным Фронтом генерал армии Г.К. Жуков обратился в ГКО со специальной докладной запиской, в которой пишет, что “32 и 33 армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, прибывшие в состав Резервного фронта, имеют очень много недостатков и, если не будут приняты немедленные меры, имеющиеся недостатки могут привести к тяжёлым последствиям. В дивизиях имеется много совершенно необученных и не умеющих даже владеть винтовкой бойцов. Дивизии недовооружены, а имеющееся вооружение разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров...”»

В докладной записке начальника политотдела Главного управления новых формирований и укомплектования Красной армии бригадного комиссара Свиридова от 11 августа 1941 г. содержится просьба Военного совета Резервного фронта «заменить винтовки иностранных образцов на наши винтовки» в целях стандартизации вооружения и упрощения снабжения.

Начальнику Главного артиллерийского управления генерал-полковнику Н.Д. Яковлеву было дано указание заменить иностранные винтовки русскими. Однако, когда 3 сентября 1941 г. была проведена проверка состояния дивизий народного ополчения 32-й и 33-й армий Резервного фронта, то в докладе по итогам проверки о состоянии вооружения сказано: «ручным оружием

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

части вооружены отечественными образцами, кроме 13 и 18 сд., где на вооружении находятся польские винтовки, обеспеченные штыками на 40 процентов.

Автоматическое оружие, артиллерия и миномёты состояли французской и польской системы. Большинство командного и начальствующего состава не обеспечено личным оружием». Далее в отчёте указывается, что «для успешного выполнения боевых задач необходимо ускорить переход дивизий на твёрдые штаты, доукомплектовав их личным составом, вооружением и МТО». Вместе с тем в Центральном архиве Министерства обороны РФ находятся документы о степени укомплектованности вооружением всех двенадцати дивизий народного ополчения на 3 сентября 1941 года.

Обеспечение винтовками, автоматами, ручными и станковыми пулемётами, 50-мм миномётами, 76-мм дивизионными пушками, 122-мм гаубицами в них значится 100 %. Среди общего количества станковых пулемётов насчитывается 412 станковых пулемётов Кольта обр. 1915 г. В действительности положение с материально-техническим обеспечением ополченческих дивизий выглядело несколько иначе. Согласно донесению штаба 33-й армии штабу Резервного фронта о боевом и численном составе частей армии — шести дивизий народного ополчения, направленному не ранее 20 сентября 1941 г. (датирование по тексту), винтовок имелось 34 721 вместо положенных 28 952, станковых пулемётов 714 вместо положенных 612. Но ощущался недостаток в следующих видах оружия: автоматических винтовок имелось 7796, а требовалось по штату 21 495, ручных пулемётов было 869, вместо необходимых 956, пистолетов-пулемётов Дегтярёва насчитывалось 784 вместо положенных 928. На шесть дивизий имелось всего 2 зенитных пулемёта вместо положенных 102 и 7 крупнокалиберных пулемёта вместо 51. Таким образом, несмотря на значительное улучшение вооружённости ополченцев, по некоторым важным видам стрелкового вооружения уровень вооружённости значительно

отставал от требуемого. Ополченческие дивизии продолжали снабжать вооружением, дотягивая до положенных 100 % укомплектованности. К сожалению, в исследовательской литературе о народном ополчении Москвы вооружение ополченческих дивизий характеризуется цифрами и оценками, взятыми из приведенной справки: «К 3 сентября 1941 г. ополченческие дивизии были полностью обеспечены по штату винтовками, автоматами, ручными и станковыми пулемётами, 50-мм миномётами, 76-мм дивизионными пушками и 122-мм гаубицами. Оружие иностранного образца заменялось современным отечественным. Укомплектование дивизий Резервного фронта вооружением (автоматическими винтовками, автоматами, ручными пулемётами) продолжалось и в последующем. Разночтения в официальных документах не могут составить реальную картину вооружения ополченцев к началу битвы под Москвой. В Вяземском котле лежат немалые свидетели трагедии окружения, опровергающие утверждения и данные отчётов, что иностранные образцы различного калибра, без патронов, без материально-технического описания были полностью заменены современными отечественными. Рядом с останками бойцов лежит и ржавеет оружие первого периода формирования»¹⁹.

Из дневника командира сапёрной роты А. Авдеева:

«11 июля 1941 года. В два часа ночи подали автобусы. Прощай, Москва, прощайте, дом, семья! Увидимся ли когда-нибудь?

Солнце уже сильно припекало, когда мы проехали Большие Вяземы, Кубинку, Дорохово. То и дело слышалась команда: “Воздух!” Колонна останавливалась, бойцы стремились где-нибудь укрыться. После Вязьмы останавливаться приходилось чаще. Свернули на грунтовую дорогу к Дорогобужу. Наконец высадились ночевать на опушке леса. Дальше пойдём пешком.

12 июля 1941 года. Рано утром походным порядком двинулись в район деревни Озерище. К вечеру усталые, но в полном составе пришли в район деревни Озерище. Наскоро устроили шалаш, улеглись спать...

19 июля 1941 года. После ночного марша расположились в балке, поросшей кустарником, юго-восточнее Дорогобужа. Часть роты оставалась в районе Озерищ. Там она приняла крещение огнём: вместе с другими подразделениями отражала налёт группы вражеских десантников»²⁰.

23 июля 1941 года 6-ю дивизию народного ополчения на Смоленщине встретил фронтовой корреспондент, писатель Константин Симонов:

К.М. Симонов

«В следующей деревне мы встретили части одной из московских ополченческих дивизий, кажется, шестой. Помню, что они тогда произвели на меня тяжёлое впечатление. Впоследствии я понял, что эти скороспелые июльские дивизии были в те дни брошены на затычку, чтобы бросить сюда хоть что-нибудь и этой ценой сохранить и не растрясать по частям тот фронт резервных армий, который в ожидании следующего удара готовился восточнее, ближе к Москве, — и в этом был свой расчёт. Но тогда у меня было тяжёлое чувство. Думал: неужели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти не вооружённых? Одна винтовка на двоих и один пулемёт. Это были по большей части немолодые люди по сорок, по пятьдесят лет. Они шли без обозов, без нормального полкового и дивизионного тыла — в общем, почти что голые люди на голой земле. Обмундирование — гимнастёрки третьего срока, причём, часть этих гимнастёрок была какая-то синяя, крашенная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники, уже давно не

служившие в кадрах. Всех их надо было ещё учить, формировать, приводить в воинский вид.

Потом я был очень удивлён, когда узнал, что эта ополченческая дивизия буквально через два дня была брошена на помощь 100-й и участвовала в боях под Ельней»²¹.

Ниже, всё в том же дневнике, Симонов ещё раз вернётся к 6-й дивизии народного ополчения:

«Несколько слов по поводу выраженного мною в дневнике недоумения, на поверку не вполне справедливого.

Разминувшись с частями ополченцев, двигавшимися навстречу нам от Ельни к Вязьме, мы скорее всего встретили тогда действительно части 6-й ополченческой дивизии, которую за два дня до этого было приказано отвести в район Вязьмы.

Об этом было сказано в той же сводке штаба армий Резервного фронта, в которой говорилось о прорыве немцев к Ельне и Ярцеву: «6-я дивизия народного ополчения отводится в район Вязьмы, а 4-я дивизия народного ополчения отводится... в район Сычёвки». Очевидно, отвод дивизий народного ополчения, которые должны были заниматься работами по укреплению оборонительного рубежа, как раз и был вызван неожиданным выходом немцев к этому рубежу. Из текста оперативной сводки, следует, что командование Резервного фронта поначалу старалось вывести из-под немецкого удара эти ещё не обученные части и лишь потом в связи с дальнейшим резким ухудшением обстановки всё-таки бросило в бой»²².

К НАДВИГАЮЩЕЙСЯ БЕДЕ

До того как 6-ю ДНО встретил Симонов, «20-го июля 10-я танковая дивизия немцев захватила Ельню. Начались тяжёлые бои 24-й армии в районе Ельни»²³.

Спустя несколько дней после встречи Симонова, «26-го июля командующий 24-й армией передислоцировал 6-ю дно на правый берег реки Ужа в её нижнем течении, от деревни Лебедево

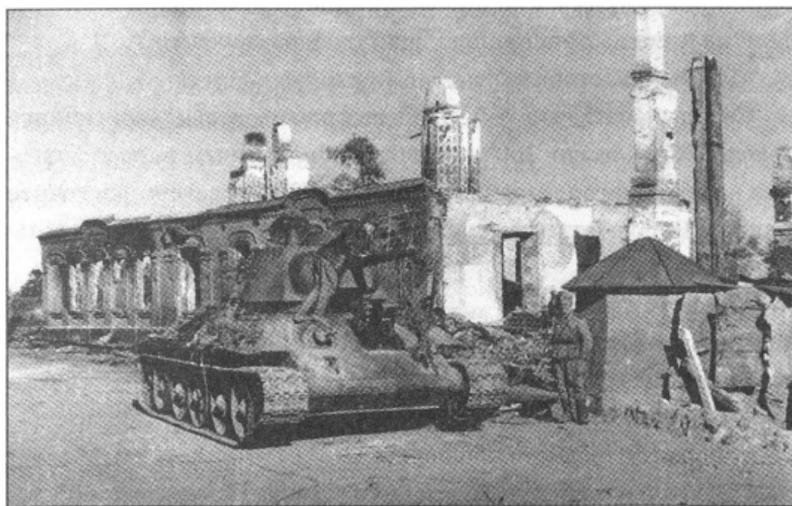
ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

до деревни Крутица для прикрытия магистрали Москва—Минск и Старой Смоленской дороги. 1-го августа в район Ельни прибыл новый командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков Г.К. В соответствии с приказом Ставки ВГК 6-я дно включалась в состав армии после её пополнения. 6-го августа 6-я дно заняла оборону в районе деревни Подмошье. Задача дивизии заключалась в обороне от проникновения танков и мотопехоты противника по направлениям на Дорогобуж или через Подмошье далее на Вязьму. Командование 24-й армии не торопилось вводить 6-ю дно в боевые действия. Она уже несколько раз занимала оборону во втором эшелоне»²⁴.

В книге «Московская битва в хронике фактов и событий», в которой показан ежедневный ход боевых действий на московском направлении с первого дня войны, мы можем воочию проследить и боевой путь 6-й дивизии народного ополчения до момента её гибели в Вяземском котле:

«15 августа, пятница...

6-я ДНО, совершив марш из района Дорогобужа, заняла позиции севернее Ельни в составе 24-й армии. Фашисты превра-

В ходе боев за Ельню

тили Ельню в сильно укреплённую полевую крепость. В ходе контрудара армия прорвала оборону противника, обошла Ельню с севера и юга, но продолжить наступление не могла без привлечения свежих сил. 6-ю дивизию усилили спецчастями и подразделениями. Первым перешёл в наступление 1293-й стрелковый полк дивизии полковника Н.А. Оглоблина. Прорвав немецкую оборону севернее Ельни, полк нанёс удар в общем направлении на р. Глинка. Уничтожая пехоту и танки противника, ополченцы освободили дер. Костино, Пожогоино и Богородицкое.

В 8-й ДНО сформирован сводный отряд для ликвидации десанта, выброшенного в районе дер. Дуденки. Совместно с подразделением 6-й ДНО отряд окружил и уничтожил несколько групп вражеских десантников»²⁵.

«Однако днём 16-го августа на участке 120-й стрелковой дивизии была введена в действие наиболее боеспособная пятая рота 6-й ДНО. Командовал ротой командарм 2-го ранга запаса Орлов. Задача роты была — выбить противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета. Боевую задачу рота выполнила, деревню Алексеевка освободила, однако в роте осталось лишь пять человек, в их числе и Орлов. Когда немцы пошли в контратаку, на помощь роте пришло другое подразделение»²⁶.

«19 августа, вторник...

Сводный батальон 6-й ДНО разгромил десант противника в количестве около 300 человек, выброшенный в расположение штаба дивизии в районе Озерищи (23 км северо-восточнее Ельни). В бою отличились подразделения разведроты и роты сапёров»²⁷.

«20 августа, среда...

Личный состав 6-й ДНО принял военную присягу, а секретари РК ВКП(б) П.И. Вакуленко и В.А. Волков вручили дивизии учреждённое МГК ВКП(б) боевое Красное знамя с надписью “6-я дивизия народного ополчения”

Сапёрная рота 6-й ДНО успешно закончила курс боевой подготовки, в роте стало немало минёров-подрывников. На первом

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

месте — взвод А.А. Вахмина. Рота получила благодарность от командира дивизии. В этот день бойцы приняли присягу в присутствии делегации трудящихся района и секретарей Дзержинского РК ВКП(б)»²⁸.

Командир сапёрной роты 6-й ДНО А. Авдеев зафиксировал в дневнике:

«20 августа 1941 года. Курс боевой подготовки успешно окончен. В роте немало минёров-подрывников... Сегодня бойцы приняли присягу. Дивизии вручили знамя. Я выстроил роту и начал читать текст:

— Я, сын трудового народа и гражданин Союза Советских Социалистических Республик...

Бойцы отчётливо повторяют за мной торжественные слова присяги. Суровые обветренные лица. Как мы сроднились за эти полтора месяца! Последние слова присяги раздавались под гул вражеских самолётов. Однако никто из сапёров не шелохнулся»²⁹.

«3 сентября, среда...

В докладе политотдела новых формирований Главупраформа Красной Армии на имя зам. наркома обороны СССР Е.А. Щаденко подведены итоги проверки состояния ополченческих дивизий 32-й и 33-й армий. В документе сообщалось, что дивизии укомплектованы москвичами разных возрастов, в каждом соединении до 200 человек непригодно к службе. Комсостав грамотен в военном отношении. Дивизии работают на оборонительных рубежах по 10 часов в день, занимаются боевой подготовкой по 4—5 часов. Части вооружены отечественным стрелковым оружием, но в 13-й и 18-й стрелковых дивизиях — польские винтовки, до 60 % без штыков. Автоматическое оружие, артиллерия и миномёты — французской и польской систем. Дивизии нуждаются в транспорте, шинелях, поясных ремнях и подсумках для патронов.

Большинство комсостава не имеет личного оружия, карт и компасов. Главупраформ просил доукомплектовать и довооружить

ополченческие дивизии, состоявшие из лучших людей Москвы. 35 % их личного состава имело среднее и высшее образование. Как свидетельствовал документ, моральный дух дивизии в целом был очень высок. Принятыми мерами ополченческие дивизии были в основном обеспечены по штату винтовками, автоматами, ручными и станковыми пулемётами, 50-мм миномётами, 76-мм дивизионными пушками и 122-мм гаубицами. Оружие иностранного образца заменялось современным отечественным. Доукомплектование дивизий автоматическими винтовками, автоматами и ручными пулемётами продолжалось и в последующем.

6-я ДНО, действуя в составе фронтового резерва, участвовала в наступлении на г. Ельню с юго-запада. В ночь на 3 сентября сторожевые посты разведбатальона 6-й ДНО обнаружили высадку немецкого десанта в районе деревень Ерёмину, Серебрянка и подняли тревогу. Командир батальона Ф.М. Орлов ввёл в бой взвод пулемётных тачанок и взвод танкеток. Через час бой закончился победой ополченцев. Больше 100 убитых парашютистов осталось на поляне, в штаб дивизии отправлено свыше десятка пленных.

Разведбатальон захватил трофеи: автоматическое оружие, две радиостанции, миномёты и другое вооружение»³⁰.

Ополченец Н. Самоделов о боях под Ельней вспоминает следующее:

«6-я, 9-я, 13-я дивизии Московского народного ополчения совместно с другими частями 24-й армии пошли на штурм оборонительных укреплений врага. Артиллеристы 6-й дивизии, уничтожая огневые точки врага, подбили два танка и бронетранспортёр с пехотой. Когда на поддержку немцы бросили две роты автоматчиков, 1-й батальон 3-го полка открыл по ним фланговый огонь. Немцы несли большие потери, но упорно сопротивлялись. Вокруг рвались мины и снаряды, бой, как говорится, шёл не на жизнь, а на смерть. В том бою я был контужен. Очнулся в санитарном взводе, который находился недалеко от палатки командира роты»³¹.

«6 сентября, суббота...

Войска 24-й армии Резервного фронта под командованием генерал-майора К.И. Ракутина освободили г. Ельню. В операции активно действовал личный состав 6-й ДНО под командованием полковника А.И. Шундеева»³².

«8 сентября, понедельник...

Войска 24-й армии завершили наступление в районе Ельни. В результате Ельнинской операции они на участке в 55 км продвинулись на глубину 25 км, вышли к р. Устром и Стряна, нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям противника, освободили г. Ельня и ликвидировали угрозу левому крылу Западного фронта со стороны Ельнинского выступа»³³.

По авторитетному мнению известного историка М.И. Мельтюхова, под «Ельней наши войска атаковали уже укрепленные позиции противника, который перешёл к обороне и имел своей целью удержать линию фронта. Выполнить в полном объёме поставленные перед 24-й армией задачи не удалось. Противник не был окружён и уничтожен, также не удалось развить и дальнейшее наступление. Но достигнутые результаты имели огромное значение. Несмотря на отсутствие численного перевеса, слабое обеспечение танками (немецкие войска танковых частей на ельнинском выступе не имели), отсутствие поддержки с воздуха, на ограниченный опыт ведения эффективных наступательных действий и взаимодействия родов войск, части 24-й армии нанесли противнику серьёзное поражение. Был ликвидирован опасный плацдарм на московском направлении. Серьёзные потери понесли пять вражеских дивизий, однако необходимо отметить, что ни одна из них не была отправлена на переформирование, и все приняли участие в наступлении на Москву. Долгое время в отечественной науке при анализе потерь на этом участке фронта использовалась информация, указанная Г.К. Жуковым в своих мемуарах. По его данным, противник в ходе Ельнинской операции потерял убитыми и ранеными 45—47 тыс. человек. Со-

Советские войска входят в освобожденную Ельню

временные исследователи показывают, что потери вермахта были почти в два раза ниже и составили около 25 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Как видим, в боях на ельнинском выступе были разгромлены две полнокровные дивизии вермахта. Таких потерь на одном участке фронта вермахт не нес за весь период Второй мировой войны...

Победа под Ельней далась нашим войскам дорогой ценой. В донесении политотдела в штаб 24-й армии указывалось, что за время боёв под Ельней армия по приблизительным подсчётам потеряла 77 728 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Наибольшие потери понесли 19 сд. — 11 359 и 6-я дивизия народного ополчения, в которой из первоначально имевшихся 9791 военнослужащих в строю к 20 сентября 1941 г. осталось всего 2002 человека»³⁴.

«9 сентября, вторник...

Сапёрная рота 6-й ДНО занялась разминированием местности, освобожденной от фашистов в ходе Ельнинской операции»³⁵.

«12 сентября, пятница...

Продолжала работу созданная по инициативе комиссара 6-й ДНО особая группа (в помощь командованию) из инженеров-

ополченцев для возведения оборонительных сооружений. Это миитовцы А.В. Дарков, П.В. Дьяконов, В.П. Гудков, С.А. Колганов, Б.К. Дубровский, П.М. Успенский, А.В. Осокин, М.И. Виноградов, Н.И. Никольский, Г.П. Лидере и А.Ф. Смирнов — все рядовые и младшие командиры из сапёрной роты И.Л. Литвинова. Они строили блиндажи, мосты для прохода танков, разрабатывали систему минных полей перед фронтом дивизии, схемы маскировки мостов и дорог»³⁶.

«18 сентября, четверг...

Сапёрное подразделение... 6-й ДНО поставило около 1000 мин перед линией обороны. Эти мины конструкции майора Смолина требовали от бойцов не только умения, но и выдержки, твёрдости пальцев. Несмотря на гибель рядового Павлова, установившего 99 штук, но подорвавшегося на сотой, воины не поддались унынию и продолжали выполнять свой долг»³⁷.

«19 сентября, пятница...

...6-я ДНО заняла рубежи на переднем крае полосы обороны 24-й армии»³⁸.

«26 сентября, пятница...

На основании директивы НКО СССР дивизии народного ополчения переименованы: 1-я — в 60-ю, 2-я — во 2-ю, 4-я — в 110-ю, 5-я — в 113-ю, 6-я — в 160-ю, 7-я — в 29-ю, 8-я — 8-ю, 9-я — в 139-ю и 13-я — в 140-ю, 17-я — в 17-ю, 18-я — в 18-ю, 21-я — в 173-ю стрелковые дивизии»³⁹.

Почти за двадцать дней до этого события, «6 сентября 1941 г., Гитлер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на Восточном фронте. Буквально через десять дней командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок направил в войска директиву о непосредственной подготовке операции по захвату Москвы, получившей кодовое название “Тайфун”. Замысел операции заключался в нанесении трёх мощных ударов из районов Духовщины (3-я танковая группа), Рославля (4-я танковая группа) и Шостки (2-я танковая группа) в восточном и северо-восточном направлениях с целью прорыва

обороны советских войск, а затем окружения и уничтожения их в районах Вязьмы и Брянска»⁴⁰.

С этой целью в группе армий «Центр» были задействованы:

«Сосредоточенная в районе Духовщины 9-я армия с подчинённой ей 3-й танковой группой имела задачу выйти на рубеж Вязьма, Ржев, охватывая Вязьму с севера и востока. Сосредоточенная в районе Рославля 4-я армия с подчинённой ей 4-й танковой группой имела задачу наступая вдоль Варшавского шоссе с выходом к Спас-Деменску повернуть на север, в сторону Вязьмы, с целью окружения основных сил Западного фронта»⁴¹.

По каким-то причинам, до конца так и непонятым сегодня, «Ставка Верховного Главнокомандования не разгадала замысел противника на московском направлении. Поэтому районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов группы армий “Центр”. Ставка вообще не обратила внимания на Резервный фронт и не поставила его войскам задачу перейти к жёсткой обороне. Это, по меньшей мере, кажется странным, ибо три армии фронта обороняли совершенно самостоятельный участок между Западным и Брянским фронтами на направлении удара 4-й танковой группы противника. Зато поощрялись “частные наступательные операции”»⁴².

Если говорить о силах Резервного фронта, в который входила 6-я ДНО, то в его составе «имелось шесть армий (24-я, 31-я, 32-я, 33-я, 43-я и 49-я), 18 стрелковых, 12 дивизий народного ополчения, 4 танковые дивизии, 1 укрепрайон, 1 танковая бригада. Оперативное построение фронта — в два эшелона. Двумя армиями (24-я и 43-я) фронт занимал оборону в первой полосе обороны Западного фронта на Рославльском направлении на рубеже по р. Десна от района западнее Ельни по железной дороге Рославль, Кирово в полосе шириной до 100 км. Остальные силы Резервного фронта (31-я, 49-я, 32-я армии) занимали оборону в тылу Западного фронта на рубеже Селижарово—Оленино—Дорогобуж в полосе 220 км в 50—80 км восточнее переднего края первой полосы обороны. 33-я армия составляла резерв фронта, находясь

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

в районе Спас-Деменск за 24-й и 43-й армиями. Оперативная плотность войск Западного фронта составляла: на одну стрелковую дивизию — 11,2 км фронта, на 1 км фронта: танков — 0,9, орудий и миномётов — 6,7, орудий противотанковой обороны — 1,9. Оборона советских войск обеих фронтов носила очаговый характер, была неглубокой (15—20 км) и слабо подготовленной в инженерном отношении»⁴³.

Дочь одного из ополченцев, воевавшего всё на том же Резервном фронте, напишет в своей книге, как её отец сумел в последнем дошедшем до них «письме предупредить о надвигающейся беде, процитировав начало фразы из любимой всеми дома “Конармии” Бабеля: “Есть такая надия, товарищ комиссар, шо не отобьёмся”...Папа написал: “есть такая надия, Мурочка... И мама поняла, что писем больше не будет...”⁴⁴.

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

Надо сказать, что предчувствие не обмануло тогда многих, а 2 октября 1941 года точно по московскому времени в «5 часов 30 минут утра после короткой, но мощной артиллерийской и авиационной подготовки главные силы немецкой группы армий “Центр” перешли в наступление»⁴⁵. Уже «3 октября глубина прорыва немцев на Западном фронте достигла 50 километров, на Резервном — 80, а в полосе Брянского фронта противник преодолел 200 километров и ворвался в Орёл. Брянский фронт, будучи рассечён на ряде направлений, потерял свою боеспособность и, неся потери, разрозненными группами отходил на восток. Над его войсками нависла угроза окружения. Сгущались тучи над Западным и Резервным фронтами, оборона которых была разбита. Обстановка с каждым часом накалялась, а приказа на отход всё не было. Лишь в 19 часов 45 минут начальник Генерального штаба приказал войскам Западного фронта начать отход. Одновременно Ставка приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов»⁴⁶.

Командир комендантского взвода 6-й ДНО (160-й стрелковой дивизии) Б.В. Зылев в ополчение ушёл аспирантом МИИТа, а после войны стал доцентом этого института. На фронте он вёл записи, которые легли в основу его книги «Воспоминания о народном ополчении», изданной очень маленьким тиражом и представляющей библиографическую редкость. Тем не менее именно его записи воссоздают картину трагедии октября 1941 года под Вязьмой, в которой наравне с другими частями и соединениями оказалась 6-я дивизия народного ополчения, а точнее, уже 160-я стрелковая дивизии 24-й армии Резервного фронта.

«Утром 2-го октября мы с Александром Волковым проснулись в своей землянке от какого-то гула, вся земля дрожала».

Артподготовка продолжалась более часа. Немцы перешли в наступление на участке 6-й ДНО и её соседа слева 9-й ДНО. Атаки были отбиты. Штаб напряжённо работал, вокруг рыли окопы.

3 октября. Мойтево.

«Утро... началось вновь артиллерийской подготовкой со стороны немцев».

В это утро артиллерийская подготовка казалась особенно ожесточённой и продолжительной...

Прекратилась часам к 9-ти утра. Но как и накануне, стала слышна пулемётная и автоматная стрельба. Сначала она была слышна на прежнем месте, там, где и в прошлые дни, а потом мы стали замечать, что звуки выстрелов стали перемещаться на восток. Особенно это было заметно на нашем левом фланге против и южнее Ельни.

К середине дня по дороге, которая проходила южнее Мойтево, и по дороге, на которой Мойтево было расположено, стали двигаться отступающие части. Мы не пускали их в деревню, но они обходили её по полю, двигаясь в сторону Волочка и в сторону Вязьмы.

Главная часть отступающих были ополченцы 9-й дивизии (ДНО)...

По звукам было слышно, что линия фронта на нашем левом фланге передвинулась вглубь нашей обороны и проходила несколько восточнее Мойтева»⁴⁷.

Как видно из другого источника, «2-го октября дивизия отбивала атаки немцев во взаимодействии с 139-й стрелковой дивизией (9 дн). 3-го октября немцы прорвав фронт 222-й дивизии 43-й армии, стали заходить в тыл 24-й армии. В то же время атаке немцев подвергся штаб дивизии в деревне Мойтево. Ополченцы начали отход на восток в сторону Угры и далее в Волочѣк, где в то время находился штаб 24-й армии. После выхода в Волочѣк 6-я дивизия народного ополчения участвовала вместе со штабом 24-й армии и другими отошедшими туда бойцами в отражении атаки 78-й немецкой дивизии на Волочѣк. Из Волочка, собравшиеся бойцы, начали вместе с командующим 24-й армией Ракутиным отступление по направлению на Семлево. Всего в этой группе были бойцы 8-й, 139-й, 106-й, 303-й, 222-й стрелковых дивизий, 6-й дн, 144-й танковой бригады, а также бойцы штаба и тылов 24-й армии. 78-я пехотная дивизия немцев преследовала отступавших и в Новосѣлках отрезала им путь. В бою в урочище Гаврюково погиб командующий 24-й армией генерал Ракутин. Прорвавшиеся от Новосѣлок остатки частей подошли к Семлево. Отступающая группа, после боя в районе Семлево, оказалась окружённая немцами в болотистых местах. Выбраться откуда к своим в виде крупных соединений не представлялось возможным. Немцы 7-го октября замкнули кольцо окружения в Вязьме, выстроив к востоку от кольца танковую стену. Выходили из окружения группами по два человека или в одиночку»⁴⁸.

И снова мы возвращаемся к уникальным воспоминаниям ополченца Зылева:

«4 октября. Мойтево.

Утро четвёртого октября было более хмурое, чем в предыдущие дни. Небо стали завлакивать тучи... стал дуть прохладный ветерок.

В этот день артподготовки почти не было, вернее она была очень короткой и сосредоточилась главным образом на левом фланге, где располагалась 9-я ДНО...

После короткой артиллерийской подготовки шум стрелкового боя стал всё явственнее уходить дальше на восток. К середине дня выстрелы автоматов и одиночные орудийные выстрелы стали слышаться юго-восточнее Мойтева...

Немцы всё продвигались на нашем левом фланге, охватывая дивизию, а вместе с ней и штаб в полукольцо... Когда я шёл по улице Мойтево, то видел, как немцы, выходя из Ельни, стали двигаться по полю в сторону Мойтева; таким образом, им осталось до Мойтева меньше километра. По ним стали стрелять бойцы, расположенные в окопах вокруг деревни.

Только я вошёл в землянку и доложил командиру дивизии, что явился по его приказанию, как дежуривший у аппаратов сказал: “Товарищ полковник, командующий 24-й армией вызывает Вас к аппарату”. Командир дивизии взял трубку и, встав по стойке смирно, сказал: “Товарищ генерал, полковник Шундеев вас слушает”. Потом услышали слова: “Есть организовать отход дивизии в район населённого пункта Волочёк и занять в этом районе оборону” На этом разговор был закончен. Тут же полковник Шундеев стал отдавать соответствующие приказы командирам полков и отдельных батальонов. Не знаю, удалось ли командиру дивизии довести приказ об отходе всех наших частей: этому могло помешать и отсутствие связи. Мне было приказано начать погрузку отделов штаба на машины. Но этот приказ стал быстро известен во всех отделах, и штаб через несколько минут уже был на машинах. <...>

Очень скоро машины штаба выехали на большак. Вид этого большака был необыкновенный: по нему в сторону Вязьмы катилась лавина отступающей армии. Тут были тяжёлые орудия, которые тянули огромные тягачи, всевозможные автомашины, конные повозки, артиллеристы и отступающая пешком пехота.

Шоссейной дороги не хватало, поэтому лавина двигалась параллельно дороге по обочинам. Наши машины вклинились в общий поток, который двигался довольно медленно...

До вечера машины штаба, более или менее поддерживали связь между собой, двигаясь в общем потоке отступающей армии. Когда уже стали спускаться сумерки, по указанию какого-то штаба наши машины свернули на просёлочную дорогу, которая отходила в правую сторону от большака. На просёлочной дороге машин было гораздо меньше, но по ней двигались значительные массы людей. Проехав несколько километров, наши машины остановились в какой-то небольшой деревне. Здесь мы должны были ждать дальнейших распоряжений, командир дивизии и начальник штаба уехали куда-то вперёд. В это время погода окончательно испортилась: дул пронзительный ветер, шёл снег с дождём...»⁴⁹

«5 октября, воскресенье...

Командир отделения 160-й стрелковой дивизии (бывшая ДНО) Е.С. Ольшанников вынес из окружения знамя дивизии и два полковых знамени (боевое и шефское). Знамёна были доставлены в представительство штаба в Москве. Поэтому 160-ю стрелковую дивизию не расформировали.

Командир комендантского взвода Б.В. Зылев с подчинёнными воинами спасли штаб этой дивизии в дер. Мойтево, полностью уничтожив немецких автоматчиков»⁵⁰.

«5 октября.

Часа в три утра мы получили приказ двигаться дальше.

Здесь попали под минный обстрел.

Скоро стало светать, погода немного стихла, перестал идти снег и дождь, но дорога стала очень тяжёлой, то и дело приходилось слезать с машины и общими усилиями вытаскивать её из грязи. Ехали мы очень медленно местами не более пяти километров в час. Часов в десять утра мы проезжали через большую деревню. Она носила следы разрушения, видимо, ночью её бомбили немецкие самолёты...

Во второй половине дня мы остановились в небольшом смешанном леске с молодыми, ещё не подростшими соснами... Место это было вблизи от местечка, которое называется Волочѣк...

Через некоторое время на это место стали прибывать части дивизии, прибыла часть полка, где командиром был полковник Оглоблин, прибыли одиннадцать танкеток батальона разведки, прибыл сапѣрный батальон и люди ещё из нескольких частей...

Здесь же в лесу я увидел невысокого роста генерал-майора из штаба 24-й армии. С ним была часть штаба армии и два танка КВ. Мы стали располагаться в лесу, не зная, сколько нам придётся ещё здесь пробыть».

До вечера по лесу отбомбились немцы и пять раз обстреляли «мессершмитты».

«Наступила ночь. Кругом была тишина, лишь вдали слышались какие-то разрывы, очевидно, звуки бомбѣжки... Несмотря на тишину, никто не спал... И вдруг лес огласили десятки автоматных очередей! Немцы подошли к нам с южной стороны. Над нами просвистели пули, кто-то вскрикнул: “Ой, помогите...” и сразу же замолк. Наступила тишина... Немцы перестали стрелять и теперь, вытянувшись цепочкой, стали приближаться к нам.

Вот уже явственно слышны уверенные голоса немецкой команды! Немцы уже совсем близко, до них осталось каких-нибудь 40—50 метров, а наш лагерь затих, мы лежим неподвижно. В ушах звучит уверенная немецкая речь... Раздаются выстрелы. Вдруг из одной из землянок выскакивает человек и кричит, потрясая в воздухе пистолетом: Кто приказал “огонь?”, но его голос тонет в шуме выстрелов. К нам присоединяются и другие, а затем начинают строчить из пулемѣтов танкетки и танки, теперь стреляют все... Немцы отвечают интенсивным автоматным огнѣм, лес озаряется вспышками выстрелов, стоящий рядом танк КВ льѣт огонь горячих искр... Встретив сопротивление, немцы отошли от нашего лагеря метров на сто и стали вести систематический огонь из автоматов. Они зашли

к нам с тыла и обстреляли нас с той стороны, с которой они приблизились к нам сначала. Эта перестрелка продолжалась всю ночь. Запомнился мне здесь начальник штаба полковник Лебедев. У него был единственный в штабе дивизии автомат. Он брал автомат и выползал вперёд за линию нашего огня, подползал к немецким автоматчикам, открывал по ним почти в упор огонь, а затем возвращался обратно. Он уложил за ночь несколько автоматчиков. Один раз, вернувшись из очередной вылазки, полковник был легко ранен в лицо. Он вытер кровь, перевязал рану и вновь повторил свою вылазку. Видел я в ту ночь и полковника Шундеева, он был в подавленном состоянии. Очевидно, его мучили мысли о судьбе дивизии, он думал о тех полках и подразделениях, которые не пришли на место сбора. Несколько раз он выходил из землянки, становился спиной к дереву, лицом в сторону немцев, и так стоял неподвижно, точно ожидая, чтобы какая-нибудь пуля попала в него.

Несмотря на то, что перестрелка велась всю ночь, убитых и раненых у нас было довольно мало...»⁵¹

«6 октября, понедельник...

В боях при форсировании р. Осьмы в районе дер. Таборы под Ельней отличилась санинструктор артполка 160-й стрелковой дивизии (бывшая 6-я ДНО) В.А. Панова. Она отважно действовала под градом пуль и не оставила поле боя даже после тяжёлого ранения. В тех же сражениях героически погиб командир этой дивизии полковник А.И. Шундеев. Он был из тех, кто лично водил в атаку. Этот замечательный человек до войны преподавал в Военной академии имени М.В. Фрунзе и написал книгу “Разгром Колчака”»(52).

«6 октября.

Как только начало светать, немцы прекратили стрельбу и отошли от нашего местоположения. Мы ждали, что они вернутся, но они не показывались. Было решено садиться на машины и двигаться в сторону Москвы. Перед тем, как двинуться в дальнейший путь, перед нами выступил генерал-майор, о

котором я говорил выше. Я помню, как он говорил, что немцы стараются вызвать панику, больше я ничего не помню. Через несколько минут после того, как мы покинули лесок, в котором провели вторую бессонную ночь, мы выехали на дорогу и с неё увидели, как группа “хейнкелей” сбросила в районе этого леска бомбы, но нас уже не было. Сначала мы проехали по просёлочной дороге, здесь нас обстреляли из миномётов. Откуда стреляли, мы не разобрали и постарались скорее проехать это место... Вскоре мы попали на большак, наверное тот, по которому мы ехали день перед этим. Он был забит машинами и людьми. Поток был настолько велик, что местами трудно было определить, где проходит дорога, так как машины ехали по обочинам и по прилегающим полям... Дорога становилась всё хуже, шёл мокрый снег, который, падая на землю, таял, и дорога, особенно на обочинах, состояла из еле проходимой грязи... Иногда попадались брошенные тягачи с орудиями. Они загораживали шоссе и сильно затрудняли и без того тяжёлый путь. В одном месте мы видели печальные результаты бомбёжки дороги немецкими самолётами. Это была картина современной войны: на большом участке шоссе у развилки дорог валялись искалеченные перевёрнутые машины, лошадиные туши и трупы людей. Само шоссе было покрыто воронками, ещё не потерявшей свой цвет кровью, лужами воды и бензина, вылившегося из разбитых машин. Проехать по этому участку шоссе было невозможно...

Тут мне пришлось увидеться с полковником Лебедевым. Он был на ногах, но лицо его было забинтовано, а глаз со стороны ранения не открывался. Он сказал, что командующий, отсутствовавший под Волочком, находился в одной из дивизий 24-й армии.

В этот день нас не бомбили и не обстреливали немецкие самолёты. Почему это было так, об этом мы тогда не задумывались, но сейчас можно сказать, что их очевидно устраивало направление нашего движения»⁵³.

Как вспоминает Зылев, теперь они впервые в своей жизни познакомились с новым для них словом — «окружение»: «Теперь все наши мысли были направлены на то, чтобы вырваться из окружения. Все ловили малейшую возможность продвинуться вперед. Иногда машины приходили в движение, ехали километр или даже два. Тогда настроение у всех поднималось, говорили, что, очевидно, удалось прорвать окружение, и что мы теперь вырвемся из него»⁵⁴.

Б. Беленкин называет окружение не иначе как замкнутым пространством. «Что означала эта “замкнутость”? — пишет он. — Невозможность обороняться (заканчивались боеприпасы); голод (невозможность раздобыть пищу, к тому же в условиях рано наступившей зимы, т.е. рано выпавшего снега); вынуждение к постоянной смене места дислокации (к чему побуждали — непрерывные, в течение всех дней существования ещё хоть в какой-то степени боеспособных частей — непрерывные: танковые атаки, бомбёжки и артобстрел противника), и потому невозможность хоть как-то согреться, обсушиться в условиях непрекращающихся: дождя, мороси, снега... Боевые порядки нарушены, воинские части перемешались. Москвичи-ополченцы (в возрасте от 17 до 55 лет) оказались рядом с солдатами-призывниками, последние же по своему социальному происхождению в основном крестьяне. Полуграмотные парни, с одной стороны, более приспособленные к выживанию в походных условиях, с другой — вовсе не горящие столичным патриотизмом. С неба — листовки про “жидов и комиссаров”. — А жида-интеллигенты и коммунисты — их рядом в избытке... — ополченцы! В замкнутом пространстве вязминского котла много чего обнаруживалось. Среди прочего, насколько эфемерным может быть понятие “свои-чужие” (имеются в виду массовые случаи выдачи оккупантам своих товарищей по плену — евреев и коммунистов). Оказалось, что свои могут оказаться столь же опасны, как и враг!.. Для большинства — эти “обнаружения”, эти открытия стали предсмертными»⁵⁵.

ДОКЛАД ДИВИЗИОННОГО КОМИССАРА

Доклад дивизионного комиссара К. Абрамова о боевых действиях 24-й армии в период с 26 сентября по 14 октября 1941 года, куда входила 6-я дивизия народного ополчения, ставшая 160-й стрелковой, на сегодняшний день является самым ценным документом:

«Генеральный штаб Красной Армии

№ 647

10.03.1942

генерал-майору тов. Шевченко

По окончании Ельнинской операции из 24 А ушли на переформирование ставшие гвардейскими 100 сд (1-я гвардейская), 107 сд (5-я гвардейская), 120 сд (6-я гвардейская), 127 (2-я гвардейская), а также 102 тд, 303 сд, два артполка РГКА и дивизион РС.

Состав армии остался: 6 сд и 9 сд (дивизии московского ополчения, пополненные по штатам дивизий военного времени, не бывшие в боях), 19 сд, 309 сд, 103 мд (двухполкового состава), 106 мд (двухполкового военного времени, не бывшие в боях), 19 сд, 309 сд, 103 мд (двухполкового состава), 106 мд (двухполкового состава) старые дивизии, участвовавшие в боях за Ельню.

Следует отметить, что указанные четыре дивизии имели значительные потери в предыдущих боях за Ельню и к описываемому времени не успели ещё пополниться, в силу чего количество активных штыков в полках не превышало 200—400.

24 А имела собранного отечественного оружия 24000 винтовок, была послана заявка во фронт на пополнение, которое ожидалось в ближайшие дни.

Части армии, выйдя за Ельню, занимали рубеж по р. Устрою—Н.Тишево—Леоново, в следующем порядке: справа 309 сд, 103 мд, 19 мд, 19 сд; 9 сд находилась во втором эшелоне, занимая район обороны Ушаково—Ельня—Б.Липня—Клематина; 106 мд стояла в резерве (д. Рябинки). Штаб армии — д. Мархоткино. Запасный КП и второй эшелон штаарма — д. Волочёк. Станция

снабжения и тыловые базы, а также запасный полк — ст. Спас-Деменск.

Справа 24 А обороняла рубеж 20 А, слева — 43 А, между 43 А и 24 А существовал локтевой разрыв 8—10 км, прикрытый сапёрным батальоном 9 сд. Противник имел против этого разрыва до полка пехоты, однако себя ничем не проявлял, занимая оборону.

В двадцатых числах сентября части продолжали вести небольшие наступательные бои. А в конце сентября перешли к обороне. После Ельнинской операции противник на фронте 24 А активности не проявлял, отвёл основную массу войск на фронт 43 А и в свой тыл, оставив против 24 А, по данным разведки, четыре стрелковые дивизии, которые вели оборонительные бои и строили оборонительные сооружения.

Из данных авиаразведки нам ещё 27—28.09. стало известно о том, что немцы перебросили танки (до 300 штук) с фронта 24 А на Починок и далее на Рославльское направление. Одновременно стало известно о подходе со стороны Смоленска значительного количества мотопехоты, танков и артиллерии. С 26—27.9. стал сильно чувствоваться нажим противника на правый фланг 43 А.

29—30.09. противник подвёз свою артиллерию на передний край обороны и 1.10. в 6 ч. 30 мин начал внезапную, ожесточённую артподготовку по всему фронту 24 А, продолжавшуюся целые сутки с небольшими перерывами и захватившую тактическую глубину в 4—5 км. При этом артиллерия противника была подтянута к переднему краю настолько близко, что даже днём с нашей стороны были ясно видны вспышки от выстрелов и орудий. Наша артиллерия отвечала на огонь противника не в должной мере, так как не было снарядов. Например, 103 ГАП РГКА майора Асатурова, приданный 19 сд, имел суточную норму 80 снарядов.

Генерал-майор Ракутин, беспокоясь за свой левый фланг, вывел первый МП, 106 мд с АП 106 мд (командир майор Башил-

К.И. Ракутин

кин, сейчас командир 306 АП) для прикрытия левого фланга армии в районе Передельники-Шатьково с задачей обороны этого района.

2.10. в 10.00 противник бомбил шестью самолётами штаб 24 А; потери 15 раненых. Штаб остался на месте. В это же время на фронте 24 А на ряде участков, особенно на участке 19 сд, немцы перешли в наступление. 2.10. заканчивалась смена частей 303 сд (уходившей в другую армию) 9 сд; последняя почувствовала сразу очень большой нажим немцев на свой левый фланг.

В тот же день, т.е. 2.10., противник прорвал правofланговую 222 сд 43 А и начал выходить на левый фланг 24 А. Один батальон 9 сд, 1 МП с АП 106 мд в районе Холм—Шатьково приняли ожесточённый бой. 3.10. нажим пехоты противника с танками усилился в полосе 19 сд, угрожая прорывом. Немцы вели наступление большими массами, двигаясь густыми строями. Наши войска оборонялись очень упорно; имея малочисленный состав, ведя кровопролитные бои, продолжали удерживать рубеж.

Решением ВС 24 А, чтобы предупредить прорыв фронта, в ночь на 4.10. на помощь 19 сд был введён из резерва второй полк 106 мд, под командованием майора Апанасенко. Ночью же полк перешёл в контрнаступление и вместе с частями 19 сд удерживал позиции, переходя в неоднократные контратаки, до вечера 5.10.

Бои двух дней (4 и 5.10) были исключительно тяжелые и кровопролитные. Полки отстаивали буквально каждую пядь рубежа. На фронте 19 сд создавался типичный многослойный пирог, когда обе стороны, отрезав друг друга от основных сил, вели пе-

реходящие бои столь большой маневренности, что неожиданно появлялись у штабов, в тылу, с флангов.

315 СП капитана Лузина несколько раз полностью терял связь с батальонами и снова её восстанавливал. Взвод охраны штаба этого полка принял бой с ротой немцев, непосредственно на КП и всю её истребил. Комиссар полка старший политрук Халтаев был убит в бою. В этом же бою погиб начальник штаба 19 сд полковник Богуславский.

Потери с обеих сторон были очень большие. К вечеру 4.10. перестал существовать 32 СП 19 сд майора Шитова. От полка остались несколько человек, которые примкнули к своему левому соседу 315 СП. Майор Шитов и комиссар Гольчинский погибли в бою. Во второй половине дня 5.10. истёк кровью 103 СП майора Пери; командир полка и комиссар полка старший политрук Иванеев были убиты в бою. Однако фронт армии продолжал держаться.

Стойкость бойцов и командиров, о чём я говорю без всякой опасности преувеличения, была настолько высока, что 282 СП майора Макагонова, приняв на себя удар танков и пехоты противника, в несколько раз превосходившего численно, 5.10. опрокинул немцев, истребив их почти полностью. Полк захватил почти 50 человек пленных, станковые пулемёты и другие трофеи и одним батальоном форсировал р. Стряну, на противоположном берегу которой были возведены значительные вражеские укрепления. 4.10., в третий раз, части 9 сд взяли Леонове и закрепились в нём, продержались до вечера 5.10. и только в ночь на 6.10. начали отходить на новый рубеж, согласно приказа. Эти бои правдиво описаны военным корреспондентом — политруком В. Величко в “Правде” за 20.10.

В то время как войска армии удерживали рубеж, противник, наступая с района 43 А во фланг и тыл дивизиям 24 А, дерущимся за Ельней, занял Б. Липня, д. Рябинки, Клемятино, ст. Коробец. 9 сд оказалась в мешке, имея только один узкий выход за Ельню вдоль фронта.

5.10. 8 сд (бывшая дивизия народного ополчения) 32 А с ходу на марше была подчинена ВС 24 А, который решил прикрыть ею левый фланг армии за линией железной дороги Ельня—Спас-Деменск. Одновременно на левый фланг был брошен армейский сапёрный батальон, а резервному фронту был послан запрос о разрешении использовать 303 сд, двигавшуюся на марше в Спас-Деменск для погрузки в эшелоны. Разрешение не было получено, и 303 сд продолжала своё движение.

5.10. сильно потрепанная 9 сд, выйдя из мешка, заняла фронт линии обороны г. Ельня по линии Леонидово; 1 МП 106 мд с АП занял оборону юго-восточнее 2 км Ельни; 19 сд продолжала удерживать рубеж 2—3 км западнее Ельни. 103 мд и 309 сд продолжали занимать прежние рубежи, не отходя ни шагу. Во второй половине 5.10. 309 сд вынуждена была сменить КП, оттянуть артиллерию к железной дороге. Расположившись в совхозе «Отрадное» организовала огневой артнаёт на противника и за огненным валом контратаковала и отбросила немцев на исходные рубежи.

Войска продолжали упорно обороняться, создавая полукольцо обороны на левом фланге, вокруг города Ельни, с центром на юго-запад. Штабы 106 мд, 19 сд и 9 сд сосредоточились в г. Ельне — районе кирпичного завода. Вторые эшелоны и тылы дивизии в значительной мере были отрезаны противником от войск и штабов дивизий. Дорога Ельня—Мархоткино через Ярославец была занята противником. Группы немецких танков прорвались через боевые порядки нашей пехоты и подошли к самому противотанковому рву, что на западной окраине Ельни, но встреченные артиллерийским огнём возвращались обратно.

Тылы 9 сд, 19 сд начали отход на д. Волочёк просёлочными дорогами, восточнее основного большака Ельня—Волочёк—Семлево. В тот же день, 5.10, противник вышел в районы Пожегино—Б.Прихабы—Метяжково—Заборье—Мархоткино. <...>

Штаб 24 А вынужден был перейти на запасный КП — д. Волочёк. Связь в это время с дивизиями, за исключением 8 сд и

6 сд, осуществлялась только по радио. 8 сд, направленная для прикрытия левого фланга 24 А, не смогла удержать противника на ширине фронта в 20 км Ельня—Коробец, последним была растрепана, и немцы, продолжая атаки, двигались в тыл войскам, дерущимся за Ельню.

Генерал-майор Ракутин 5.10. принял решение усилить прикрытие левого фланга и приказал 6 сд, 103 мд, 309 сд держать фронт армии, заняв дополнительно участки 19 сд и 9 сд.

106 мд, 19 сд, 9 сд было приказано произвести перегруппировку и занять рубежи, выбив противника из населённых пунктов: 9 сд — Леоново—Б.Липня—Мутище, 106 мд и 8 сд — Мутище—Теренино, 19 сд прикрыть штаарм Б.Холм—Подмошье. К этому времени начался стихийный отход обозов 6 сд, 8 сд и 9 сд, заполнивших дорогу Ельня—Подмошье. Приказа, куда отводить обозы, не было, и они тянулись по собственному усмотрению на Семлево.

Отдавая боевой приказ, генерал-майор Ракутин предупредил командиров дивизий о том, что приказ на отход армии отдан не будет.

В период перегруппировки 9 сд, 106 мд, 19 сд на новое направление штабы дивизий оказались во время марша отрезанными от своих войск в силу того, что прибывали на новое направление раньше полков. 6.10. между дивизиями и полками продвинулись немецкие батальоны пехоты с танками. Противник не давал возможности полкам 9 сд, 106 мд и 19 сд оторваться для выполнения новой задачи, и они вынуждены были, отходя, согласно приказу, вести ожесточённые бои в кольцевом окружении. 6 сд, принимая ранее созданный район обороны, не могла его удерживать в силу того, что все оборонительные рубежи были построены фронтально, не имели отсечных позиций и в силу того, что противник на эти рубежи наступал с тыла. К вечеру 6.10. 24 А, истекая кровью, ведя жестокие бои, уже потеряла большинство своего состава полков, которые полегли на обороняемых рубежах за Ельней. Продолжали оставаться лишь небольшие груп-

пы — остатки полков, объединявшиеся вокруг штабов дивизий. Тем не менее 103 мд и 309 сд всё ещё продолжали стоять на своих прежних рубежах, отбиваясь от окружавшего их противника. Штаб 106 мд с АП принял бой под д. Ушаково и вёл его в течение суток. Также вели бои штаб 9 сд — в районе Пожогоино, штаб 19 сд — в районе Барсуки.

В итоге этого дня — 6.10. — противник вышел по направлению на Дорогобуж — через Барсуки, Ушаково, Б.Холм, Подмошье, Афонино, Рослово, Спас-Деменск, Б.Каменка—Грядки, Путьково—Б.Староселье, Акулово—Преображенское, Волоста—Пятница—Лосьмино. Штаб 24 А оказался отрезанным от частей и от Семлева, имея за спиной р. Осьма с топкой поймой, вынужден был с остатками 9 сд, 8 сд, 6 сд, армейскими частями, таковой группой, большим количеством тяжёлой артиллерии и тылов отходить с боями на Семлево по дороге Волочѣк—Семлево. Описать отход штаарма и его дальнейшее движение я затрудняюсь, так как в то время был в бою под Ушаковым со штабом 106 мд.

Утром 7.10. штаб 106 мд, получив приказ отходить на Семлево, вместе с АП и частью одного из стрелковых полков, начал движение по направлению на Дорогобуж. Такой же отход начали штабы 19 сд с одним СП и 103 сд. Дорогобуж к тому времени был уже частично занят немцами с восточной окраины, а другая его часть обстреливалась из миномѣтов и группами автоматчиков. По той же дороге — Дорогобуж—Семлево—Вязьма — отходили все части 20 А и части 20 А и части войск 19 А. Таким образом, части 24 А начали отход по двум дорогам. Штабы 103 мд, 106 мд, 303 сд, 19 сд по дороге через Дорогобуж на Семлево. Штабы 6 сд, 8 сд, 9 сд, армейские части, тылы дивизии — по дороге Волочѣк—Семлево. При переправе у Дорогобужа через р. Осьма скопилось колоссальное количество артиллерии, обозов, автомашин, повозок. Несмотря на воздействие с воздуха, войска всё-таки довольно долго организованно переправились, взяв направление по дороге на Семлево. В лесах после перепра-

вы они привели себя в порядок. Паники в этот момент в войсках не наблюдалось. Однако произошло совершенно ненормальное явление — во главе движения оказались автомашины, обозы, артиллерия. Весь этот поток двигался через Семлево на Вязьму, сзади двигалась пехота. Когда я говорю о стрелковых полках и дивизиях того времени, то вновь подчёркиваю, что в результате непрерывных боёв пехоты осталось очень мало. В большинстве полков насчитывалось 50—100 активных штыков, если не считать 2—3 полнокровных дивизий 20 А, которые шли в порядке. Большинство двигавшейся артиллерии было без снарядов, а тракторы оставались без горючего (без солярки). 7.10. Противник окончательно занял Дорогобуж и Волочѣк, к вечеру повёл наступление на Семлево с юга, выходя на большак Семлево—Вязьма. В это время 309 сд только ещё начала отход в направлении Дорогобужа. Она пыталась штурмом прорваться через этот город и произвела несколько атак. Основная масса людей 309 сд полегла на окраинах Дорогобужа, в том числе командование дивизией и командование полков. Прорвалось ночью только около 180 человек.

В 16.00 7.10. генерал-майором Котельниковым, мною и полковником Утвенко, командиром 19 сд, была организована оборона Семлева, для того чтобы пропустить войска и артиллерию, двигавшиеся из Дорогобужа и Помощья через Семлево вперёд для прорыва окружения, в сторону Вязьмы.

Майор Асатуров — командир 103 ГАП, майор Башилкин — командир АП 106 мд прикрывали отход войск артиллерии огнём. Остатки 19 сд, армейский сапѣрный батальон и другие группы армейских войск заняли оборону Семлева и продержались до 24 часов 8.10. Наряду с подлинным героизмом и полнейшим хладнокровием таких командиров, как Асатуров, Башилкин, должен отметить исключительную недисциплинированность другой части командиров. Например, у Семлева шесть артполков самовольно снялись и ушли в самую критическую минуту, оставив пехоту без артиллерийской поддержки. Так же самовольно

снялись и ушли отдельные батальоны, и за Семлево дрались фактически одни части 19 сд и орудийные расчёты Башилкина и Асатурова.

В ночь с 7 на 8.10 в Семлево прибыл ВС и штаб 32 А с батальоном охраны, двигавшейся на Мало-Ярославец для получения новой задачи. Мною и генерал-майором Котельниковым было предложено ВС 32 А организовать совместно прорыв в направлении Вязьмы. Однако ВС 32 А было принято решение выполнять ранее имеющуюся задачу и попытаться проскочить самостоятельно севернее Вязьмы, куда они и отправились.

В 16.00 8.10. в Семлево прибыл начальник штаба 24 А генерал-майор Кондратьев с частью штаба и двумя десятками автомашин. Генерал-майор Кондратьев взял на себя командование обороной Семлева, имея телефонную связь с генерал-майором Ракутиным, двигавшимся со штабом армии и частью войск на Семлево.

В 17—19 часов 8.10. штабом 24 А был получен приказ командующего 20 А, которым указывалось, что 24 А подчиняется ВС 20 А, который организует выход войск из окружения. Командующий 20 А, генерал-лейтенант Ершаков приказал организовать прорыв, имея круговую оборону такого порядка: 20 А прорывает на фронте Вязьма — Волоста — Пятница, 24 А — на фронте Волоста — Пятница — ст. Угра. Хочу отметить, что идея организации прорыва на очень широком фронте не могла иметь успеха. Это решение принималось без учёта реальных войск, в расчёте на якобы полнокровные цельные дивизии, и не учитывалось, что дивизий фактически не было, а были штабы, имеющие отдельные, очень малочисленные полки.

Вторая ошибка генерал-лейтенанта Ершакова заключалась в том, что он, пренебрегая разведкой, не приведя войска в порядок, решил осуществить прорыв с ходу. Войска, так или иначе вырвавшиеся из окружения, не выполняли приказов, не расширяли и не закрепляли прорыва, а стремились во что бы то ни стало скорее уйти. В силу этого бросали артиллерию и обозы, а последние

боясь отстать, устремлялись вперёд пехоты, загромождали дороги и вязли в болотах.

Вместо организованного удара на прорыв, в полном беспорядке, южнее Вязьмы в районе Селиваново—Панфилово, Молошино, ст. Стогово, Подрезово, Гредякино в одну кучу скатились и перемешались остатки войск трёх армий: 19 А, 20 А, 24 А — преимущественно артиллерия, обозы и спец.части.

Генерал-майор Ракутин и его часть штаба тем временем продолжали прорываться в Семлево. Генерал-майор Кондратьев с другой частью штаба, находящейся в Семлево, имел связь только со штабом 106 мд и со штабом 19 сд. Таким образом, 24 А не могла занять направлений, указанных в приказе генерал-лейтенантом Ершаковым. Вечером 8.10 была получена радиogramма генерала армии Жукова, приказывавшего держаться компактно и прорываться через Вязьму на Гжатск. Больше никаких телеграмм и других указаний, а также и грузов штаармом 24 и войсками получено не было.

Вечером с 22—23 часов 8.10. немцы, прорвав оборону севера, через ст. Семлево вышли на северную окраину посёлка Семлево. Генерал-майор Кондратьев с частью штаба 24 А вынужден был под давлением противника перейти на новый КП в район д. Молошино.

Утром 9.10., следуя за 139 сд, 24 А, ввязавшаяся в бой с противником часть штаба, возглавляемая генерал-майором Кондратьевым, оказалась в кольце немцев в районе Панфилово. Дальнейшая судьба этой группы штаарма и судьба штаба армии, шедшего с генерал-майором Ракутиным, мне неизвестна, так как в это время я находился в бою вместе с полковником Утвенко, командиром 19 сд, организуя прорыв войск в направлении Селиваново. Начальник штаба генерал-майор Кондратьев с работниками штаба оставались позади нас, и как они действовали, я не знаю.

В районе Панфилово прорыв войск, состоящих главным образом из артиллерии и обозов, организовал генерал-майор Ко-

тельников. Его целью было вывести артиллерию, которой здесь скопилось огромное количество. Было предпринято семь атак, часть артиллерии и пехоты прорвалась и ушла из окружения, но большая часть осталась, в силу недисциплинированности многих командиров, стремившихся прорваться самостоятельно, а также ещё и потому, что отсутствовали снаряды и горючее для тракторов. В последней атаке 14.10. генерал-майор Котельников был убит. В лесу остались небольшие группы войск и отдельные люди, организующиеся для выхода мелкими группами. По сообщению комиссара штаба 9 сд, старшего политрука Нехаева в этом районе также погибли командир 9 сд, генерал-майор Богданов, и комиссар 9 сд, бригадный комиссар Прохоров.

ВС 20 А организовал прорыв в направлении Борзя—Алексеевское. Сам ВС находился северо-восточнее 10 км, вместе со штабом ушёл на Запад, в направлении Подрезово—Молошино. Куда он девался впоследствии, мне неизвестно.

В лесу, восточнее Гредякино, мною были встречены раненые член Военного совета 24 А дивизионный комиссар т. Иванов и замкомвойск по тылу 24 А генерал-майор Циркович. Они могут подробно изложить действия штаба 24 А и 20 А, так как до района Семлево следовали со штабом 24 А, а с района Семлево со штабом 20 А, где и были ранены (дивизионный комиссар Иванов сейчас находится в Новосибирске, адрес: Красный проспект, 37).

Из сообщений бойцов и командиров 20 А, которых я встречал, выяснилось, что последний раз его (имеется в виду генерал Ракутин) видели в 6 км восточнее Семлева. С ним следовали майор Мошин и ряд других работников штаба. Куда они девались впоследствии — сказать не могу.

Бригадный комиссар Берёзкин — комиссар штаба 24 А был тяжело ранен по дороге Волочёк—Семлево. По рассказам очевидцев, генерал-майор артиллерии Машенин, не доходя Семлева, был ранен в обе ноги и застрелился. Дивизионный комиссар Князев — комиссар тыла 24 А, генерал-майор Сиваев — начальник ВОСО 24 А двигались в ВС 20 А.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

О генерал-лейтенанте Лукине ни от кого и ничего не слышал ни в период боёв, ни в период выхода из окружения.

Вышли из окружения ряд работников штаба 24 А, в частности начальник штаба генерал-майор Кондратьев, который сейчас работает начальником штаба 33 А.

Из войск вышли из окружения остатки 19 сд, 106 мд, 9 сд, выведен полностью артполк РГКА 24 А, значительная часть тылов и станции снабжения.

Мне осталось сделать лишь несколько выводов, чтобы закончить освещение затронутого Вами вопроса из действий 24 А после Ельнинской операции до нового формирования:

Первое: 24 армия полегла, обороняя свой рубеж; второе: остатки частей армии начиная с 7.10. отходили согласно по приказу, с непрерывными боями.

Член Военного совета 24-й армии Дивизионный комиссар (К. Абрамов) 9.03.42 г. Г. Тула.

ПС.

Описываемый период я работал Начальником политотдела 24 А. Освещение событий, указанных в этой записке, сделано мною по пометам. Оно не может быть полным, так как я брал лишь те события и районы действий, в которых был и участвовал лично.

Со 2—5.10. я находился в боях за Ельней, с 5 на 6.10. — в штаарме д. Волочѣк, 6.10 — в бою под Ушаково, 7.10. с утра — на переправе Дорогобуж. 7—8.10. — на обороне Семлева, 9—14.10. — в боях под Селиваново...»⁵⁶

БОГОРОДИЦКОЕ ПОЛЕ

Изучая многочисленные источники, проливающие свет на «Вяземское окружение», трудно не заметить очевидного: это была совершенно невиданная по своему масштабу и трагедии военная катастрофа:

«7 октября противник силами 56-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы с севера, 46-го и 40-го моторизованных корпусов 4-й танковой группы с юга и востока прорвался к Вязьме и окружил 19 стрелковых дивизий, 4 танковые бригады 19-й, 20-й, 24-й, 32-й армий и группы Болдина, образовавших так называемый “Вяземский котёл”. Окружённые войска вели в районе Вязьмы упорные бои до 13 октября, сковав значительные силы противника. Часть их, 12 октября прорвав фронт окружения, с боями вышла на Можайскую линию обороны. Правое крыло Западного фронта (22-я, 29-я и 31-я армии) к 10 октября заняло рубеж Осташков—Ельцы—Сычёвка, передав на Можайскую линию обороны семь дивизий.

10 октября войска Западного и Резервного фронтов, не попавшие в окружение, были объединены в один Западный фронт»⁵⁷.

Последнее упоминание о 6-й дивизии народного ополчения (160 сд) в книге «Московская битва в хронике фактов и событий» за октябрь месяц зафиксировано датой 9 октября (четверг):

В районе Богородицкого поля

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

«Заместитель командира 6-й гаубичной батареи 973-го артполка 160-й стрелковой дивизии (6-я ДНО) В.Г. Титов (будущий известный художник) приказал атакованной со всех сторон батарее занять круговую оборону. Титов умело применял методы “перекатов” и в предыдущие дни уничтожил два бронетранспортера противника. В этом бою ранен в ногу»⁵⁸.

Осенью 2011 года, семьдесят лет спустя, свой визит на Смоленщину группа ветеранов и молодых специалистов МИД начала с Вязьмы и Богородицкого поля:

«Здесь 11 октября 1941 года части четырёх армий — 19, 20, 24 (в её составе сражалась 160 сд — бывшая 6 ДНО), 32 — пытались вырваться из окружения. Общее командование осуществлял Ф.М. Лукин. 85 тысячам человек удалось выйти из окружения. На полях боёв остались около 400 тысяч, а 685 тысяч человек попали в плен (по данным немцев). Сотни тысяч людей ценою своих жизней удерживали врага, сковывая силы фашистов на подступах к Москве. Об этом рассказывал И.Г. Михайлов, научный сотрудник историко-культурного заповедника “Хмелита”

Далее путь лежал в Дорогобуж, деревни Озерище и Ушаково, город Ельня. В деревне Озерище уже 18 июля 1941 года ополченцы отражали воздушный десант, сброшенный фашистами на штаб дивизии. А в августе-сентябре 1941 года в этих краях шли ожесточённые бои за ликвидацию “Ельнинского выступа” немцев — это была одна из первых побед советских войск...

В районе деревни Ушаково, где в сентябре-октябре 1941 года проходили жестокие бои, делегация возложила цветы к братской могиле, где недавно состоялось захоронение 240 найденных останков воинов, из них только у 29 удалось установить имена благодаря обнаруженным медальонам...»

Представители общественности МИД России до этого дважды были на Смоленщине: в 2008 и 2009 годах. В первую поездку в деревне Озерище был установлен памятный крест с табличкой: «Вечная память дипломатам НКВД — бойцам Московской

стрелковой дивизии народного ополчения, павшим в 1941 году. От благодарных потомков»⁵⁹.

К слову сказать, «из 12 июльских дивизий московского народного ополчения 1941 года 9 погибли на Смоленщине: 1-я, 2-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 13-я, 17-я. 18-я продолжала сражаться на Московской земле и две — 4-я, 21-я — на Тверской (Калининской), Московской и Калужской землях»⁶⁰.

Если говорить о 6-й ДНО, или 160 сд, то к 31 августа 1941 г. её численность составляла 9791 человек, а после выхода из окружения к 13 октября 1941 г. — 1050⁶¹. Цифры, безусловно, говорят сами за себя. Но есть и ещё одна, более поздняя:

«По призыву т. Сталина о создании народного ополчения, начиная с 5 июля 1941 г., начала своё формирование 160 сд, которая называлась 6-я стрелковая дивизия народного ополчения (6-я ДНО) Дзержинского района г. Москвы. Старший командный состав дивизии был из запаса, средний комсостав из школы лейтенантов. Личный состав состоял из трудящихся Дзержинского района: рабочих фабрик и заводов, научных работников учебных заведений, сотрудников НКВД и НКВД, деятелей искусства, работников печати и т.д. После боёв за г. Ельня и взятия ряда населённых пунктов дивизия перешла к обороне. Противник со 2 по 5 октября перешёл в наступление и фланговым ударом отрезал состав этой дивизии от тыла, части 160 сд вынуждены были разрозниться, в результате чего дивизия как боевая единица перестала существовать. Часть командного состава в количестве 68 человек составили костяк, на базе которого и была вновь сформирована 160 сд»⁶².

По мнению В. Кулакова, директора историко-культурного музея «Хмелита», у немцев были все сведения о расположении наших частей у Вязьмы. Вот что записала обозреватель «Известий» Н. Иванова-Гладильщикова в октябре 2003 года во время беседы с Кулаковым:

«11 октября 1941 года на Богородицком поле советские войска предприняли попытку массового прорыва знаменитого

Вяземского окружения, из которого вышли 85 тысяч человек. Из-за того что приказ был отдан слишком поздно, в плен попали 688 тысяч солдат и офицеров. Виктор Кулаков, считающий эту трагедию одной из самых страшных в мировой истории, решил создать военный мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов в селе Богородицком. Главным экспонатом музея станет старая немецкая карта. — Как к вам попала немецкая оперативная карта? — Во время последнего Грибоедовского праздника житель Вязьмы Владимир Колесников подарил музею в Хмелите немецкую оперативную карту-пятивёрстку района Вязьмы, размеченную 25 сентября 1941 года (она — одна из девяти). На ней красной тушью нанесено местоположение всех частей советской армии. Когда я её разглядел, то подумал: если бы наши знали, насколько они были «просвечены»! И насколько умело действовала немецкая разведка, которой были известны все без исключения аэродромы в районе Вязьмы, танковые части, оборонительные укрепления, укрепления... Карта эта совершенно уникальная. — Как она сохранилась? Ведь Вязьма была сожжена. — В доме № 86 по улице Комсомольской, где в 1941 году жил дед Володи Колесникова, был расположен немецкий штаб. То ли дед припрятал эту карту, то ли немцы её там оставили... Существование этой карты неопровержимо доказывает: за неделю до начала операции «Тайфун» у немцев были исчерпывающие сведения об этих местах. — На карте отпечатано, что она 1935 года... Что это значит? — Совершенно верно. Я уверен, что без предательства её сделать было нельзя. А для музейщиков она представляет дополнительную ценность: на ней нанесены все уничтоженные населённые пункты. Показаны даже деревенские улицы: видно, что деревня Доманово шла буквой «Г», Мартюхи — вдоль дороги... Богородицкое — тоже. Не могли же немцы сделать в 1935 году аэрофотосъёмку на чужой территории! Значит — предательство. Или блестящая работа разведки. Я знаю эти места и могу сказать, что карта удивительно точная: отмечено

всё — высоты, колодцы, церкви... — Она станет экспонатом нового музея? — Безусловно. Это будет экспонат номер один. Я уже представляю, как поеду в специальную мастерскую и закажу рамку в духе 30-х годов. Мы спрашивали в Музее Великой Отечественной войны — таких карт там нет. Не уверен, что они сохранились и у немцев. — Благодаря этой карте немцы просчитывали каждый свой шаг... — Ну конечно! К тому же у наших войск не было хорошей связи. По свидетельству участника событий, который до сих пор жив, наши солдаты бегали по лесу и спрашивали: ты откуда? Где немцы? Были потеряны связь, управление... Люди тысячами стали сдаваться в плен. — Когда откроется мемориал и каким он будет? — Это должно произойти к 60-летию Победы. — 9 мая 2005 года. Времени осталось мало... Во-первых, мы создаём военно-мемориальное кладбище в районе села Богородицкое, где произошёл прорыв. Выход из окружения осуществлялся по двум направлениям — между деревнями Доманово и Пекарёво. Ширина этого прорыва была 3—3,5 километра. 2 октября 1941 года началась немецкая операция «Тайфун» — самая крупная операция с обеих сторон в мировой истории. Это было стремительное наступление германских войск, ставшее началом битвы за Москву. 11 октября Гитлер, встречаясь с японским послом, сказал ему, что на днях берёт Москву. В этих боях погибло не менее 200 тысяч. 6—7 октября немцы взяли Вязьму и завершили окружение. Наш выдающийся генерал Михаил Фёдорович Лукин получил приказ Ставки совершить прорыв, выход из кольца. Выход из окружения был назначен на 11 октября. Они прорывались треугольником, образованным двумя дорогами, и проект мемориала подразумевает устройство дороги памяти. На дороге Вязьма—Хмелита мы хотим поставить художественные щиты, которые рассказывали бы об этой трагедии. А в одном из сохранившихся флигелей усадьбы Богородицкое — свидетельницы трагедии — мы собираемся устроить музей, посвящённый событиям октября 1941 года. В вяземской земле лежат тысячи погибших.

Совсем недавно проходила “Вахта памяти” Найдены останки ещё 427 человек. В июле мы две недели работали в Богородицком и подняли 38 воинов, из них 24 — с медальонами. К сожалению, удастся прочесть только 14 имён, часть медальонов деревянные, и они истлели. — Эти люди числились пропавшими без вести... — В том-то и дело. Поэтому наша обязанность — установить как можно больше фамилий. Как сказал писатель Борис Васильев, ВСЕ эти люди были героями. И те, кого убили, и те, кто сдался в плен... Перед такой чудовищной силой ничего нельзя было сделать. Но кровью именно этих людей была спасена Москва. И мы хотим, чтобы их помнили...»⁶³.

К слову сказать, мемориал на Богородицком поле был открыт к 60-летию победы в 2005 году. В центре мемориала установлена стела, а над самим полем стоит мрачная тишина... Теперь там периодически проходят захоронения останков советских воинов, которые находят поисковики. Так в конце сентября 2011 года прошло очередное захоронение, ставшее завершающим этапом «Вахты Памяти»:

«За полевой сезон проведено 26 экспедиций, в результате которых поисковиками Смоленщины и отрядами из других регионов России найдено и похоронено 2316 воинов, — сказала, открывая церемонию прощания с воинами, руководитель областного центра героико-патриотического воспитания и социальной помощи детям “Долг” Н.Г. Куликовских. — Они, погибшие солдаты, обрели вечный покой в 18 воинских захоронениях в разных городах и деревнях нашей области. И вот сегодня мы пополняем эту цифру: ещё 31 солдат обретёт вечный покой. Погибшие солдаты — защитники земли вяземской. Им мы посвящаем митинг»⁶⁴.

Мемориал «БОГОРОДИЦКОЕ ПОЛЕ» — «Военно-исторический мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов, официально открыт после реконструкции 22 июня 2009 г. Входит в состав музея-заповедника “Хмелита” Комплекс включает стелу, аллею памяти, захоронения. В деревне Мартю-

хи (не доезжая 1 км до поля) построена деревянная церковь со звонницей...

Адрес: Вяземский р-н, д. Богородицкое (на полпути из Вязьмы в Хмелиту)»⁶⁵.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Наталья Семёновна Вельтузен (Литинская) бережно хранит в семейном архиве несколько документов, связанных с её отцом Литинским Семёном Григорьевичем, который в июле 1941-го ушёл в ополчение, воевал в 6-й ДНО Дзержинского района Москвы и, как многие его товарищи, пропал без вести. Например, в 1942 году из Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии для её мамы пришёл отпечатанный на бланке с вписанной фамилией, именем и отчеством, самый обыкновенный казённый ответ на запрос:

«На Ваше письмо сообщая, что сведений о местонахождении Литинского Семёна Григорьевича в настоящее время не имеется.

В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится»⁶⁶.

Следующая отписка из Управления по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава будет датирована 30.12.1944 г.:

«Сообщаю, что военнослужащий Литинский С.Г. по спискам убитых, умерших от ран и пропавших без вести в Управлении не числится»⁶⁷.

Затем будет отписка от 20.4.45 г. из Управления по персональному учёту потерь действующей армии:

«Сообщаю, что военнослужащий Литинский С.Г. по спискам потерь в Управлении не числится»⁶⁸.

И, наконец, осенью 1946 года из Военного комиссариата Советского района г. Москвы семья Литинских получила не менее страшное извещение:

«Ваш муж кр-ц ЛИТИНСКИЙ Семён Григорьевич, уроженец г. Николаев 1898 находясь на фронте, пропал без вести в январе 1942 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 023—19)...»⁶⁹ Однако до сих пор так и нет ответа на многочисленные вопросы, в том числе и на самый главный: что случилось с красноармейцем из 2-го стрелкового полка (п/п ст. 303) 6-й дивизии народного ополчения Москвы (или 160-й стрелковой дивизии)?

Последнее письмо от него было датировано 24 сентября 1941 года⁷⁰, а дальше время словно остановилось...

Но начнём всё по порядку, с главного. Согласно «Положению о персональном учёте потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время» № 138 от 5 марта 1941 года, «военнослужащие, без вести пропавшие, учитываются в штабе полка в течение 15 дней как временно выбывшие. Командиры части и подразделения обязаны принять все меры к выяснению судьбы пропавших без вести.

После 15-дневного срока без вести пропавшие заносятся в список безвозвратных потерь, исключаются из списков части с донесением по команде.

По истечении 45 дней о без вести пропавших извещаются родственники. Если впоследствии судьба без вести пропавших военнослужащих выяснена, то о них немедленно сообщаются дополнительные сведения как по команде, так и РВК или родственникам.

16. Командир полка (отдельной части) несёт полную ответственность за точный учёт потерь в полку и за своевременность донесений о потерях в штаб дивизии»⁷¹.

Как было сказано выше, 6-я дивизия народного ополчения (160-я сд) в окружение под Вязьмой попала в октябре 1941 года и при выходе из него фактически погибла. Но тогда почему да той пропавшего без вести красноармейца Литинского значится январь 1942 года? Оказывается, «дата, с которой боец считался

пропавшим, определялась по правилу: к дате последнего письма прибавляли два или три месяца. Значит, последние весточки до-мой были написаны в сентябре, а сами солдаты сгинули в ходе величайшей катастрофы 1941 года — “Вяземском котле”...»⁷²

В отличие от семей бойцов 6-й ДНО (160 сд) семье командира этой дивизии полковника Шундеева сделали в некотором роде «поблажку» и послали такое извещение в 1944 году:

«Начальнику 5 отдела УСУ ГУК НКО Секретно экз. №

Подполковнику т. Кудинову

Нижепоименованный офицерский состав не имеет передвижения по службе с 1941 года. Семьи их в настоящее время проживают в г. Москве и находятся в крайне тяжёлом материальном положении.

Прошу оформить их приказом как пропавших без вести в 1941 г.

1. Полковник ШУНДЕЕВ Алексей Иванович — быв. командир 6-й дивизии Народного ополчения 1896 г. рождения, уроженец с. Еткульское, того же р-на Челябинской области, русский, служащий, из крестьян. Образование: общее — учительская семинария в 1916 г. Военное — военная Академия им. Фрунзе в 1928 г. Член ВКП(б) с 1918 г. В старой армии служил в 1917, в Красной Армии с 1918 г.

Жена ШУНДЕЕВА Ольга Тихоновна проживает при Академии им. Фрунзе. Фрунзенский РВК. 11 февраля 1944 г...»⁷³

А ведь доподлинно известно, что полковник Шундеев погиб при выходе из окружения, как и погиб красноармеец Литинский там же, под Вязьмой. Их нет в базе данных «Мемориала», как попавших в немецкий плен, а значит, они, как и многие другие бойцы и командиры этой дивизии, так и остались лежать на полях сражений, где произошла невиданная в мировой истории Вяземская катастрофа.

На сайте 9-й дивизии народного ополчения Москвы, которая также полегла под Вязьмой, можно ознакомиться с жуткой статистикой на 4508 человек из её полного личного состава:

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

«Убиты — 50 чел.

Пропали без вести — 1948 чел.

Попали в плен (и дальнейшая судьба неизвестна) — 97 чел.

Попали в плен и погибли в плену — 707 чел.

Попали в плен и были освобождены (сюда входят и вышедшие из окружения) — 988 чел.

Были живы в октябре 1941 г. (и погибли после — либо вернулись с войны) — 211 чел.

Осуждены — 9 чел.

Покончили жизнь самоубийством — 1 чел.

Судьба неизвестна — 497 чел.»⁷⁴.

На сегодняшний день проблема поиска пропавших без вести под Вязмой в 1941 году заключается прежде всего в отсутствии документов. Была катастрофа, было окружение, а значит, многие документы уничтожались, какие-то были надёжно спрятаны. Более того, в той обстановке штабы не имели возможности для ведения нормального учёта погибших. Я думаю, это несложно представить, если внимательно изучить весь ход Вяземской катастрофы.

В материале И. Михайлова о «Курских стрелковых дивизиях в боях под Вязмой» можно найти подтверждение этому, тем более автор достаточно глубоко изучал архивные документы в архиве Министерства обороны в Подольске:

«В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ) практически нет списков персональных потерь тех, кто погиб и пропал без вести в ходе боёв 2—13 октября 1941 года на московском направлении, нет документальных источников о действиях многих дивизий, бригад и даже армий, входивших в состав Западного и Резервного Фронтов. Например, в ЦАМО весь фонд 32 Армии 1 формирования состоит из трёх дел. Два дела — подшивка ежедневной армейской газеты “Боевой путь” за период с 26 августа по 30 сентября 1941 года, и третье — Книга учёта начальствующего состава Полевого управления Армии. В фонде 20 Армии

1 формирования к делам, относящимся к периоду Вяземской оборонительной операции, относятся только два: первое — “Приказы войскам Армии о назначении и перемещении и присвоении воинских званий командному составу” и второе — “Штатно-должностная книга командно-начальствующего состава Полевого управления Армии”. Из 72 дивизий и бригад, входивших в состав Западного и Резервного Фронтов на 1 октября 1941 года, 58 (80,6 %) либо не имеют в своих фондах информации о боях в период с 2 по 13 октября 1941 года, либо имеют обрывочные и крайне скудные сведения о них. Такие страшные цифры можно объяснить только одним: погибавшие в окружении полевые управления армий, штабы дивизий и полков вынуждены были уничтожать свои документы или надёжно прятать их, чтобы они не достались врагу»⁷⁵.

И можно только представить, о чём думали те бойцы и командиры, которые оказались в том котле. Не их ли мысли довольно точно выразил один из ополченцев Б. Рунин:

«Не то более всего угнетало в окружении, что я мог каждую минуту расстаться с жизнью, а то, что никто и никогда не узна-

Обучение московских ополченцев в городском парке

ет, где и при каких обстоятельствах это произошло. Вот уж не предполагал, что человека может так ужасать перспектива бесследного исчезновения. Умереть — что ж, на то и война... Но сгинуть, начисто выпасть из бытия, бесшумно раствориться в его неведомом водовороте — не дай Бог! Ведь это вроде аннигиляции, превращения в ничто...»⁷⁶

Немудрено, что на сегодняшний день существуют диаметрально противоположные взгляды на роль московского ополчения. Например, ополченец А.Е. Гордон считает, «что Московское ополчение внесло свой вклад в оборону столицы. Его бойцы проявили высокий патриотизм и стойкость. Необученные, плохо вооружённые ополченцы практически были обречены на гибель, но они честно выполнили свой долг перед Родиной»⁷⁷.

А вот наш с вами современник думает иначе:

«Судьба московского ополчения — трагическая ещё и в своей нелепости. Люди, прошедшие добровольно (или почти добровольно) защищать страну, точнее — свой город, а ещё точнее — свой дом/семью, — оказались в условиях, когда им пришлось защищать... исключительно себя самих. Ополченцы оказались в ситуации, не когда «впереди — враг, позади — Москва», а когда и враг — впереди и Москва — впереди. Необходимость “разворота” на 180 градусов не могла не отразиться на моральном, психологическом состоянии совершенно неопытных бойцов»⁷⁸.

Но как бы кто не рассуждал, правда у каждого своя, а истину знает Бог! Как мне кажется, её более или менее точно выразил русский писатель Борис Васильев:

«Сражались не только на фронте. Сражалась вся страна, погибая от голода в Ленинграде, от жажды в Севастополе, от непосильного двенадцатичасового труда на заводах и фабриках. Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времён зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду Чудского

озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас и до сей поры...»⁷⁹

И долго ещё будут находить поисковики в опалённой войной земле останки советских солдат, но только у единиц будут установлены имена. Остальные так и останутся пропавшими без вести!

Склоним же головы перед их светлой памятью, и будем помнить их всегда и везде, где бы мы ни были. И не только 9 мая, а гораздо и гораздо чаще!

Это про них немецкий генерал Гюнтер Блюментритт сказал:

«Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»⁸⁰. ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

P. S.

Завершая этот очерк, автор так и не смог обойти стороной один-единственный момент, связанный с историей 160-й стрелковой дивизии. Дело в том, что с этим номером то и дело путаются и исследователи, и даже историки. И вот почему. 160-я стрелковая дивизия была сформирована до начала войны из жителей Горьковской области. О её боевом пути известно очень немного: «В Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО) РФ документов о боевых действиях 160 сд (впоследствии 89 гв. сд) за период со второй половины июля 1941 г. по начало 1942 г. нет вообще — за это время дивизия дважды побывала в окружении. Скорее всего, документы дивизии за этот период были утрачены на местах боёв»⁸¹.

В справочнике «Перечень наименований объединений, соединений и других формирований Вооружённых Сил, народного ополчения... в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941—1945 гг.» указано:

«160-я стрелковая дивизия Центрального (1ф), Брянского (1ф), Юго-Западного (1ф) и Воронежского фронтов». В действующей армии: «05.07.1941 г. — 18.04.1943 г. (с 18.04.1943 г. — 89 гв. сд)»⁸². То есть, это одна дивизия...

Там же, в разделе «Формирования народного ополчения...», смотрим 6-ю ДНО:

«6-я Московская стрелковая дивизия народного ополчения (с 26.09.1941 г. — 160 сд ЗапФ) 16.07.1941 г. — 26.09.1941 г.»⁸³.

И снова возвращаемся к стрелковым дивизиям:

«160-я стрелковая Брестская Краснознамённая дивизия Западного и 2-го Белорусского (II ф) фронтов 26.09.1941 г. — 01.02.1944 г.

01.03.1944 г. — 09.05.1945 г.»⁸⁴. А это уже другая...

Выходит, с 1941 года по 1943 год в Действующей армии было две стрелковых дивизий с одним номером — 160, пока первая из них не была преобразована в 89-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

О дальнейшей судьбе 160-й сд (6-й ДНО) мне удалось найти следующее:

«...была переформирована из остатков 160-й дивизии (бывшей 6-й дивизии народного ополчения), погибшей в “вяземском котле” в октябре 41-го. Командиром дивизии был назначен комбриг Орлов, вынесший из окружения её боевое знамя. Переформировывалась дивизия в районе ст. Гжель Раменского района...

В начале 1942-го дивизия походным порядком совершила марш из района формирования через Москву и к исходу 8 января сосредоточилась в районе города Наро-Фоминска. С утра 10 января она вступила в бой западнее р. Нара. В дальнейшем в составе 33-й армии воевала в Боровском и Верейском районах, освобождала г. Верею. <...>

Дальнейшая судьба 160-й дивизии так же трагична, как и судьба 160-й дивизии, погибшей в “Вяземском котле” 16 марта из района Кобелево вышли к своим две группы одного из её полков численностью 228 человек, а 18 апреля 19 км южнее За-

харово — группа из 17 человек во главе с начальником артиллерийского снабжения 160-й дивизии майором Третьяковым.

20 апреля в полосе 43-й армии вышли ещё три человека, а позже командир дивизии полковник Якимов вывел ещё 450 человек»⁸⁵. «За время Люблинско-Брестской операции с 17 по 30 июля (1944 г.) 160-я дивизия потеряла 328 человек убитыми и 1429 ранеными. За это время дивизия прошла с боями 138 км, освободила 176 населённых пунктов и во взаимодействии с частями 9-го стрелкового корпуса заняла город Брест. 31 августа 1944 года приказом Верховного главнокомандующего И. Сталина 160-й стрелковой Краснознамённой дивизии было присвоено наименование “Брестская”»⁸⁶. В 1945-м она будет брать Берлин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Степанов А.* Трагедия и подвиг московского ополчения. Трибуна № 49 от 16—22 декабря 2010 г.

² *Гордон А.Е.* Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история, 2001, № 3.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 110—112.

⁴ *Степанов А.* Там же.

⁵ *Жирнов Е.* За партизанами сохранена заработная плата // Власть, № 47, 28 ноября 2011 г.

⁶ *Жирнов Е.* Там же.

⁷ *Беленкин Б.* Смерть в ополчении как способ «исправления» биографии. Биографика 20 века, 16—18 апреля 2008: Шестые чтения памяти Вениамина Иоффе/Науч.-информ. Центр «Мемориал», Европ. Ун-т в Санкт-Петербурге. — СПб., 2009.

⁸ *Гордон А.Е.* Там же.

⁹ *Степанов А.* Там же.

¹⁰ *Гордон А.Е.* Там же.

¹¹ *Сбитнев М.Н.* Воспоминания военкома. Битва за Москву. М., 1966.

¹² Визит ветеранов и сотрудников МИД России на Смоленщину. Совет ветеранов МИД России. 13 октября 2011 г. Интернет.

¹³ Железнодорожники в Великой Отечественной войне. М., 1987.

¹⁴ *Самоделов Н.* Ополченцев проверила Ельня // Патриот Отечества № 12, 2008.

Пятунина Е. Мы продолжаем поиски // Вечерняя Москва, 27 октября 2011 г.

¹⁶ *Авдеев А.* Из дневника командира сапёрной роты // Гудок, 15 ноября 2001 г.

¹⁷ *Самоделов Н.* Там же.

¹⁸ *Гордон А.Е.* Там же.

¹⁹ *Соболева С.Е.* Стрелковое оружие защитников столицы при формировании дивизий народного ополчения Москвы. Интернет.

²⁰ *Авдеев А.* Там же.

²¹ *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. Том 1. М., 1982.

²² *Симонов К.* Там же.

²³ Сайт: Смоленщина 1941 г. Интернет.

²⁴ Там же.

²⁵ Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004.

²⁶ Сайт: Смоленщина 1941 г. Интернет.

²⁷ Московская битва в хронике фактов и событий.

²⁸ Там же.

²⁹ *Авдеев А.* Там же.

³⁰ Московская битва в хронике фактов и событий.

³¹ *Самоделов Н.* Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ *Мельтюхов М.И.* Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. М., 2008.

³⁵ Там же.

- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 *Краснов В.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М., 2000.
- 41 Вяземская операция 1941 года. Википедия. Интернет.
- 42 *Краснов В.* Там же.
- 43 Вяземская операция 1941 года. Там же.
- 44 *Беленкин Б.* Там же.
- 45 Московская битва в хронике фактов и событий.
- 46 *Краснов В.* Там же.
- 47 *Зылев Б.В.* Воспоминания о народном ополчении. М., 1999.
- 48 Сайт: Смоленщина 1941 г. Там же.
- 49 *Зылев Б.В.* Там же.
- 50 Московская битва в хронике фактов и событий.
- 51 *Зылев Б.В.* Там же.
- 52 Московская битва в хронике фактов и событий.
- 53 *Зылев Б.В.* Там же.
- 54 *Зылев Б.В.* Там же.
- 55 *Беленкин Б.* Там же.
- 56 ЦАМО. Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 1—15.
- 57 Вяземская операция 1941 года. Там же.
- 58 Московская битва в хронике фактов и событий.
- 59 Визит ветеранов и сотрудников МИД России на Смоленщину. Там же.
- 60 *Пятунина Е.* Там же.
- 61 *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа 41-го. М., 2007.
- 62 ЦАМО. Из краткой характеристики 160-й стрелковой дивизии, составленной штабом 33-й армии. 23 апреля 1942 года.
- 63 *Иванова-Гладильщикова Н.* У немцев были все сведения о расположении наших частей // Известия, 10 октября 2003 г.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Вязьма. Официальный сайт города Вязьма — Новости Вязьма. 21 октября 2011 г. Интернет.

⁶⁵ Википедия: Мемориал «Богородицкое поле». Интернет.

⁶⁶ Из семейного архива Вельтузен (Литинской) Н.С.

Там же.

Там же.

Там же.

⁷⁰ Там же.

РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263—272.

⁷² Подвиг народного ополчения Петушинского района в Битве за Москву. М., 2011.

⁷³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 482. Л. 6.

⁷⁴ Сайт: 9-я дивизия народного ополчения. Интернет.

⁷⁵ *Михайлов И.* Курские 89 и 309 стрелковые дивизии в боях под Вязьмой в октябре 1941 года. Интернет.

⁷⁶ *Беленкин Б.* Там же.

Гордон А.Е. Там же.

⁷⁸ *Беленкин Б.* Там же.

Васильев Б. Люби Россию в непогоду. М., 2006.

⁸⁰ Вяземская операция 1941 года. Там же.

⁸¹ Википедия: 160-я стрелковая дивизия. Интернет.

⁸² Перечни наименований объединений, соединений и других формирований Вооружённых Сил, народного ополчения, гражданских ведомств СССР и иностранных формирований, участвовавших в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941—1945 гг. Справочник. М., 2005.

⁸³ Там же.

Там же.

⁸⁵ *Горбачёв А.Г.* Раменское информагентство. 70 лет Битвы под Москвой. 160-я стрелковая. Однополчане. 21.08.11. Интернет.

⁸⁶ *Веремкович А.* В бой шла 160-я Брестская // Брестская газета. № 30, 24—30 июля 2009 г.

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ И БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ ЛЕОНИДА БРЕЖНЕВА

НАСТОЯЩИЙ КОМИССАР

Не все ещё забыли трилогию Л.И. Брежнева — «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина». За эту трилогию Леонида Ильича в апреле 1980 года удостоили Ленинской премии по литературе. Она была переведена и разослана в национальные библиотеки 120 стран. Тираж каждой книги составил 15 миллионов экземпляров. Трилогия писалась по постановлению Политбюро, которое разрабатывало систему мероприятий о поднятии авторитета генерального секретаря.

«Малую Землю» написал прозаик, публицист, очеркист, сотрудник газеты «Известия» Аркадий Яковлевич Сахнин (1910—1999). Своего рода «гонораром» Сахнина стал орден Октябрьской Революции. «Возрождение» написал известный очеркист Анатолий Аграновский, а «Целину» — ведущий корреспондент газеты «Правда» Александр Мурзин.

Известно, что уже летом 1987 года книги трилогии были изъяты из книжных магазинов и списаны в макулатуру.

В 2002 году А. Мурзин, один из авторов трилогии, рассказывал: «Помоев на меня за эту книгу в своё время было вылито ведра два. Говорили, мол, лизоблюд, воспевал и прославлял идиота! Квартиру получил. “Волгу”, денег нагрёб кучу! Всё это вра-

Л.И. Брежнев на трибуне

нё. Отблагодарили меня, наградив орденом Дружбы Народов. Понятное дело, что не за “Целину”, а, как водится, “за многолетнюю и плодотворную работу”: <...>

Факты по “целинной” эпопее биографии Брежнева я поехал собирать в Алма-Ату. Главная моя задача была найти документ, в котором Брежнев хоть бы несколько слов вякнул по агротехнике и почвоведению. Просидел я 20 дней с архивами и, к счастью, цитаты генсека нашёл. Встречался я и с теми, кто Брежнева хорошо знал по тому времени, и, в общем, понял, что мужик-то он был неплохой — не подлый. Потом я вернулся в Москву и ровно за месяц написал “Целину”».

Когда авторов трилогии пригласили на торжественную церемонию вручения Брежневу Ленинской премии, его старый друг, однопольчанин и помощник по военным вопросам М. Прохоров, увидев их, по простоте своей души заорал на весь зал:

— Да вот же они писаки!

Руководил авторской группой мемуаров Леонида Брежнева Леонид Замятин, в то время руководитель отдела внешнеполитической информации ЦК. С его слов «Малая Земля» писалась сле-

дующим образом: «— Эта книга представляет из себя исторический документ. Леонид Ильич не писал эту книгу, но она написана с его слов и на основе дневников его помощника по политчасти. Когда мне задают вопрос насчёт “Малой Земли”: “Писал ли Леонид Ильич эту книгу?” — я говорю, что не писал, но он является автором этой книги, так как она написана с его слов, но литературно обработана людьми, которые владели пером. Брежнев пером не владел. После написания “Малой Земли” нашей группой были подготовлены ещё 11 глав, которые собраны в одну книгу, но она так и не была издана. У меня есть единственный экземпляр этой книги. Издательство “Вагриус” предлагало мне издать её».

В 2003 году в Новороссийске прошли торжества по случаю 60-летия начала десантной операции, вошедшей в военную историю как оборона Малой Земли. Со всей страны в город приехали 70 ветеранов, участников её обороны. А главным подарком для них стало вручение книги Л.И. Брежнева «Малая Земля». Власть Кубани выпустили её за счёт краевого бюджета тиражом в тысячу экземпляров. А ведь «Малая Земля» не переиздавалась с 1985 года.

Вспоминаются анекдоты тех лет.

Первый:

После вручения Ленинской премии Брежнев сидит в своём кресле и играет лауреатским значком. В кабинет к генеральному секретарю заходит Суслов:

— Михайло Андреевич, ты «Малую Землю» читал?

— А как же, Леонид Ильич, замечательная книга!

Через некоторое время к Брежневу заглянул Пельше:

— Арвид Янович, ты «Малую Землю» читал?

— Читал, Леонид Ильич, аж два раза. Превосходная вещь!

Оставшись в кабинете один, Брежнев задумчиво произнёс:

— Надо же, всем нравится. Может, и мне прочитать?

Второй:

— Где вы были в годы войны? Сражались на Малой Земле или отсиживались в окопах Сталинграда?

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Даже участок под Москвой, где была выстроена большая дача Брежнева, а рядом дачи его дочери, сына и внучки, окрестные жители называли Малой землёй.

Малая Земля — это название плацдарма в районе Станички (мыс Мысхако), что южнее Новороссийска, который образовался в результате десантной операции отряда морской пехоты численностью 271 человек, под командованием командира отряда Цезаря Куникова, начальника штаба Фёдора Катанова и замполита Николая Старшинова, в ночь на 4 февраля 1943 года. Героическая оборона этого клочка земли продолжалась 225 дней и завершилась утром 16 сентября освобождением Новороссийска. До 1970-х годов в советской военной истории оборона Малой Земли рассматривалась как один из рядовых, хотя, безусловно, и героических эпизодов Великой Отечественной войны. Но так как он был связан с именем генерального секретаря Л.И. Брежнева, воевавшего на Малой Земле политработником, начался процесс постепенного повышения роли этого эпизода.

Книга «Малая Земля» как бы закрепила эту роль. А начинается она достаточно просто:

«Дневников на войне я не вёл. Но 1418 огненных дней и ночей не забыты. И были эпизоды, встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изглаждаются из моей памяти.

Сегодня мне хочется рассказать о сравнительно небольшом участке войны, который солдаты и моряки называли Малой Землёй. Она действительно «малая» — меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев. Чтобы читатель оценил обстановку, скажу, что в дни десанта каждый, кто пересёк бухту и прошёл на Малую Землю, получал орден. Я не помню переправы, когда бы фашисты не убивали, не топили сотни наших людей. И всё равно на вырванном у врага плацдарме постоянно находилось 12—15 тысяч советских воинов».

*Морские пехотинцы из отряда майора Куникова
перед высадкой на Малую Землю*

В июльский день 1941 года, когда Леонида Ильича провожали на фронт, на город налетели немецкие самолёты. Виктория Брежнева вспоминала: «Такая бомбёжка была! От нашего дома недалеко мост через Днепр — его бомбили! А всё, что мимо, — по нам! Лёня пришёл прощаться, а тут такая бомбёжка! Ужас! Он говорит: “Да у вас хуже, чем на фронте!” Детей поцеловал, со мной попрощался и уехал! На четыре года уехал! У него не было военного образования, потому присвоили ему звание полковник, а так бы сразу генералом стал».

Как известно, Леонид Ильич до войны работал секретарём Днепропетровского обкома и запросто мог остаться в тылу, но не сделал этого. Константин Грушевой, 2-й секретарь обкома, в своих мемуарах подтвердит: «С первых дней войны рвался на фронт, настойчиво просил ЦК отпустить его в действующую армию Л.И. Брежнев. В десятых числах июля согласие ЦК на отъезд Леонида Ильича было дано... Уехал он, помнится, поспешно, едва успев проститься с семьёй».

Первая фронтовая должность Леонида Ильича — заместитель начальника политуправления Южного фронта. Первое

воинское звание — «бригадный комиссар». Боевой путь политработника Брежнева начинается на подступах Одессы, потом он проходит в обороне Запорожья, Таганрога, Ростова-на-Дону. После расформирования Южного фронта Брежнев — заместитель начальника политуправления Северо-Кавказского. В сентябре 1942 года его назначают заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта.

На Южном фронте Леонида Ильича впервые представляют к ордену Красной Звезды, а наградят в марте 1942 года орденом Красного Знамени. В представлении к награде будет указано: «Брежнев Леонид Ильич в Красную Армию призван с первых дней Отечественной войны с должности секретаря Днепропетровского обкома ВКП(б). До сентября месяца работал в группе особого назначения при Военном Совете фронта по выполнению ряда заданий непосредственно в войсках по обеспечению боевых операций.

Военный Совет высоко оценивал работу тов. Брежнева. С октября месяца работает зам. начальника политуправления фронта. Будучи в этой должности умело организует работу вкладывая всю свою энергию. В течение месяца с группой работников политуправления находился в частях 57 армии по обеспечению боевой операции. Умело расставив силы группы и работников политотдела армии сумел мобилизовать политорганы соединений на обеспечение операции. Во время боёв находился непосредственно в частях устраняя недостатки в партийно-политической работе и боевых действиях частей. В трудный момент, когда дороги были занесены снегом и машины отстали, сумел организовать бесперебойное снабжение войск всем необходимым. За эту работу т. Брежнев получил высшую оценку Военного Совета фронта. Вполне достоин правительственной награды».

15 декабря 42-го ему присвоят звание «полковник». И только в ноябре 1944-го «генерал-майор». С 1 апреля 1943-го — он на-

Л.И. Брежнев на Малой Земле

чальник политотдела 18-й армии, в конце войны — начальник политуправления 4-го Украинского фронта.

На фронте Леонид Ильич, судя по отзывам очевидцев, нравился подчинённым. К людям относился по-человечески, да и с юмором дружил. Словом, был симпатичным политработником. Правда, генерал и диссидент П.Г. Григоренко за 9 месяцев своей службы под партийным руководством Брежнева, увидел его по-своему, тонко:

«...Я видел следующие выражения его лица:

— угодливо-подобострастная улыбка; одевалась она в присутствии начальства и вмещалась между ушами, кончиком носа и подбородком, была как бы приклеена в этом районе: за какую верёвочку дёрнешь, и она появится сразу в полном объёме, без каких бы то ни было переходов; дёрнешь второй раз — исчезнет.

— строго-назидательное; одевалось при поучении подчинённых и захватывало всё лицо, также без переходов, внезапным дёрганием за верёвочку; лицо вдруг вытягивалось и делалось строгим, но как-то не по-настоящему, деланно, как гримаса на лице куклы;

— рубахи-парня; одевалось время от времени, при разговоре с солдатами и младшими офицерами; в этом случае лицо, оставалось неподвижным, оживлялось то и дело подмигиванием, полуулыбками, хитрым прищуром глаза. Всё это тоже выглядело ненастоящим, кукольным. Искусственность выражений лица и голоса производила на людей впечатление недостаточной серьёзности этого человека. Все, кто поближе его знал, воспринимали его как весьма недалёкого простачка. За глаза в армии его называли — Лёня, Лёничка, наш “политводитель”».

Леонид Ильич Брежнев прошёл всю войну, как говорится, прошёл от начала и до конца. Но почему одна из книг его трилогии называется именно «Малая Земля»? Ведь много было чего за эти годы. Как вспоминал всё тот же генерал Григоренко, на 4-м Украинском Леонид Ильич, по его наблюдению, единственный раз находился очень близко к переднему краю — три километра от него. В частности, он уточняет: «говорю это не в осуждение Брежнева. В конце концов и в армии, как и вообще в жизни, каждый имеет свои обязанности. От Брежнева по его должности не требовалось бывать не только на переднем крае, но и на командном пункте армии. С командармом должен был находиться член военного совета, то есть начальник всех политработников армии, в том числе и Брежнев. Место начальника политотдела во втором эшелоне армии, там, где перевозятся партдокументы. Выезжать же в войска для встречи с коммунистами и вообще с личным составом следовало лишь тогда, когда люди не ведут боя. В бою начполитотдела армии может только мешать.

Я не “Америку открываю”. Это все прекрасно знают. Знают, но изображают так, как будто бы Брежнев чуть ли не в атаки ходил... Партбилеты подписать и выдавать новым коммунистам — его дело, а подписывать боевые приказы — дело командарма и члена военного совета. Но подхалимам какое дело до действительности. Они напишут и расскажут что угодно, если тот, перед кем подхалимничают, не понимает, что не сла-

ву таким образом ему создают, а ставят в смешное и глупое положение.

Когда рядового начальника политотдела армии, каких в советских вооружённых силах были многие сотни, и все они не только не участвовали в управлении войсками, но и ничего не смыслили в этом деле (никто из них не сумел бы командовать не то что армией, но и отделением), через 20 лет после войны начинают выдавать за великого стратега и приписывают ему чуть ли не решающую роль в победе над гитлеровской Германией (хотя его армия всю войну действовала на малозначительных направлениях и никогда на главном), то это такая чушь, которую даже опровергать стыдно».

Трудно не согласиться с мнением такого профессионала, но секрет «Малой Земли» Брежнева раскрывается в другом. В рассказе «Малая Земля» Героя Советского Союза С. Борзенко, который был им написан по горячим следам в 1943 году, есть такие строки:

«Больше половины работников политотдела 18-й армии жили с войсками на Малой Земле. Начальник политотдела армии — полковник Леонид Ильич Брежнев сорок раз приплывал на Малую Землю, а это было опасно, так как некоторые суда в пути подрывались на минах или гибли от прямых попаданий снарядов и авиационных бомб. Однажды сейнер, на котором плыл Брежнев, напоролся на мину, полковника выбросило в море, и там его в бессознательном состоянии подобрала матросы. Брежнев был любимцем солдат. Он знал их настроения и думы, умел вовремя пошутить, зажечь их жаждой подвига. Десантники знали его в лицо, в шуме и грохоте боя умели отличить его властный, спокойный голос».

В «Воспоминаниях» Брежнева есть и эта история с сейнером:

«Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди грохнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно, в сущности, и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас

взрывом швырнуло вверх. Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно... Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь проносится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает понять в себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу. Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавал я с мальчишеских лет хорошо, всё-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно».

К оказавшимся за бортом, отдав буксиры, медленно подрабатывали винтами два мотобота. А в это же время по воде прошлись лучи прожекторов и начала бить артиллерия. Вместе с лоцманом Брежнев помогал «взбираться на борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде».

«И в этом шуме я услышал злой окрик: “Ты что, оглох? Руку давай!”

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и неважно это было в такой момент... Ухватившись за брус, я рванул наверх, и сильные руки подхватили меня. Тут только почувствовал озноб: апрель даже на Чёрном море не самое подходящее время для купания».

Полковник И.М. Лемперт, бывший на Малой Земле политработником 7-го отдела Политуправления Черноморского флота, лично встречался с Брежневым на «Малой Земле»: «Мне доводилось его встречать и в Кабардинке, куда я приехал к Брежневу вместе с художником Пророковым, и на самом малоземельском плацдарме летом и осенью 1943 года. Кстати, Брежнев имел в войсках очень хорошую репутацию и считался среди солдат настоящим комиссаром. Он был очень обаятельным и душевным человеком, харизматической личностью». Другой очевидец, во-

енврач 2-го ранга Г.Б. Вильвовский, характеризует Л.И. Брежнева с самой положительной стороны: «Как начальник политотдела армии, Брежнев был на своём месте: толковый, умеющий работать с людьми».

Осенью 1943 года полковника Брежнева представляли к ордену Отечественной войны 1-й степени. В этом представлении также подтверждается его непосредственное участие в боях на «Малой Земле»: «Тов. Брежнев участвует в боях против немецко-фашистских захватчиков с первых дней Великой Отечественной войны. Неоднократно участвуя в боевых операциях на участках Южного, Северо-Кавказского и др. фронтов, проявил себя храбрым, мужественным и отважным воином, за что награждён орденами “Красная Звезда” и “Красное Знамя” Много раз бывая в частях и подразделениях, находящихся на Мысхако, а также под Новороссийском в составе 318 СД и других армейских частях, лично участвуя в боях, умело руководил и оказывал практическую помощь политорганам и политаппарату частей армии в обеспечении выполнения боевых приказов командования.

Под сильным артиллерийским, миномётным огнём и бомбёжкой вражеской авиации своим примером мужества и отваги воодушевлял личный состав на боевые подвиги. В подготовке к проведению боевой операции за освобождение города Новороссийска принимал самое активное участие в разработке планов операции и лично организовал действия всех политаппаратов и парторганизаций армии на его выполнение.

В дни посадки десанта — 9—10 и 11 сентября с.г. всё время находился в подразделениях, контролировал и возглавлял посадку десанта, оказывал большую помощь командованию в создании наступательного порыва в личном составе армии.

В период высадки десанта и его боевых действий часто выезжал в боевые порядки частей и отрядов, ведущих ожесточённые бои на улицах города Новороссийска и лично руководил политорганами, оказывая большую конкретную помощь командова-

нию в политическом обеспечении боя, проявляя при этом исключительную храбрость и мужество.

Для успешного проведения боевых десантных операций сумел правильно нацелить аппарат политотдела армии, политотделов соединений и всей парторганизации армии, в результате чего в период боёв на должном уровне была поставлена партийно-политическая работа».

Нетрудно догадаться, что Малая Земля для Леонида Ильича стала самой высшей и наиболее опасной точкой войны. Парадокс заключается в том, что эта земля была уникальным плацдармом. Там не было явно подчёркнутой разницы между передним краем и тылом. Крошечный клочок суши перед немецкими корректировщиками артиллерийского огня был как на ладони...

«КАКАЯ ЭТО БЫЛА ЖЕНЩИНА»

Для Леонида Ильича воплощением всех женщин, воевавших на фронте, стала Мария Педенко, или Рыжая Полундра. В книге «Малая Земля» она появляется неожиданно:

«Помню, рано на рассвете я возвращался с переднего края и увидел двух девушек. Они поднимались со стороны моря. Одна невысокая, ладно схваченная ремнём, рыжая-рыжая. Козырнули, и я проехал. Своему помощнику по комсомолу я дал обещание в пять часов принять людей в связи с утверждением их комсоргами на место убитых. И вот приходит как раз эта рыжая девушка со свёртком бумаг.

— Вы откуда? — спрашиваю у неё.

— Из батальона моряков.

— Как они к вам относятся?

— Хорошо.

— Не обижают?

— Нет, что вы!

Оказалось, она рисует... На Малую Землю эта девушка, Мария Педенко, попросилась сама, была в десанте с первых дней

высадки. Под огнём выносила раненых, а в минуты затишья про-бегала от окопа к окопу с газетами, конвертами, бумагой, прово-дила беседы, читала стихи. Её знали и любили все малоземель-цы, считали одним из лучших агитаторов. Рукописная газета “Полундра” была придумана ею, она даже ухитрялась “издавать” её в нескольких экземплярах, и бойцы зачитывали эти листки до дыр. Дружный хохот стоял всегда там, где их рассматривали и читали.

Позже, когда мы брали Новороссийск, Марию ранило, но, подлечившись, она снова ушла в боевые части. Её героизм был отмечен тремя боевыми орденами. Затем она попросилась в Киев, когда там шли самые напряжённые бои. Однажды мне по-пала на глаза в газете (в “Правде” или “Известиях” — не помню) её статья “Любовь”. Можно было подумать, что это какая-то сен-тиментальная вещь. Оказалось, нет. Речь шла о Родине, о любви к Родине».

В 1970 году, отмечая День Победы, Л.И. Брежнев вспомнил и Рыжую Полундру: поднялся с бокалом в руках и спросил: «Пом-ните Марию Педенко?..»

Родственник Брежнева Олег Шевляков вспоминал, как в кон-це 1960-х Леонид Ильич, придя домой навеселе, внезапно разот-кровенничался: «Пользуйся молодостью. Нравится девушка, бери за руку и без разговоров. Будет, что вспомнить... Только без насилия, конечно. А потом, — вздохнул, — ребята, ничего этого уже не будет; хоть все стены деньгами обклейте...»

«Он был бабник без царя в голове», — расскажет С. Узину Гер-рой Советского Союза Д.Л. Маргулис, служивший с Брежневым в 1942—1944 годах. Служивший под началом Леонида Ильича в Восемнадцатой армии Агеев однажды пришёл с приятелем к на-чальнику политотдела за разрешением съездить в Сочи. Брежнев спросил: «Зачем?» — «Мы, конечно, то да сё, мол, надо провер-ить работу наших госпиталей...» — «Сколько надо?» — спро-сил он. Мы говорим: «Ну, два дня». А он: «Для работы двух дней много, а для девок мало. Просите три!» И ведь дал три!

Говорят, женщины были от него без ума: белозубая улыбка, ямочки на щёчках, одет всегда с иголки, высокий, статный, вежливый. Фронтовой шофёр Брежнева Репенько про Леонида Ильича помнит многое, ведь, как сам говорит, от шоферни утаить ничего нельзя: «Мы ж его ещё с Малой Земли пасли... Охоч был до баб. Молодой же был, гривастый и бровастый. И бабы фронтвые до него больно охочи были. Одним словом, был мужик не промах на переднем крае».

Однако на певицу Анну Шалфееву, красавицу со светлорусыми волосами и обладательницу великолепного сопрано, политработник Брежнев, как ни странно, с первого раза впечатления не произвёл. Анна Васильевна была первой исполнительницей популярнейшей тогда песни «Огонёк» и однажды с концертной бригадой приехала на фронт, где воевал Леонид Ильич. Тот сразу же обратил на прекрасную женщину своё внимание. После первого же концерта один из военных попросил Анну Васильевну зайти в столовую. Как только она вошла, он сообщил, что сейчас сюда пожалует замполит Брежнев, а потом вышел и запер её на ключ. Певица была оскорблена такой бесцеремонностью и тут же вылезла через окно на улицу. Можно только представить, какое лицо было у комиссара, когда он не нашёл в закрытом помещении красавицы-певицы. Но именно это — строптивость красавицы — раззадорила молодого Брежнева, и в дальнейшем он не раз сопровождал её во время фронтовых выступлений.

Как рассказывала Анна Васильевна, «Леонид всегда заботился о своих женщинах и хорошо устраивал их в жизни. Но больше всего любил не певиц, а медсестёр».

Лариса Кафтан в статье о тайной любовнице Брежнева пишет так:

«Сама она после войны вышла замуж за генерала, Героя Советского Союза. Но брак был недолгим. Муж запрещал Шалфеевой петь, а музыка была для неё самым главным в жизни. Когда друзья ей говорили: “Ты с ума сошла! Кто же с генералом разво-

дится?” — Анна Васильевна со смехом отвечала: “Ночью-то он китель снимает”

Роман певицы с Брежневым продолжался и после войны. Анна Васильевна тайно встречалась с Леонидом Ильичем, когда он один, без семьи, приезжал на отдых в Сочи. Но через несколько лет отношения как-то сами собой прекратились... На память у певицы осталась лишь фотография, которую как-то увидела в альбоме подруга: улыбающаяся Анна рядом с молодым Брежневым. Эта самая подруга и надоумила потом Анну Васильевну обратиться к Леониду Ильичу за помощью. В Сочи Шалфеева жила в обычной коммуналке с соседями-алкоголиками. “Хватит, Аня, мучиться! — однажды сказала ей подруга. — Напиши Брежневу письмо!” Шалфеева долго не решалась на это, но после очередной пьяной оргии в коммуналке её терпение лопнуло. В своём послании на имя Брежнева Анна Васильевна не напоминала ему о былой связи: просто просила помочь ей, артистке сочинской филармонии, в решении жилищного вопроса. В конверт певица вложила ту самую фотографию: она и Брежнев, молодые и счастливые...

Через десять дней после этого Анну Васильевну вызвал к себе секретарь сочинского горкома партии и сообщил, что ей выделяют двухкомнатную квартиру в элитном доме в самом центре города. Секретарь сказал, что это указание “с самого верха”.

Несмотря на такие вот фронтовые романчики, у Леонида Ильича всё же была на фронте самая большая и настоящая любовь. Звали её Тамара Николаевна Лаверченко. С ней Брежнев познакомился в прифронтовом Ворошиловграде. Спустя десятилетия Тамара Николаевна расскажет об этом в деталях:

«Я родилась в Москве в 1923 году. Выросла в Днепропетровске, где мой отец Николай Петрович Лаверченко работал начальником цеха на заводе имени Петровского. Он умер в 1935 году, а мама — в 1938-м. Я осталась одна, но всё-таки закончила среднюю школу и перед самой войной поступила в техникум рентгеновского оборудования.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

8 августа 1941 года нас эвакуировали на Кавказ. Меня призвали на службу, я стала медицинской сестрой. Сначала в тыловом госпитале в Орджоникидзе, потом в прифронтовом в Ворошиловграде. Обстановка была жуткая. Поздняя осень, распутица, потом зима. В холодных палатках замерзали раненные.

В Ворошиловграде я встретила с Леонидом Ильичом. Как-то в госпиталь к нам пришёл полковник Евдокимов из армейского отдела кадров. Предложил мне и моей подруге Люде Пахомовой перейти в политотдел. Кто бы тут долго раздумывал: после крови, грязи предлагают чистую работу в тепле — выписывать партбилеты и аттестаты. Кажется, на второй день работы Брежнев подошёл к нам познакомиться. Сказал: “Девочки, не бойтесь, всё у нас будет хорошо”. Начал расспрашивать, кто откуда. Обрадовался, когда узнал, что мы из одного города. На войне земляк — это уже почти друг, сразу пробуждается симпатия к человеку. А тут — молодой красавец, 36-летний бригадный комиссар.

Он не мог пройти мимо, чтобы не сказать что-нибудь приятное, не пошутить. Положит руку на плечо и улыбается. Повоенному никогда ко мне не обращался. Он называл меня Томой. Мягкий, красивый баритон. Его речь очень отличалась от речи других офицеров. Он ведь не кадровый военный. Матерщины и хамства я от него никогда не слышала.

Весной и летом 1942-го мы отступали на Кавказ. Мы приезжали в какое-нибудь село, квартиры уже заранее подбирали дома для штаба, политотдела, для ночлега. В то время долго нигде не задерживались. Сколько раз ездили под обстрелом, в кустах у дороги прятались, а мины рвались то тут, то здесь, перелёт-недолёт. Бог спас.

Леонид Ильич передвигался налегке. Он ничего за собой не возил, никаких лишних вещей. Он же всё время на передовых позициях был с офицерами и солдатами. Смелый человек был. Ему говорили: ты хоть бы на передовой лампасы свои спрятал, слишком светятся. Или с командующим в штабе работал.

Л.И. Брежнев с офицерами 4-го Белорусского фронта

Утром уедет, и неизвестно, вернётся ли. Бывало, по два-три дня его нет, а ты сидишь и ждёшь. Возвращался из окопов грязный, завшивевший, оборванный. Условий никаких. О бане только мечтать можно. Горячая водичка в тазике — и то радость. Чинить обмундирование — это была обязанность ординарца Ивана Павловича. Часто, когда он занят был, это делала я — то белый подворотничок пришить, то дырочку на гимнастёрке заштопать. И смотришь: а это не от пули? Там такие безумные бои были».

О Леониде Ильиче говорили и говорят разное. Но факт остаётся фактом: на войне он не был трусом. И судя по всему, свою

комиссарскую работу выполнял добросовестно, как бы к ней ни относились и тогда, и сейчас. Однажды на тыловом складе Брежнев обнаружил две сотни 37-мм миномётов-лопат с огромным количеством осколочных мин. Тут же комиссар принимает решение усилить огневую мощь малоземельцев за счёт обнаруженных лопат. И хотя такие миномёты-лопаты бойцы невзлюбили за отсутствие каких-либо прицельных приспособлений, тем не менее, куда деваться, когда сам комиссар организовал в районе Станички опытные стрельбы...

В другой раз, когда рота противника при поддержке трёх танков в районе Федотовки перешла в наступление, находившийся в окопах начальник политотдела полковник Брежнев оказался рядом с расчётом станкового пулемёта. Этот расчёт растерялся и не открыл своевременно огня. Что было дальше, сообщил в донесении командир стрелкового батальона: «До взвода немцев воспользовавшись этим, подобрался к нашим позициям на бросок гранаты. Тов. Брежнев физически воздействовал на пулемётчиков и заставил их вступить в бой. Понеся значительные потери, немцы отступили, бросив на поле боя несколько раненых. По приказу тов. Брежнева расчёт вёл по ним прицельный огонь, пока не уничтожил».

Был случай, когда автомобиль Брежнева попал под обстрел, ноги водителя были прошиты минными осколками. Леонид Ильич осторожно положил сержанта на сиденье, а сам сел за руль. Ему удалось выскочить из зоны обстрела, но вдруг разорвался шальной снаряд и его осколки попали в машину. Последние сотни метров Брежнев нёс водителя на руках... А ведь все эти случаи быстро разлетались на фронте. Как в такого политработника было не влюбиться!

«В конце лета 1942 года политотдел 18-й армии остановился в Туапсе, — продолжает рассказ Тамара Николаевна. — Тылового рая там не было — немцы бомбили город ежедневно. По тревоге выскакивали из домиков, прятались в блиндажах. А немецкие лётчики применяли особую тактику — “звёздочкой”

налетали с разных сторон. Из Туапсе Брежнев уходил на катерах на Малую Землю. А потом и весь политотдел подтянулся в Новороссийск. Отсюда начали мы наступать. Ростов, Польша, Чехословакия.

Дни рождения свои Леонид Ильич всегда переносил на Новый год. Тогда мы собирались всем политотделом и отмечали двойной праздник. Обычно это происходило в военторговской столовой. Кроме положенных в тот вечер каши и чая, каждый что-то с собой приносил. Девушкам разрешалось приходить в гражданском. У меня было крепдешинное платье, синее в цветочек (единственное, в котором я эвакуировалась из Днепропетровска), и бежевые туфли на высоком “гранёном” каблуке.

Когда мы прихорашивались перед вечером, как нам хотелось быть красивыми! На фронте у каждого была своя «симпатия». И каждой девочке очень хотелось понравиться. И поклонников вокруг множество. Брежнев всем девочкам нравился. Нельзя было в него не влюбиться. И красивый, и весёлый. Любил танцевать. Патефон у нас был и пластинки — фокстрот “Рио-Рита”, танго, вальсы. Вот мы сидим с девочками за столом, он подходит приглашать на танец. Положит руку на плечо: “Потанцуем?” Аристократических манер у него не было, но приглашал он очень ласково. Улыбочка добродушная, беззубая, с ямочками — ну невозможно же ему отказать. И вот мы с ним кружимся в вальсе по всему залу, и я чувствую, как он бережно ведёт меня, какой он сильный, и он ко мне прижимается. А потом после вечера шёл провожать — хоть и недалеко, но обязательно проводит. Однажды приревновал меня. Я писала какой-то документ, а напротив меня сидел майор, начальник отдела. Дело было под вечер. Он наклонил голову, у него были такие мягкие пушистые волосы — я на них дунула, они так смешно разлетелись. Леонид Ильич проходил как раз мимо, увидел, но мне тогда ничего не сказал. А через некоторое время спрашивает:

Виктория Петровна и Леонид Ильич Брежнев

— Ну как твой майор?

— Какой? — удивляюсь я.

— А вот этот. — И он дунул, как я тогда.

Мы рассмеялись».

Племянница Леонида Ильича Любовь Яковлевна Брежнева с самого раннего детства неоднократно слышала, что дядя несчастлив в семейной жизни. Ещё перед войной он якобы признавался своему брату, что не любит жену, но вынужден терпеть из-за детей. В своих мемуарах она утверждает:

«Леонид Ильич женился рано, когда ему не было и двадцати двух лет. Виктория Петровна никогда не отличалась красотой и по молодости очень комплексовала рядом с ярким, жизнерадостным и обаятельным мужем. У многих сложилось впечатление, что уступая по всем качествам Леониду, она задвинула себя на второй план, ни во что не вмешивалась и ни во что не вникала. В политическую жизнь мужа Виктория Петровна действительно не лезла по двум причинам: во-первых, ничего в политике не понимала, а во-вторых, Леонид Ильич, будучи по натуре мягким и терпимым человеком, тем не менее осаждал

каждого из членов семьи при малейшем намёке на вмешательство в его работу. Тут он был непримирим и даже груб. Совсем иначе дело обстояло в личной жизни, и я могу со всей ответственностью сказать, что главой семьи была Виктория Петровна. Она проявляла редкую последовательность в вытеснении родственников мужа из его жизни и стойко и зорко охраняла права своих многочисленных сестёр и их детей, которые беззастенчиво представляли себя при случае и без “племянниками Брежнева”».

Как-то в пылу ссоры с Викторией Петровной брат генсека Яков Ильич не сдержался и сказал: «Дурак я, что не дал тогда Леониду башку ей отрубить». Комментируя этот случай, он поведал своей дочери такую историю: «После войны, почувствовав себя генеральшей, Виктория, решив, что её гардероб не соответствует новому статусу, устроила Леониду скандал по поводу женских тряпок. Чрезвычайно выдержанный и спокойный, Леонид молча стрёб её платья и туфли и, схватив топор, изрубил это всё в мелкие кусочки». Таким Леонида Ильича родной брат не видел ни разу: «“Будто бес в него вселился”. Он рубил этот символ бабского мещанства с таким остервенением, будто заклятого врага. По лицу его катились слёзы».

Наверное, не зря Леонид Ильич говорил про свою жену шутя: «она, как чемодан без ручки, — и выбросить жалко, и таскать неудобно». Наверное, не зря он называл Викторию Петровну мужским именем «Витя»...

О том, почему Брежнев не смог узаконить свои отношения с Тamarой Николаевной после войны, его племянница приводит достаточно убедительные доводы:

«Тамара рассказывала, что пришлось ей сделать несколько аборт, после которых не было даже возможности отлежаться. Дошли каким-то образом слухи о романе генерала Брежнева до Сталина. “Ну что ж, — сказал законодатель советской нравственности, — посмотрим, как он поведёт себя дальше”. Эту, казалось бы, ничего не стоящую фразу передали Леониду. Леонид,

который, как рельефно выразился мой отец, “наклат в штаны”, призадумался.

А подумать было над чем. Любовь любовью, а карьера карьерой. Брежнев отлично знал, что Сталин проявлял исключительный интерес к “личным досье”, находящимся в картотеке КГБ. Он понимал также, что от сводок местных чекистов зависит не только его карьера, но и жизнь. Бросить семью значило получить выговор по партийной линии, последствия чего были известны. К тому же мать, которую Леонид очень любил и с которой считался, против второго брака возражала. Она понимала, что сын Викторию не любит, но были внуки Галя и Юра, которых она жалела. Невозможность соединить жизнь с близким человеком, очевидно, работала на расхождение у моего дяди реальных чувств с суррогатом, как позднее на расхождение слова с делом. Роман с Тamarой у Леонида тянулся долгие годы, они сходились и вновь расходились. Это было болезненно для обоих и для его семьи. Никто не знает, как Леонид Ильич расстался с Тamarой, о чём говорили они, прощаясь. Пусть это останется между ними.

Когда Леонид перебрался в Москву, он устроил Тамаре квартиру в престижном по тем временам районе на Соколе. Прихлебатели об этом донесли Виктории. Её этот факт взбесил: мало того что эта фронтовичка хотела увести отца у детей, она ещё использует его связи! Леонид, больше всего ненавидевший семейные скандалы, которыми был сыт по горло, чтобы как-то успокоить жену, сказал, что квартиру помог получить Тамаре брат Яков через свои московские связи. Когда вскоре после этого за обедом зашёл разговор и мой отец подтвердил слова Леонида, Виктория сказала: “Ты, Яша, как был дураком, так им и остался. Как брат, ты можешь, конечно, Леонида покрыть, но не до такой же степени. Может, ты ещё скажешь, что спал с ней вместо него?” Леонид плюнул с досады и вышел из-за стола.

За всю войну Леонид Ильич подарил своей любимой только несколько фотографий.

«Вот на обороте одной карточки написал: “Милая Тома! Помни всегда, что у тебя есть надёжный, любящий тебя друг. 5 мая 1943 года. Л. Брежнев”, — вспоминает Тамара Николаевна. — Ещё были у меня его записки, которые он присылал с передовой. Когда кончилась война, меня сразу демобилизовали. А он ещё оставался служить. Это было в маленьком чешском городе, недалеко от Карловых Вар. Потом я там бывала несколько раз, но никак не могла вспомнить, где этот городок. Леонид Ильич провозжал меня, довёз на машине к поезду. Никто никому ничего не обещал. Мы не знали, что с нами будет.

Я поехала в Киев. Закончила медицинский техникум, вышла замуж. В 1947 году он прислал мне письмо, просил приехать на встречу в Черновцы, где было политуправление 4-го Украинского фронта. Я приехала. Там я познакомилась с его женой Викторией. Она мне сказала: Тома, я всё знаю. Но я никого не упрекаю и не обвиняю. Я только прошу тебя уехать. Я уехала в тот же вечер. Часа через два поезд остановился на какой-то маленькой станции. Я глянула в окно и вдруг увидела на перроне Брежнева и его ординарца Ивана Павловича. Оба какие-то грязные, прокопчённые. Они догоняли меня на паровозе. Брежнев умолял меня вернуться и остаться с ним, но я сказала: нет, я же обещала Виктории, что уеду.

Мы продолжали встречаться. Как-то раз он собирался ехать в Москву из Черновцов через Киев. Мама Леонида Ильича Наталья Денисовна узнала об этом и приехала в Киев повидаться с сыном. Она остановилась у меня. Ко мне же на квартиру приехали потом Брежнев с Мехлисом, членом военного совета 4-го Украинского фронта, членом Политбюро ЦК, любимцем Сталина. Мехлис тогда очень уговаривал меня поехать с Брежневым. Но я отказалась».

О фронтовом романе Брежнева знали многие, в том числе и самые близкие люди. Ведь насколько он любил эту женщину, настолько и переживал с ней разлуку. Незаживающая душевная рана вынуждала откровенничать и не однажды. Дочь ген-

сека Галина также была в курсе событий, рассказывая самую большую тайну семьи своим подругам. Например, одна из таких подруг, Энгелина Рогальская, до сих пор помнит о самом сокровенном семьи Брежневых: «Ой, это целый роман! Всё началось в Днепропетровске. Леонид Ильич Брежнев, Щёлков и был ещё такой Николаев — потом он стал министром. Так вот все трое тогда молодых парней любили одну женщину — Тамару. Она предпочтение тогда отдала Николаеву. Но он потом жизнь самоубийством кончил. А во время войны весь фронт прошла Тамара фронтовой медсестрой с Леонидом Ильичом. Красавицей была! А потом Леонид Ильич её в Москву пригласил и за генерала выдал замуж. Она взяла из детского дома девочку, потому что думала, что родить не сможет. А как только взяла девочку, забеременела, родился Володька, он с Игорем Щёлоковым дружил... Тамару очень Леонид Ильич любил, хоть книгу пиши».

Однажды на одном из праздничных приёмов брат-Брежнева наклонился к дочери и тихо сказал: «Посмотри на пару, которая сейчас вошла. Это Тома, боевая подруга Леонида. Я к ним подойду, а ты понаблюдай со стороны. Лёнька был в неё влюблён без памяти». «Я знала из семейных разговоров о Тамаре и не без любопытства принялась её разглядывать, — утверждает Любовь Брежнева. — Рядом с седым представительным мужчиной в генеральской форме стояла полноватая, но ещё стройная женщина в элегантном вечернем платье, с красивой причёской и уверенным, но доброжелательным лицом. В глазах её и улыбке была неповторимая прелесть, и мне сразу стало понятно, почему эта женщина долгие годы играла такую роковую роль в жизни дяди. Красавица она была редкая! Увидав отца, она вся так и вспыхнула, и радость озарила её лицо. Отец пожал руку генералу, хотел поцеловать Тамаре руку, но она вдруг порывисто, совсем не по-светски обняла и расцеловала его тепло и просто. Они беседовали недолго, и отец вернулся ко мне, растроганный, с влажными глазами. “Дурак Лёнька, — сказал

он мне, — сам несчастный и её не пощадил. Только о нём и спрашивала”. К сожалению, мы вскоре ушли, и я больше никогда Тамару не видела».

О послевоенных встречах с Леонидом Ильичом Тамара Николаевна поведала весьма кратко и достаточно корректно. Здесь она не могла перейти каких-либо границ. Но тем и ценен её образ, так горячо любимый Брежневым:

«Так случилось, что моего мужа одновременно с Брежневым направили в Казахстан. Мы встречались с Леонидом Ильичом в Алма-Ате. Потом и мы, и Брежневые переехали в Москву. Мы дружили семьями, часто бывали у него на даче. Они с Викторией приходили к нам в гости. И никогда ни Виктория, ни мой муж не заикнулись о том, что было между мной и Брежневым на фронте.

Последняя встреча наша была примерно за год до смерти Леонида Ильича. Он жаловался, что у него бессонница, ему нужно принимать снотворное. Мне потом рассказывали, что он буквально помешан на снотворном. Тайком от врачей “стрелял” снотворное у членов Политбюро. Медики потом стали давать ему “пустышки” с водой. Я думаю: что же с ним сделали, почему он стал таким?..

Я ходила на его похороны. Он был необыкновенно добрый и обаятельный человек. У меня с ним связаны только самые хорошие воспоминания. И когда я его вспоминаю, плачу...» Сам Леонид Ильич говорил о ней:

— Какая это была женщина, Тома моя! Любил её как... Благодаря ей и выжил. Очень жить хотелось, когда рядом такое чудо. С ума сходил, от одного её голоса в дрожь бросало. Однажды вышел из блиндажа, иду по окопу. Темно было совсем, ночь была сказочная, с луной, звёздами. Роскошь, одним словом. Слышу, Тамара моя за поворотом с кем-то из офицеров разговаривает и смеётся. Остановился я, слушаю как замороженный, и такое счастье меня охватило, так что-то сердце сжалось, прислонился я к стене и заплакал.

P.S.

Уже после написания и выхода в свет данного очерка автору удалось найти одно весьма любопытное свидетельство, а вслед за ним и один уникальный документ.

Итак, свидетельство: «В 1939 году в Днепропетровске “мэр” Щелоков на стадионе во время футбольного матча познакомился с Тамарой Лаверченко. Молодые люди стали встречаться. В начале войны Лаверченко эвакуировалась в Кисловодск, затем ушла медсестрой на фронт и попала в часть, где служил Брежнев. И... стала фронтовой любовью Леонида Ильича. Начальник политотдела 18-й армии испытывал к спутнице своей фронтовой жизни очень сильные чувства, читаем в книге Любви Брежневой “Племянница генсека”. Ну, а Николай Анисимович простить свою подругу не смог, о чем известил ее запиской. Получается, что в молодости Брежнев даже отбил у Щелокова девушку!» (Кредов С. Щелоков. ЖЗЛ. М., 2011 г.).

Документ — это наградной лист на вольнонаемную, старшего повара штаба 18-й армии Лаверченко Тамару Николаевну, представляемую к медали «За боевые заслуги»:

«Лаверченко Тамара Николаевна с первых дней Отечественной войны находится в рядах действующей Красной Армии в качестве вольнонаемной в должности старшего повара Финчасти штаба 18-й Армии.

В трудных условиях боевой жизни проявила большую выдержку и работоспособность вне зависимости от условий и обстановки работы.

Тов. Лаверченко выполняя служебные задания части выехала для выплаты денежного содержания офицерскому составу штаба на ВПУ в район Новороссийска в июне — июле месяцах 1943 года, где подвергалась арт.обстрелу и налетам вражеской авиации. Несмотря на большую опасность порученное задание было выполнено.

Самоотверженную и усердную работу в действующей Красной Армии, которая положительно справлялась на работе в фин-

части штаба с важной государственной задачей по увеличению безналичных расчетов и вкладных операций, а также своевременное обеспечение денежным содержанием личного состава штаба.

Лаверченко Тамара Николаевна достойна к награждению Правительственной награды Медалью “За боевые заслуги”

Начальник Финчасти штаба 18 Армии
Майор интендантской службы Попов

14 мая 1945 г...»

(ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1848. Л. 20).

МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ, НЕ МЕНЯЮЩИЙ ЖЕНЩИН, КАК ПЕРЧАТКИ

МОЙ БАГРАТИОН

Главный маршал авиации А.Е. Голованов в рецензии на книгу о маршале Советского Союза К.К. Рокоссовском написал буквально следующее: «Если бы меня спросили, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского; я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает ещё своего исследователя».

В своих мемуарах Голованов также не забыл о Константине Константиновиче: «Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время Великой Отечественной войны».

И действительно, война не застала врасплох генерала Рокоссовского. Будучи командиром механизированного корпуса, он один смог отстоять свою артиллерию, когда накануне войны войскам Киевского Особого военного округа было приказано выслать её на полигоны, находившиеся в приграничной зоне.

Тогда же, учитывая отсутствие боевой материальной части (её укомплектованность на 30 %), Рокоссовский ограничил использование танков для учебных целей из опасения оказаться на

войне вообще без танков (учебная техника была на износе, моторы оставляли желать лучшего).

С началом войны Константин Константинович взял на себя ответственность за вскрытие особо секретного оперативного пакета за подписью заместителя начальника Оперативного отдела штаба. Хотя его можно было вскрывать только по распоряжению председателя Совета Народных Комиссаров или Наркома обороны.

Далее он приказал вскрыть центральные склады без разрешения сверху с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. При этом написал море расписок интендантам.

Выступая в поход, Рокоссовский запретил выдавать командирам и сержантам петлицы защитного цвета и знаки различия, чтобы командир резко выделялся в боевых порядках.

Получив приказ на проведение контрудара, он снова взял на себя огромную ответственность не наносить его, а встретить врага в обороне. Его корпус не просто атаковал немцев, но и отбросил их. При этом бойцы и командиры стали обстрелянными и убедились в том, что немца можно бить.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, корпус Рокоссовского стремился нанести противнику как можно большой урон. И это, надо сказать, у него получалось. Однако что он мог сделать один среди немногих, таких же, как он?

Вспоминая 41-й год, маршал писал в своих мемуарах: «Приграничное сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к расшатанному фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять военной машине противника, но и нести ему сокрушительный удар».

«Рокоссовский со своим корпусом попал в окружение, — рассказывал генерал-лейтенант авиации Н.А. Захаров Феликсу Чуеву. — Надо сказать, что войну он встретил, в отличие от

многих наших командиров, очень подготовленно и грамотно. Перешёл в контрнаступление и, разбив превосходящие силы врага, послал в вышестоящий штаб депешу с просьбой разрешить ему взять Варшаву. Естественно, он не знал общего положения на театре военных действий, и ему совершенно справедливо было приказано отступить. Рокоссовский, отступая, вывел свой корпус в расположение наших войск с соотношением потерь 1:2,5 не в пользу немцев. И это летом 1941 года! Такова цена полководца».

К слову, корпус Рокоссовского успешно действовал на Новгород-Волынском направлении, где он, взаимодействуя с другими соединениями фронта, нанёс 10 июля 1941 г. контрудар по противнику с севера. Контрудар оказался неожиданным и пришёлся по слабо укреплённому стыку двух пехотных дивизий противника.

Контрудары войск Юго-Западного фронта восточнее Новгород-Волынского, где действовал корпус Рокоссовского, и в районе Бердичева вынудили противника приостановить наступление на подступах к Киевскому укреплённому району.

В июле 41-го Рокоссовский возглавил одну из пяти армейских оперативных групп, созданных в соответствии с директивой начальника Генерального штаба от 18.7. для нанесения ударов из районов Белого, Ярцева, Рославля по сходящимся направлениям на Смоленск с задачей во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями разгромить противника севернее и южнее города.

Действуя на важнейшем направлении в течение нескольких дней, группа Рокоссовского, сформированная им из отходивших частей, отражала на рубеже реки Вопь в районе Ярцево ожесточённые атаки танковых соединений Гота, стремившихся прорваться на восток к Вязьме и в юго-восточном направлении к Ельне в целях соединения с частями 2-й танковой группы Гудериана.

При организации обороны на левом берегу реки Вопь войска Рокоссовского впервые за войну сделали попытку создать проти-

*Красноармеец конвоирует пленных немцев,
захваченных под Москвой. 1941 г.*

вотанковую оборону, основанную на противотанковых опорных пунктах, размещаемых на танкоопасных направлениях. 28 июля группа нанесла контрудар, в результате которого соединения противника были вынуждены перейти к обороне. А 1 августа, одновременным ударом группы с востока и частей 16-й и 20-й армий с запада, находившихся в окружении, был прорван фронт окружения.

После выхода войск из окружения генерал-майор Рокоссовский вступил в командование 16-й армией. Участвуя в оборонительных и наступательных боях, войска его армии форсировали Воль, овладели вражескими укреплениями на западном берегу, отвлекая на себя часть резервов противника из Ельни, способствуя успешному проведению Ельнинской операции Резервного фронта.

Заметную роль его армия сыграла и в обороне Москвы. Она достаточно активно участвовала в Можайско-Малоярославецкой и Клинско-Солнечногорской оборонительных операциях.

В ходе октябрьского наступления противника войска 16-й армии, прикрывая подступы к столице на Волоколамском направлении, проявили исключительное упорство.

Против армии противник бросил четыре дивизии (200 танков), а у него на каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк приходилось не менее 5 км фронта обороны. Плотность же артиллерии на 1 км не превышала двух орудий. Тем не менее Рокоссовскому удалось противопоставить массированным ударам противника при поддержке авиации хорошо организованную оборону, в которой огромную роль сыграли противотанковые опорные пункты и районы. 27 октября 16-я армия остановила немцев восточнее Волоколамска благодаря чёткому управлению, умелым маневрам силами и своевременным вводом резервов.

В ходе нового ноябрьского наступления противника на Волоколамско-Истринском направлении против его армии, занимавшей фронт обороны в 70 км, перешла в наступление 4-я танковая группа (не менее 400 танков) при массовой поддержке авиации. Но уже 5 декабря она была остановлена приблизительно в 20 км от главного рубежа Московской зоны обороны умело организованной обороной, которая отличалась стойкостью и высоким моральным духом войск Константина Константиновича.

Армия Рокоссовского первой перешла в контрнаступление под Москвой. «Глубокий снежный покров и сильные морозы, — писал он в своих мемуарах, — затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения».

Феликсу Чуеву рассказывали, что после победы под Сталинградом одним из первых Рокоссовскому прислал поздравление начальник тюрьмы («Кресты»), где он сидел с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 года. «Рад стараться, гражданин начальник!» — ответил ему Рокоссовский.

А вот что поведал Ф. Чуеву Главный маршал авиации А.Е. Голованов: «Когда мы прибыли из Сталинграда, нас принял Сталин, это после завершения операции “Кольцо”, всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал: “Спасибо, Константин Константинович!” Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-то по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И.В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой — полководец Сталинграда...»

К слову, командующий войсками Донского фронта генерал Рокоссовский, осуществляя операцию по ликвидации окружённой группировки противника под кодовым наименованием «Кольцо» (10 января — 2 февраля 1943 г.), сумел рассеять вражескую группировку на две части. Уже 31 января была разгромлена южная группировка войск 6-й армии Ф. Паулюса, а 2 февраля капитулировала северная. Но прежде всего успеху операции способствовало полководческое мастерство самого Рокоссовского.

Именно Рокоссовский был уверен, что на Курской дуге решится исход кампании 1943 года, тогда как другие предлагали там нанести упреждающий удар по противнику.

Это несколько колебало уверенность Сталина, как Верховного, в принятом им уже решении вести оборонительные действия.

«Прошёл май. Опять всплыли разговоры об упреждающем ударе с нашей стороны. Рокоссовский переживал, как бы в Ставке не приняли такое решение. Соотношение сил было примерно равным, и преимущество будет на стороне обороны. Наступающий должен иметь значительное превосходство в силах и особенно в средствах. Организованная оборона давала твёрдую уверенность Рокоссовскому, что он разгромит противника, а возможное наше наступление наводило на размышления. Тем более что Рокоссовский принадлежал к числу тех полководцев, которые планировали операции с минимальными потерями. Одна-

ко Ватутин по-прежнему был уверен в успехе предполагаемого упреждающего удара...

В конце июня разведка донесла, что противник начнёт наступление второго июля. Но ни второго, ни третьего, ни четвёртого июля ничего не произошло. Напряжение росло» (Феликс Чуев).

«В ночь на пятое июля я был на докладе у Сталина на даче, — пишет Голованов. — Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твёрдость в принятии своих решений, уверенность в правильности, а главное — обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали, и наконец Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о разговоре с Рокоссовским, где на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, последний ответил, что для наступления, имея в виду соотношение сил, ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивая на том, что немцы обязательно начнут наступление, что они не выдержат долго, ибо перевозочных средств у них сейчас еле хватает лишь на то, чтобы выполнить текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время. И наконец не то вопросом, не то с каким-то сожалением Сталин сказал:

— Неужели Рокоссовский ошибается?.. — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивлённо Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А всё-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин».

В 1944 году в Ставке обсуждались разные варианты проведения Белорусской операции. Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии Рокоссовский предлагал, как всегда, самый необычный вариант: нанести одновременно два главных удара. Маршал Жуков и Генеральный штаб выступили категорически против такого предложения. Более того, их поддержал сам Верховный. Ведь считалось абсолютно правильным нанесение всего лишь одного главного удара при прорыве хорошо подготовленной обороны противника, остальные же должны были нести вспомогательный характер, скрывая истинное направление нанесения главного удара.

Противники Рокоссовского настаивали на ударе с плацдарма на Днепре в районе Рогачёва.

Рокоссовский вспоминал: «Окончательно план наступления отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подвергались критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачёва), находившегося в руках 3-й армии.

Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать своё решение. Убедившись, что я твёрдо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представляли.

*Генералы К.К. Рокоссовский и К.Ф. Телегин у карты
в командном пункте 1-го Белорусского фронта*

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надёжная гарантия успеха». Далее полководец объясняет причину настойчивой защиты решения о двух ударах: «Дело в том, что местность на направлении Рогачёв, Бобруйск позволяла в начальный период наступления сосредоточить там лишь силы 3-й и частично 48-й армий. Если этой группировке наших войск не оказать помощи, на другом участке противник будет в состоянии не допускать здесь прорыва своей обороны. В случае необходимости он для парирования угрозы имел бы возможность перебросить сюда силы с неатакованных участков.

К этому необходимо добавить, что правый фланг 3-й армии упирался в район, занимаемый противником не только по западному, но и по восточному берегу Днепра. Это вынуждало нас принять надлежащие меры для обеспечения правого фланга армии и фронта. Удар 65-й и 28-й армий на левом берегу Березины в направлении Бобруйск, Осиповичи лишал противника возмож-

Маршал К.К. Рокоссовский

ности перебросить свои силы с этого участка против 3-й армии, и наоборот. Ударами на двух направлениях вводилась в сражение одновременно основная группировка сил правого крыла фронта, чего нельзя было достигнуть ударом на одном участке из-за его сравнительной ограниченности. Кроме того, успех, достигнутый на любом из этих участков, ставил противника в тяжёлое положение, а войскам фронта обеспечивал успешное развитие операции».

К слову, Константин Константинович тогда своим фронтом впервые в мировой

военной практике нанёс два главных удара (передний край протяжённостью 900 км). При этом с плацдарма у Рогачёва успех не был достигнут. Зато там, где наносился второй главный удар, был достигнут наибольший успех!

«Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны, — писал главный маршал авиации Голованов. — Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению с подчинёнными, к которым всегда относился с уважением, никогда не подчёркивая своего служебного положения и в то же время обладая волевыми качествами и выдающимися организаторскими способностями, он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех, кто с ним общался».

После Белорусской операции, которую изучают во всех военных академиях мира, Сталин назвал Константина Константиновича «мой Багратион». За неё же Рокоссовский и стал маршалом.

ЮЛИЮ ПЕТРОВНУ ПРЕДАТЬ НИКОГДА НЕ СМОГУ!

«В конце XIX века в селе Холмогой Иркутской губернии жил Григорий Курсанов, купец из крестьян, который с 1892 года являлся совладельцем Троицкого винокуренного завода, — рассказывают Г. Макагон и И. Подшин по материалам Заларинского краеведческого музея о безответной любви Рокоссовского. — Было у него три сына — Василий, Иннокентий и Гавриил. После Столыпинской аграрной реформы братья разделили сферы влияния в волости. Младшему Гавриилу достались сёла Петухово и Залари. Он открыл в Заларях шесть магазинов, скупал у населения сельхозпродукцию и снабжал ею Иркутск, Черемхово и север губернии. Кроме того, торговал мануфактурой, посудой, чаем, и в 1907 году его товарооборот составил 60 тысяч рублей, а чистая прибыль — около 4 тысяч.

Курсановы заботились не только о наживе. Гавриил вкладывал деньги в ремонт Николаевской церкви, в строительство двухклассного училища, создал библиотеку и впервые в Заларях, задолго до Ильича, провёл электрический свет, правда только в своей усадьбе. То есть был Гавриил Григорьевич настоящим «просветителем»

Заларинцы уважали купца и не тронули его во время Гражданской войны. Однажды он даже ходатайствовал за местного партизанского главаря Ивана Смолина, схваченного чехами, и тот был ими отпущен. Поэтому магазины у Курсанова отняли только в 1921 году, после чего он с семьёй уехал в Иркутск и умер своей смертью.

У купца было трое детей: дочери Еликонида и Мария, которую домашние называли Мака, и сын Иннокентий. В 1921 году

Маке исполнилось 20 лет. В это самое время в Заларях квартировал полк Рокоссовского. Командиру было 24 года, и он в свободное от службы время начал ухаживать за купеческой дочкой.

Старожилы вспоминают, что высокий статный кавалерист, затянутый кожаными ремнями и с орденом на груди, и не менее статная барышня, знавшая несколько языков и прекрасно музицировавшая на рояле, вместе смотрелись весьма эффектно. Классовое происхождение пассии не смущало бывшего рабочего Костю Рокоссовского. Во всяком случае на работниц и крестьянок он не клевал.

Но неожиданную конкуренцию Рокоссовскому составил его ровесник Владимир Забельский, который был командиром полкового артиллерийского транспорта. Как развивались события в этом любовном треугольнике, история умалчивает, но Мария в конце концов предпочла начальнику подчинённого. Она вышла за Забельского замуж, но соперники остались друзьями.

Командир полка горевал недолго. Вскоре полк был переведён в Кяхту, и там, в театре, на представлении чеховской «Чайки», Рокоссовский познакомился с местной гимназисткой Юлией. Когда спустя год он стал комбригом, гимназистка превратилась в Юлию Петровну Рокоссовскую.

Неизвестно, жалела ли заларинская красавица о своём выборе, могла ведь женой маршала стать. Во всяком случае в 30-х годах не жалела. Рокоссовского и Забельского арестовали почти одновременно. Оба попали в ежовские застенки. Спустя четыре года Рокоссовский вышел на свободу, его друг — нет. Владимира Антоновича Забельского расстреляли в 1938 году. Мария Гавриловна с дочерью жили в Иркутске».

К слову сказать, на Юлии Петровне Барминой Константин Константинович женился в мае 1923 года. Вскоре у них родилась дочь Ариадна.

«Командир и комиссар 5-го кавалерийского корпуса Рокоссовский был арестован 17 августа 1937 года, — пишет Л. Мле-

чин. — Сразу после того, как Политбюро утвердило приказ наркома внутренних дел Ежова “О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп” Липовые дела о подпольных польских боевых организациях фабриковались по всей стране. Посадили восемнадцать тысяч человек.

Поляков, служивших в Красной Армии, как, скажем, Рокоссовского, арестовали. Из них выбивали показания, что они пытались ослабить Красную Армию накануне нападения Польши. В Москве всё ещё готовились воевать с Польшей!

5-й кавалерийский корпус располагался в Пскове, так что Рокоссовским занимались особысты Ленинградского особого округа. Сидел он в “Крестах”

Генерал-лейтенант Николай Павленко, в ту пору главный редактор “Военно-исторического журнала”, бывал в шестидесятых годах на даче у Рокоссовского. И разговорил Константина Константиновича. Тот стал рассказывать о том, о чём никогда не вспоминал. Как его обвинили, что его завербовал польский агент Юшкевич. А он знал только одного Юшкевича — своего первого начальника в царской армии Адольфа Казимировича Юшкевича. В 1920 году тот командовал полком в дивизии Блюхера и погиб».

Один из сотрудников НКВД вспоминал, как однажды зашёл на допрос к Рокоссовскому, тот стоял. Высокий, лицо интересное. Обращаясь к следователю, сотрудник поинтересовался:

— Почему он стоит?

— Гражданин начальник, я стою так уже третий день, — ответил Константин Константинович.

— Садитесь. Мы разберёмся. Расскажите своё дело, — отослав следователя, начал говорить с Рокоссовским чекист.

Попав в тюрьму, будущий полководец уже не надеялся выйти живым, но благодаря силе духа, он держался и прекрасно понимал, что если подпишет — верная смерть. Во время допросов с пристрастием ему выбили 9 зубов, сломали рёбра, молотком отбили пальцы ног. Рокоссовского дважды выводили на расстрел

и давали холостой залп. Что пережил Константин Константинович, одному Богу известно. Но он выстоял...

Л. Млечин продолжает: «На заседании суда Рокоссовский рассказал, что Юшкевич погиб в Гражданскую:

— Судите, если у вас и мёртвые дают показания.

Суд прервали. Его дело поручили другому следователю. Особисты всё-таки нашли в Красной Армии командира по имени Юшкевич. Его арестовали и получили от него показания, что он завербовал Рокоссовского. Но тут ситуация изменилась, и Рокоссовского освободили. И так получилось, что через несколько лет ему прислали на должность командира корпуса генерала Василия Александровича Юшкевича, заслуженного офицера со многими орденами. Он пытался объяснить Константину Константиновичу, что его заставили дать ложные показания. Рокоссовский выслушал Юшкевича, но отказался служить с ним вместе. Генерала перевели в другую армию...

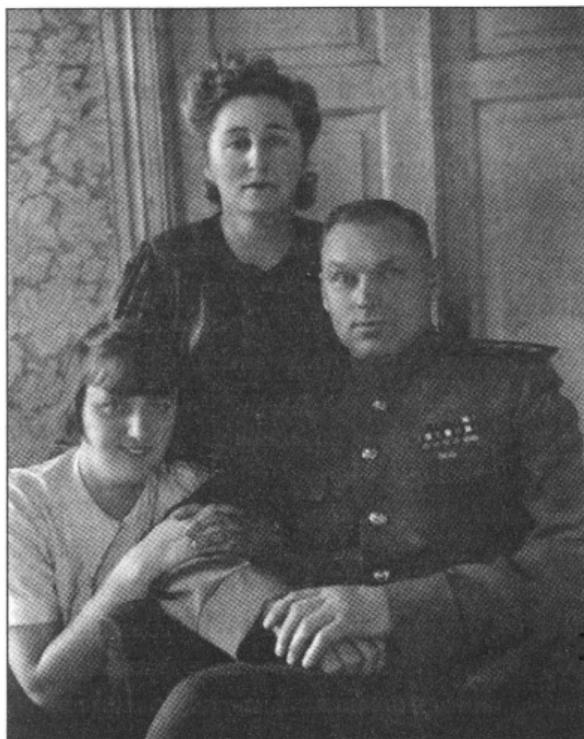
История реальная, но в реальности едва ли будущего маршала спасла грубая ошибка следствия. Другим командирам Красной Армии предъявили ещё более абсурдные обвинения, тем не менее Военная коллегия Верховного суда или окружные трибуналы преспокойно выносили смертные приговоры.

Рокоссовскому повезло, что следствие по его делу затянулось. А когда наркомом внутренних дел стал Берия, кое-кого освободили. 23 марта 1940 года отпустили и будущего маршала. Освободили ещё несколько военных, которых чекисты включили в преступную «польскую группу»

Рассказывают, что в тот день, когда Рокоссовского выпустили, шёл сильный ливень. Он попросил разрешения переждать дождь. Его заперли в камере. На следующий день, хотя дождь продолжался, будущий маршал немедленно ушёл».

Когда Сталин попросил Рокоссовского возглавить армию Народной Польши, тот сказал вождю:

— Для меня там снова может повториться тридцать седьмой год.

К.К. Рокоссовский с женой и дочерью

— Тридцать седьмого года больше не будет, — ответил Сталин.

После реабилитации до конца жизни маршал носил в кармане пистолет. Однажды дочь Ариадна спросила, зачем он носит с собой всегда оружие. Рокоссовский ответил: «Если за мной придут ещё раз, я им живым уже не сдамся».

Когда Константин Константинович находился в знаменитой ленинградской тюрьме «Кресты», его жена Юлия Бармина и дочь Ариадна жили в Армавире и назывались родственниками врага народа. Семье, как он узнал, когда вышел на свободу, пришлось хлебнуть лиха. Внук маршала Константин рассказывал, как его маму, которая в то время училась в пятом классе, учительница открыто называла дочерью врага народа. «Маму дразнили, она дралась, давала сдачи». Жену Рокоссовского третировали на ра-

боте, и дома как супругу «врага народа». Другие женщины, бывало, не выдерживали моральных пыток и отрекались от мужей, от родителей. А семья Рокоссовского терпеливо дождалась его освобождения.

В войну жена будущего полководца работала в Совете жён фронтовиков при одном из райвоенкоматов столицы. Их деятельность заключалась в том, чтобы собирать и отправлять посылки для бойцов. Также они организовывали концерты в госпиталях. Дочь маршала с самого начала войны рвалась на фронт. Константин Константинович просил её ни в коем случае без его ведома не принимать никаких решений. Как говорит внук Рокоссовского, дедушка «предложил маме приобрести военную специальность. Она пошла на курсы радистов при Центральном штабе партизанского движения. И окончила их в разгар битвы за Сталинград». Вскоре Рокоссовскому всё же пришлось забрать Ариадну на фронт. Он пристроил её на подвижной радиоузел. И изо всех сил старался делать вид, что не контролирует.

Из писем маршала Рокоссовского семье:

«Дорогая Люлю и милая Адуся! Как мне установить с вами связь — не знаю. Я здоров, бодр, и никакая сила меня не берёт. Я за вас беспокоюсь. Как вы там живёте? Забирайтесь куда-нибудь в маленький городишко подальше от больших городов, там будет спокойнее. До свидания, мои милые, дорогие, незабвенные. Заботьтесь о себе и не беспокойтесь за меня излишне. Ещё увидимся и заживём счастливой жизнью. Целую крепко-крепко, безгранично любящий вас Костя. 8 июля 1941-го».

«Дорогие, милые Люлю и Адуся! Пишу вам письмо за письмом, не будучи уверенным, получите ли вы его. Все меры принял к розыску вас. Неоднократно нападал на след, но, увы опять исчезали. Сколько скитаний и невзгод перенесли вы! Я по-прежнему здоров и бодр. По вас скучаю и много о вас думаю. Часто вижу во сне. Верю, верю, что вас увижу, прижму к своей груди и крепко-крепко расцелую».

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Был в Москве. За двадцать дней первый раз поспал раздетым, в постели. Принял холодную ванну — горячей воды не было. Ну вот, мои милые, пока всё. Надеюсь, что связь установим. До свидания, целую вас бесконечное количество раз, ваш и безумно любящий вас Костя. 27 июля 1941-го».

«Милая Люлюсик! Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Всё это передал мне лично корреспондент “Правды”, побывавший у тебя. Сижу, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого мне не надо. Не грусти, Люлю, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживём по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз. Любящий тебя твой Костя. 17 февраля 1942 года».

«Дорогая моя Люлю! Пользуясь случаем, посылаю тебе маленькую посылку, состоящую из всякой всячины. Хотелось бы и себя запаковать в эту посылку и появиться внезапно перед тобой, но, увы, этого сделать нельзя. Скучаю по вас, мои дорогие, ужасно хочется вас видеть... 16 марта 1943 года».

«Дорогие мои Люля и Адуся! Улучив свободную минуту, спешу сообщить о себе и о наших делах... 5.7 в 2 часа 30 мин. ночи немцы ринулись на нас своими полчищами танков, артиллерии, пехоты и авиации. В дело были брошены новейшие бронированные чудовища в виде “тигров”, “фердинандов”, “пантер” и т.п. пакости. 8 суток длился этот жестокий бой днём и ночью. Результаты боёв нам известны из газет. В общем, набили мы тут фрицев, захватили много пленных и военной техники. Одним словом, всыпали немцам “по первое число” Теперь гоним их на запад, освобождая ежедневно сотни населённых пунктов. Ты обижаешься, что мало пишу. Но поверь, бывают дни, когда буквально валишься с ног от усталости. Я по-прежнему здоров и бодр. Счастливая звезда пока мне сопутствует. Был случай, когда чудом остался жив. Дом, в котором я находился, разнесло в щепки, а у меня — ни царапины. Значит, не суждено пока погибнуть... До свидания,

мои дорогие, целую вас крепко. Любящий вас Костя. 29 июля 1943 года».

Константин Константинович во второй раз расстался со своей семьёй 22 июня 1941 года. В тот день он приказал отправить жену и дочь в Москву поездом. Но состав в назначенное время в столицу не прибыл. Так они потерялись на время. Рокоссовский шлёт письма семье по адресам всех родных и знакомых, надеясь, что жена и дочь обязательно объявятся у кого-нибудь из них.

А в это время под Москвой двадцатидвухлетняя выпускница медицинского института, а с недавних пор ординатор хирургического отделения 85-го походно-полевого госпиталя Галина Васильевна Таланова пробежала мимо молодого, красивого, статного и обаятельного генерала. Привезли раненых, и доктор спешила к полуторкам с открытыми кузовами, в задумчивости не заметив ни генерала, ни его неординарной внешности. Зато генерал обратил на доктора своё внимание, остановил и с приятной улыбкой на лице, окликнув, негромко сказал:

— Что же вы, товарищ военврач, не приветствуете старших по званию?

Он давно без семьи и вдруг словно наваждение — фигура его любимой женщины Люлю, матери его дочери. Молоденькая военврач была очень похожа на его жену, а потом она услышит от генерала признание, что как только он увидел её, «воробушка», в военной форме, в грубых сапогах, тоненькую, хрупкую, те же тонкие черты лица, — так сердце и ёкнуло: «Юлия!»

О том, как сумела покорить сердце 45-летнего красавца-генерала под два метра ростом крошечная девчушка вдвое его моложе, рассказала директор музея «Командный пункт Центрального фронта», что находится в местечке Свобода под Курском, Валентина Васильевна Озерова: «Галина Васильевна — потрясающая женщина. Когда мы познакомились, ей было уже за 60. Но сколько энергии, задора и женского шарма! Огромные карие глаза так и жгут. Думаю, в неё невозможно было не влюбиться».

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Галина Васильевна показала директору музея свой альбом, в котором много фотографий военной поры. И даже подарила фотографию, запечатлевшую день 7 ноября 1942 года на КП Сталинградского фронта в селе Малая Ивановка: высокий, статный генерал Рокоссовский — командующий войсками Донского фронта, а рядом — совсем хрупкая девушка, едва достающая ему до плеча — военврач II ранга Таланова.

«На снимках они с Константином Константиновичем рядышком вместе, — уточняет Валентина Васильевна Озерова. — Видно, хотели вот так продлить своё счастье. Много и писем Рокоссовского. И всё — в стихах. Огромные карие глаза Галины Васильевны сияли, когда она читала мне те поэтические послания. Те стихи очень-очень личные. Предназначенные ей, и только ей, “незабвенной соловушке”, как называл он её в письме из-под Курска... У Рокоссовского к Галине было глубокое, серьёзное чувство. Они ведь прошли вместе всю войну...»

Об отношениях молодого военврача и генерала буквально сразу же узнали все окружающие. О военно-полевом рбмане доложили Сталину, но тот пропустил его мимо ушей. Оставалось только завидовать. И влюблённые, вопреки смертельному риску, шагнули навстречу друг к другу через огромную разделяющую их пропасть. Сама Галина Васильевна прекрасно понимала тогда, что, возможно, она не имеет право именно на это чувство. Однако жизнь брала своё, и оно оказалось выше всякого разума. Ведь сердцу не прикажешь!

В представлении военврача 2-го ранга Г.В. Талановой к ордену Красная Звезда говорилось:

«В госпитале работает с октября 1942 г. Молодой растущий врач, с первых дней Отечественной войны работает в качестве хирурга. Работая в первые дни в медпункте Армии при налёте вражеской авиации на г. Волоколамск рискуя жизнью самоотверженно оказывала помощь бойцам и гражданскому населению.

В напряжённые дни работы госпиталя в г. Курске, когда госпиталь принимал до 750 раненых, тов. ТАЛАНОВА Г.В., не

считаясь с временем и усталостью по несколько суток не выходя из перевязочной, ведя сама до 250 раненых, оказывала хирургическую помощь и спасла жизнь многим командирам Красной Армии.

Представляю к Правительственной награде “Красная Звезда”
Начальник 85 ППГ майор м/с Шишманёва».

Под приказом войскам Центрального фронта за № 48/Н стоит подпись командующего войсками этого фронта генерала армии Рокоссовского и дата: «3 мая 1943 г.».

В статье о фронтовой любви маршала Рокоссовского её автор, Ю. Махрин, не забыл упомянуть и о майоре медицинской службы Шишманёвой:

«В начале февраля 1943-го, после разгрома фашистских орд на Волге, Ставка создала новый фронт, который был назван Центральным. Его командующим Сталин назначил Рокоссовского, проявившего себя искусным стратегом и под Москвой, и под Сталинградом. Сначала командный пункт обосновался в Ельце, а затем, пишет маршал в “Солдатском долге”, “появилась необходимость перевести КП ближе к войскам. Поэтому мы перебрались в населённый пункт Свобода, севернее Курска”

В столице соловьиного края к тому времени уже разместился 85-й походно-полевой госпиталь. Возглавляла его Галина Павловна Шишманёва — гражданская жена командующего артиллерией фронта Василия Ивановича Казакова, большого друга Рокоссовского. Обе Галины тоже были, что называется, неразлейвода. Как-то, дело было в июне, Шишманёва уговорила свою лучшую подругу поехать “на ужин к генералам”. Прибыв на КП, направились в столовую, где уже находились Рокоссовский с Казаковым. И угодили под бомбёжку. Таланова отделалась испугом, а начальник госпиталя получила тяжёлое ранение и через две недели скончалась.

Василий Иванович похоронил свою возлюбленную в Курске, на древнем Никитском кладбище. После войны поставил на её могиле необычный памятник. По углам — четыре артиллерий-

ских снаряда, а между ними свисала тяжёлая чугунная цепь. Вверху сияла большая пятиконечная латунная звезда».

В 1983 году Г.В. Таланова впервые после войны приехала в Свободу. У памятника своему любимому человеку она остановилась и долго внимательно рассматривала скульптуру. Мону-ментальный маршал, по её мнению, очень похож на настоящего. «Только вот губы немного не такие», — заметила бывший воен-врач. Разглядеть это мог только близкий маршалу человек...

Пути господни неисповедимы! Ведь матерью Галина Талано-ва стала в январе 1945 года в городке Менжинец под Варшавой — родиной Константина Константиновича. Она родила дочь, кото-рую назвали Надеждой. Рокоссовский сразу же признал ребёнка и дал Надежде свою фамилию. Но однажды их пути разошлись: Рокоссовского перебросили на другой фронт, а Галина Таланова вместе с ребёнком дошла до Берлина.

Она никогда и не мечтала стать женой Рокоссовского, пре-красно понимая, что вместе им не быть. У него семья, дочь. Мно-гие мужчины вздыхали по ней, и после войны она вышла замуж за лётчика-испытателя Кудрявцева. У них родилась дочь Мари-на. Жили они в Прибалтике. Но счастье было недолгим: Куд-рявцев погиб. Галина Васильевна Таланова вернулась в Москву, где работала в госпитале имени Бурденко. Говорят, что не раз ей предлагали руку и сердце, но она испытывать больше судьбу не захотела.

В 1996 году один из журналистов попросил Галину Васильев-ну рассказать о её романе с Рокоссовским. Но она уже не смогла произнести ни слова, лишившись, в результате тяжелейшего ин-сульта, дара речи. Она уже не смогла поведать о своей первой и фронтовой любви, которую пронесла в своём сердце через всю жизнь.

В 1944 году жена Рокоссовского Юлия Петровна Бармина уехала к мужу на 2-й Белорусский фронт. Больше они уже ни-когда не разлучались... А ведь Константин Константинович сразу предупредил возлюбленную: «Юлию Петровну предать

никогда не смогу!» и объяснил ей про 37-й и последующие годы...

Правнучка маршала Ариадна Рокоссовская однажды рассказала: «Мой папа узнал, что у него есть сестра Надежда Константиновна лишь в 1988 году. С тех пор, как они побывали в Свободе, подружились. Бабушка Надя, — так, и только так, называю я её. Для меня это теперь самый родной человек. А прабабушка Люлю, точно знаю, поняла и простила мужа».

НИКАКИХ ОТВЕТОВ НЕ НУЖНО — У МЕНЯ ПРИКАЗ

Рокоссовский, писал маршал Баграмян, «выделялся своим почти двухметровым ростом. Притом он поражал изяществом и элегантностью, так как был необычайно строен и поистине классически сложен. Держался он свободно и, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка, освещающая его красивое лицо, притягивала к себе». Постоянно находившийся при маршале его адъютант майор И.И. Жигреев восхищался поразительной выдержкой своего начальника. По его воспоминаниям, даже в неизменно тяжёлой обстановке Рокоссовский не повышал голоса, как обычно, обращаясь к подчинённым на «вы». Вот мнение о полководце члена Военного совета 65 А Ф.П. Лучко: «...каким он был скромным, таким и остался, хотя стал человеком известным в стране и мире — героем! Нет у него вельможности! И это весьма дорого и важно. К сожалению, у некоторых выдвиженцев манера, если пошёл в гору, то к нему уже не подступишься, только и слышишь: “Я” да “Я”. А про мы он забыл».

И, тем не менее, несмотря на такие качества, путь к вершинам славы Константина Константиновича был тернистым. Например, зимой 1920/21 года командир 2-го кавдивизиона 30-й стрелковой дивизии Рокоссовский занимался уничтожением банд в лесах Приангарья. Это были бывшие колчаковские солдаты и те, кто выступил против советской власти. В селе Уян молодой красный командир, которому было всего 24 года, за-

шёл на вечеринку и показал, как танцуют у него на родине в Польше.

Этот эпизод послужил основанием для возбуждения партийного дела. Сначала Рокоссовского разбирали на бюро коммунистической ячейки полка, а потом на общем партсобрании. Там было решено, что командир полка Рокоссовский, награждённый орденом Красного Знамени, нарушил правила поведения орденосца, зайдя на вечеринку, где могли быть дети кулаков и прочие враждебные элементы. Будущему полководцу объявили выговор «за чрезмерное увлечение танцульками». Те, кто настоял на этом, совершенно не знали, что двоюродная бабушка маршала Халевинская была примой балериной Варшавской оперы.

В 1926 году этот выговор сыграет свою роль. Тогда в политуправлении Сибирского военного округа аттестационная комиссия политуправления отметила, что Рокоссовский «достоин выдвижения во внеочередном порядке на должность командира отдельной кавалерийской бригады. Единоначальником полка быть не может». То есть командовать полком без комиссара не достоин. Так бы и осталось это взыскание, если бы Сибирский крайком не рассмотрел дело Рокоссовского и не снял взыскание.

В Российском государственном военном архиве, в одном из дел, подшито любопытное письмо К.Е. Ворошилова К.К. Рокоссовскому:

«Командиру и комиссару 15 кавалерийской дивизии тов. Рокоссовскому.

Уважаемый тов. Рокоссовский!

Ознакомившись с материалами совещания высшего начсостава Забайкальской группы перед разбором полевой поездки, я был крайне удивлён и скажу прямо, сильно огорчён характером Вашего выступления.

Я никак не мог ожидать, что перед трудностями, связанными с особыми условиями дислокации дивизии, спасуете именно Вы, специально отобранный мною на 15 кавдивизию.

При назначении Вас на эту должность мною были учтены, Ваш боевой опыт и знание Вами Маньчжурского театра. Тем непонятнее становится мне Ваше настроение, когда Вы признаёте возможным мириться с трудностями только в боевой обстановке. Разве подготовка дивизии, подготовка начальствующего красноармейского состава именно в особых условиях Забайкалья, не должны удесятерять энергию и темпы Вашей работы. А по существу: разве допустимо для командира-большевика нытьё в данной обстановке, когда, наоборот от Вас, руководителя дивизии, требуется личный пример большевистской стойкости и напористости и преодоления всех и всяческих трудностей.

Не ныть и не поддаваться моментам демобилизационного настроения и работать, не покладая рук, ведя за собой всю дивизию от успеха к успеху, вот что требуется от Вас тов. Рокоссовский.

Ожидаю подробного письма о причинах проявления Вами неустойчивости (надеюсь минутного и случайного, хотя и очень досадного) и хочу заранее верить, что Вы уже полностью осознали эту ошибку и последней работой безусловно снимете её со своей большевистской совести».

А ещё известны другие письма — благодарственные. От 33 бельгийских генералов, пленённых нацистами, и французских офицеров, которых освободили из плена войска Рокоссовского. Вот одно из них: «В момент, когда 33 бельгийских генерала, освобождённые в результате победоносного продвижения советских войск, находящегося под Вашим командованием, покидают 2-й Белорусский фронт, я счёл своим долгом передать Вам от их имени глубокую признательность за заботу о нас. Большая это честь для бельгийской армии и для нас самих в том, что мы были предметом внимания знаменитого советского военачальника, который был душой героической обороны Сталинграда, той обороны, которую история прославит как начало разгрома фашистов. Желаем, господин маршал, успеха вашему оружию — полной капитуляции врага и пользуемся счастливым случаем выразить Вам наши чувства уважения и преданности».

Были и другие письма, от женщин. «Он был очень красивый мужчина, — вспоминала Светлана Павловна Казакова. — Интеллигент! Говорил негромко, с милым польским акцентом. Все женщины фронта страдали по нему. Когда газеты печатали его фотографии, почтальоны носили письма в редакцию мешками — с объяснениями в любви. Одна англичанка слала их изо дня в день».

В одной из своих книг, в очерке о маршале Рокоссовском, Ф. Чуев коснулся такой истории: «Теперь уж можно рассказать — был у него роман с известной актрисой. Она даже пришла и рассказала об этом жене Рокоссовского Юлии Петровне. “Мы сами разберёмся”, — ответила ей Юлия Петровна, и актриса была поражена её благородством. Ведь она написала письмо Генеральному прокурору СССР о том, что давно близка с Константином Константиновичем, а тот почему-то не хочет оформить юридически их отношения. Неизвестно, как реагировал главный законник страны — он не оставил следов на этом послании. Зато осталась резолюция другого человека:

“Суворова сейчас нет. В Красной Армии есть Рокоссовский. Прошу это учесть при разборе данного дела. И. Сталин”

Генеральная прокуратура уважила просьбу Иосифа Виссарионовича и вообще не стала разбирать это дело. А актриса показывала друзьям золотые часики с выгравированной надписью: “ВВС от РКК” — как будто “Военно-Воздушным Силам от Рабочее-Крестьянской Красной...”, а не “Валентине Васильевне Серовой от Рокоссовского Константина Константиновича”».

Знакомство генерала Рокоссовского с Серовой действительно было. Но был ли роман?

В своих мемуарах полководец написал, как в штаб-квартире на командном пункте он взялся за ручку, чтобы подписать приказ, и вдруг за столом разорвался бризантный снаряд.

Далее читаем: «Осколок угодил мне в спину. Сильный удар... Невольно сорвались слова:

— Ну, кажется, попало...

Эти слова я произнёс с трудом, почувствовал, что перехватило дыхание. Ранение оказалось тяжёлым. По распоряжению командующего фронтом меня эвакуировали на самолёте в Москву, в госпиталь, занимавший тогда здания Тимирязевской академии.

Это было уже третье ранение за время службы в рядах Красной Армии. И всё вышло не так, как раньше...

Те раны получены в жаркой схватке. А вот третье ранение... Комнатная обстановка, перо в руке, случайно разорвавшийся близ дома снаряд. Не то время. Не та война. И должность не та...

Конечно, при соблюдении известной осторожности можно было этого случая избежать. Но факт остаётся фактом: меня приковало к постели. Досадно было, что на какой-то срок оказался вне строя и не смог участвовать в боях нашей армии, очищавшей от противника северный берег Жиздры.

Помощь врачей и крепкий организм взяли своё — начал поправляться. В госпитале я почувствовал, каким вниманием и любовью окружает наш народ пострадавших в боях воинов родной армии. Не было дня, чтобы кто-то нас не посетил. Раненых буквально засыпали подарками и письмами. Нас навещали рабочие и работницы, колхозники, писатели, корреспонденты газет, артисты и художники...

Пока лечился, смог разыскать свою семью — жену Юлию Петровну и дочь Аду, которые в начале войны эвакуировались из прифронтовой полосы. Очутились они в Казахстане, а затем в Новосибирске. Навестивший меня секретарь Московского комитета партии Г.М. Попов посоветовал перевести семью в Москву и помог с квартирой».

Внук маршала, Константин Вильевич Рокоссовский, в своём интервью «Российской газете» опровергает книгу Натальи Пушиновой о Валентине Серовой, где говорится о взаимной любви полководца с актрисой:

«Красавица актриса с бригадой приезжает подбодрить находящихся на излечении военных. Такое действительно было. Она заходит в палату Рокоссовского и... любовь с первого взгляда.

Влюблённым ничто не мешает. Актриса относительно свободна, генерал — относительно тоже. Его семья в далёком 41-м пропала без вести, и Серова помогает ему забыть. Цитирую: “В Москве ещё лежал снег, и Рокоссовский ждал сообщений о жене и дочери, ждал каждый день и не терял надежду, что они не в плену”. А вот тут начинается вымысел. На самом деле семья Рокоссовского никуда не пропадала, а спокойно жила в Новосибирске, ожидая, когда он

В.В. Серова

сможет перевезти жену с дочерью в Москву. В семейном архиве сохранилась справка начальника штаба 16-й армии от 30 сентября 1941 года, которая подтверждает, что Рокоссовская Юлия Петровна вместе с дочерью Адой Константиновной Рокоссовской проживает в городе Новосибирске по ул. Добролюбова, 91. Но вернёмся к книге. Там события разворачиваются стремительно. На следующий же день после знакомства в госпитале Константин Константинович посылает своего шофёра за Серовой прямо в театр. Но единственный шофёр Рокоссовского, который безотлучно находился при генерале с начала войны и был при нём в госпитале, — Сергей Иванович Мозжухин утверждает, что никогда не привозил Серову к Рокоссовскому. Он рассказал мне другую историю: в день знакомства Серова пригласила Рокоссовского в Большой театр, разумеется, когда он пойдёт на поправку. Деду это было приятно, что греха таить, всё-таки известная актриса! И спустя какое-то время они туда действительно поехали. В театр они зашли вдвоём с водителем со служебного входа, нашли указанную в пропуске ложу. Серова села рядом с Рокоссовским. На неожиданную пару, разумеется, смотрел весь зал, и генералу

было неудобно под пристальными взглядами театральной элиты. Кончился спектакль. Из театра Рокоссовский вышел вместе с Сергеем Ивановичем. Сел в машину и вернулся в госпиталь. И пошли по Москве слухи...

Светлана Павловна Казакова, вдова маршала артиллерии Казакова, который был в 1942 году командующим артиллерией 16-й армии и одновременно — лучшим другом бабушки, рассказывала: актриса как-то приехала в госпиталь ещё один раз. Это было в начале мая, и бабушка уже была в Москве. Серову к генералу не пустили. Одно дело актриса, которая участвует в концерте, другое — посетитель. Её не ждут. Она попросила разрешения поговорить с его женой. Юлия Петровна вышла. Серова призналась, что питает симпатию к генералу. Бабушка искренне посоветовала ей выбросить это из головы. Всё понятно — герой, романтика, но в жизни всё прозаичнее...

В своих воспоминаниях Агния Серова... утверждает, что встретила генерала у Серовой ранней весной 42-го года. Но в марте Рокоссовский был ранен, врачи боролись за его жизнь. Самостоятельно передвигаться генерал смог только в мае. А выписался он из больницы 22 мая — это уже поздняя весна. Скорее всего Агния Серова слышала где-то историю о том, что он якобы жил у Серовой...

В многочисленных легендах говорится: после выписки из больницы генералу предложили остаться на некоторое время в Москве и подлечиться. У него, как утверждают, не было в столице жилплощади, и он якобы несколько месяцев жил у Валентины Серовой. Цитирую Пушнову: “Врачи рекомендовали некоторое время отдохнуть в домашних условиях. Правда, таковых в Москве у генерала не имелось. Зато у Валентины на Малой Никитской было целых две квартиры. Они условились, что он поселится в верхней, Валиной, а сама Валентина поживёт пока в маминой, на первом этаже”. Но на самом деле за месяц до его выписки из госпиталя Мосгорисполком, учитывая заслуги Рокоссовского при обороне Москвы, выделил ему квар-

тиру на улице Горького, куда в апреле 1942 года переехала жена и дочь. Читаем книгу дальше: “Роман продолжался недолго, месяца три. Они ничего не скрывали, не прятались” Однако генерал, и это легко проверить, был на фронте уже через три дня после выписки. В нашем семейном архиве сохранилась справка из госпиталя в том, что 22 мая 1942 года он был выписан. В послужном списке маршала, в приказах и архивных документах значится, что 25 мая он прибыл на фронт. Этого же числа он пишет в письме жене и дочери: “Милые и дорогие мои Люлю и Адушя! Прибыл на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили мне провести с вами более продолжительное время...” И это, кстати, подтверждает, что несколько дней перед фронтом он провёл не у актрисы, а в новой квартире с женой и дочерью. Он не видел их почти год, с 22 июня 1941, когда во главе 9-го мехкорпуса выступил в боевой поход. Так что сами понимаете, нужды жить у Серовой не было. Времени тоже. Да и желания, если честно....

Вообще в семье разговор на эту тему заходил очень редко. Однако, когда я заинтересовался этим вопросом, мать отрезала: “Серова выдумала всё это сама!” Мне бы не хотелось обидеть потомков актрисы. Возможно, у неё были на то причины, однако в нашей семье эту историю вспоминали с горечью. Злые языки, как говорится, страшнее пистолета, и бабушке пришлось тогда нелегко. Мама рассказывала мне, что маршал, по его же собственным словам, не питал большой симпатии к Валентине Серовой. Их встреча не произвела на него впечатления. И он сначала не понял, что ту галантность, которой Рокоссовский был известен, актриса истолковала по-своему. Думаю, что прозрел он только тогда, когда кто-то из знакомых пересказал слух о его романе с Серовой. Он сразу сел за перо. Написал жене, чтобы держалась, не переживала: “Я знаю, что тебе будет трудно, так как всяких слухов и сплетен не оберёшься. Причиной этому является то обстоятельство, что многим стало просто

лестно связать моё имя с собой. Отметай все эти слухи и болтовню, как сор” Это было спустя две недели после возвращения на фронт. Бабушка знала, что всё это неправда, что после госпиталя он был дома, а не у Серовой, что во время лечения она, а не актриса сидела у изголовья больного, но всё равно приятного мало...

По рассказам деда, Серова действительно писала ему письма, один раз приезжала с артистами в его войска. Тогда она настаивала на отдельном выступлении со своей бригадой в штабе фронта. Шёл 43-й год, обстановка была напряжённая, и он отказал. Да и на фронт артистов пустили только потому, что генерал понимал: людям нужно хоть на мгновение отвлечься от войны, и лишить солдат небольшого концерта, да ещё и с участием той, которая “умела ждать, как никто другой”, он не мог. В качестве командующего Рокоссовский был предельно гостеприимен, и только. Кстати, когда я спросил у одного из сослуживцев деда, приезжала ли на фронт Валентина Серова, тот ответил: “А как же! Приезжала. И не только Серова. Многие артисты приезжали”. На мой вопрос, приезжала ли она к Рокоссовскому, ветеран обиделся: “Почему к Рокоссовскому? К нам ко всем приезжала. Поднимать боевой дух”. Потом он понял, почему я спрашиваю: “Ах, ты об этом? Вздорная болтовня! Такие слухи распускают те, кто тогда не был на фронте”

Люди из окружения Рокоссовского, и прежде всего военные, с удивлением слушали рассказы о мнимом романе и искренне смеялись. Всё-таки командующий всё время на виду, и его личная жизнь, уж поверьте, была известна его сослуживцам. Она, кстати, не была такой безоблачной, святым мой дед не был, тем более война... он встретил одну женщину — военврача Галину Таланову. Она была с ним всю войну, родила дочь. И его семье, и соратникам всё это было известно. Знали они также, что Рокоссовский разрывается между двумя любимыми женщинами, одна из которых рядом с ним переносит фронтовые невзгоды, а другая ждёт его дома. Она ждала его всегда — и когда он сидел в “Кре-

стах” по ложному обвинению, и когда ушёл на фронт. Валентине Серовой места в этом любовном треугольнике не было. И можно себе представить, как не ко времени и не к месту была эта известная актриса со своей известной любовью...

Светлана Павловна Казакова рассказывала мне, как старший сын Казакова Виктор, служивший в штабе артиллерии Центрального фронта, по поручению Рокоссовского лично отвозил Серовой записку, в которой тот просил больше не писать ему, а также пачку её писем. Они были даже не распечатаны. Серова сама открыла дверь. Прочитала. Сказала: “Я сейчас напишу ответ” — “Никаких ответов не нужно — у меня приказ”».

Константин Константинович со слов внука «был очень стеснительным человеком, ему всё было “нехорошо”, “неудобно”...»

К слову, в год знакомства с Рокоссовским Валентина Серова уже успела сняться в известных советских кинокартинах «Девушка с характером», «Сердца четырёх» и была достаточно популярной актрисой. Сам Константин Симонов, будущий её муж, посвятил ей своё знаменитое стихотворение «Жди меня». Его опубликовали не где-нибудь, а на страницах «Правды» зимой 1941 года. Было и другое...

Как утверждает Ариадна Рокоссовская, незадолго до приезда семьи Рокоссовский вежливо попросил Валентину Серову больше к нему не приходить. «Вдова маршала Ерёмченко рассказывала, что Валентина Серова в тот день была очень расстроена. Она плакала, её завели в процедурную, дали каких-то успокоительных капель».

В общем, на самом-то деле маршал Рокоссовский не был никаким ловеласом и похитителем женских сердец. Он был просто полководцем...

В 1949 году его вызвали в Москву. Сам Сталин пригласил на свою дачу. Когда на Ближней Рокоссовский не обнаружил вождя, то в недоумении просто сел в кресло и стал ждать. И вдруг из сада появился Сталин с букетом белых роз, и видно было, что он их не резал, а ломал, — руки были в царапинах.

И.В. Сталин

— Константин Константинович, — обратился Сталин, — ваши заслуги перед Отечеством оценить невозможно. Вы награждены всеми нашими наградами, но примите от меня лично этот скромный букет!

После войны Сталин от имени государства подарил Рокоссовскому роскошный особняк на Патриарших Прудах. Константин Константинович «царский» подарок принял, но разделил его на несколько квартир. «Освободившиеся» он предоставил своим сослуживцам по штабу фронта...

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
СОГЛАСНО ДИРЕКТИВЕ СТАВКИ.....	5
«За форсирование»	5
Форсировать Днепр	6
Ночь была удивительно теплая	9
Парашютный десант	16
Создание... Букринского плацдарма	18
КНП Кузминова	24
А как же с вызовом огня на себя?	28
Принялись делить награды.....	37
Герой Советского Союза — это святое.....	44
Примечания	45
СУДЬБА СОЛДАТА.....	47
Это было predetermined	47
Дезертировал из тыла на фронт	50
Танка нет	54
А бой кончился так.....	63
Это было счастье	66
Примечания	67

КОМАНДИРОВКА С ФРОНТА.....	68
Вызов в Москву	68
Из биографии	69
«Ходил в театры».....	72
Из биографии	73
Москва	75
Из биографии	79
Осмотрительность истребителя.....	79
Что я буду рассказывать.....	81
Примечания	82
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕГЕНДАРНОГО АСА.....	83
Был осужден условно на 8 лет	83
Говорят документы.....	84
Голова как дуб, летать не могу	85
Сталинградский фронт.....	90
Говорят документы.....	92
В опьяненном состоянии	93
Примечания	95
ЧЕРЕЗ 27 ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ	96
Сашка-подводник	96
Командир — личность творческая.....	100
Человек — слишком сложное «устройство»	103
Законная цель для атаки.....	106
Он готов был идти на суд.....	109
Через 27 лет после смерти	111
Примечания	113
ТРИЖДЫ ГЕРОЙ ПОКРЫШКИН И ГЕРОЙ ИСАЕВ.....	114
По памяти — девяносто машин	114

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Он ходил важно.....	122
Продвигался по службе, как летчик-политработник	124
Кто старое помянет	128
Как умел — так и жил, а безгрешных не знает природа... ..	133
<i>Примечания</i>	136
ДЯДЯ ЗНАМЕНИТОГО ПЛЕМЯННИКА	137
Офицер военного времени.....	137
Аристократ духа	142
<i>Примечания</i>	146
ВОЙНА ЛЕЙТЕНАНТА ТОДОРОВСКОГО	147
«Носите на здоровье!»	147
Два ордена Отечественной войны	150
И главное — там была любовь.....	152
У войны очень долгое эхо	157
<i>Примечания</i>	160
ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ	162
Силами одной дивизии с лыжным полком.....	162
Установить жестокую систему подчинения.....	166
Первым в соприкосновение с противником вошел 3 сп....	169
«Лучше сам пойду под расстрел»	179
«Попросят прощения»	183
Они встретились на Ленинградском фронте	186
<i>Примечания</i>	191
ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ.....	192
Мобилизовать в дивизии народного ополчения	192
Шестая дивизия народного ополчения	
Дзержинского района Москвы	199
К надвигающейся беде.....	208

Замкнутое пространство	217
Доклад дивизионного комиссара	226
Богородицкое поле.....	237
Без вести пропавший.....	244
<i>Примечания</i>	252
МАЛАЯ ЗЕМЛЯ И БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ	
ЛЕОНИДА БРЕЖНЕВА	256
Настоящий комиссар	256
«Какая это была женщина»	267
МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ, НЕ МЕНЯЮЩИЙ	
ЖЕНЩИН, КАК ПЕРЧАТКИ	283
Мой Багратион	283
Юлию Петровну предать никогда не смогу!.....	293
Никаких ответов не нужно — у меня приказ.....	304

Научно-популярное издание

Вся правда о войне

Смыслов Олег Сергеевич

ЖИТЕЙСКАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *О.Н. Богачева*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.10.2013. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ С-2371.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Новая книга О.С. Смылова — попытка заглянуть сквозь призму истории в годы Великой Отечественной войны и посмотреть на ее житейскую правду. Она потому и житейская, что в ней присутствуют точно такие же ситуации и проявляются точно такие же человеческие качества и эмоции, как и в мирной жизни. В книге двенадцать историй, но каждая из них, по сути, документальна. В этих историях нет вымышленных персонажей, а все факты основаны на свидетельствах очевидцев и документах. Каждая история — это рассказ о нелегких военных годах, о судьбах военнослужащих. Среди героев книги — солдаты и офицеры, асы-истребители, политработники и генералы.

ISBN 978-5-4444-1292-3

9 785444 412923

